

24(2-411.2)

Д 318.

А. ДЕМЧЕНКО

В КРАЮ ЛЕГЕНД

глаза, говорит Люся,—с меня нельзя с

чилась Надежда Ивановна.—Я вот с печника институт кончала, сколько лет на трудовые й долг.

Люся.—Ни у кого я не одолживалась, ни-

рчеткова.—Народу, который недоедал—тебя бя спасал, народу, который сегодня...

зко прерывает ее Люся.—И словами-то все после института на вас отработать! И все...

на себя отработаем! Отрабатывать приехала,

му... из экономер... Она... не... время

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

21/III

25/IV 777

P2

Д. 218.

А. ДЕМЧЕНКО

**В КРАЮ
ЛЕГЕНД**

**РАССКАЗЫ
ОЧЕРКИ**

АЛТАЙ

Горно-Алтайская
область
Библиотека.

Художник В. ЕВРАСОВ

Демченко А.

Д 31 Рассказы, очерки. Алтайское книжное издательство. 1968 г.

В основу книги легли многолетние впечатления автора о Горном Алтае. Ярко, сочно пишет А. Демченко об изумительной природе, о мужестве скромных тружеников гор — чабанов, пастухов, механизаторов, преобразующих свой край, вносящих вклад в строительство коммунизма.

Р2

Если вам приходилось видеть, как рождаются малые реки, вы не могли не заметить их яростного упорства и решимости пробить свой путь, свою самостоятельную дорогу в жизнь.

Родившись в каком-нибудь темном урочище, такая речушка смело устремляется к солнцу. Она извивается, петляет, атакует с размаху встречные камни и лесные завалы. Хитрит, изворачивается, увертывается от легких соблазнов свернуть в коварную падь или гнилое болото. Она не хочет застоя, ядовитой ряски, омертвляющей живую струю. С каждым километром пути она пружинит свои мускулы, вливает в них силу и энергию. И вот, вырвавшись из-под тени хмурого пихтача, свободно и легко бежит по солнечной елани. И раскаленные кувшинки огоньков уже глядятся с берегов в ее говорливые перекаты. Звездная метелица роняет серебристые искры на ее стремнины, и они не тухнут до самого рассвета, выстилаются по мерцающей ряби золотой тропкой, хороводом ходят в ее омутах.

Но не долгов путь речушек. Впереди большая река. И это хорошо, иначе зной истощил бы их силы.

Так и с дорогами. Сотни их малых, петляет в горах. И на каждой из них следы человеческого пота. Сердца. Дум. Счастья или роковой бед. Много в горах было дорог злых и добрых, коварных и темных. А светлыми были, может быть, только отдельные тропы. И то не для каждого, а для тех, у кого всегда тугие арчимак*. У кого лихая бедность боялась подступить к аяну. Для тех, кто, потрясая нескудевшей мощной, мог с исавом сильного сказать:

* Арчимак — кожаные походные туфли (м.).

— Это мое. И долина, и лес, и этот скот. И твое счастье, анчи*, — все мое...

Так было. Разными людьми торились тропы и дороги. И были они разными. По одним носилось большое горе, по другим, может быть, чуточку поменьше. А судьба их одна, как судьба малых рек, если они уходили от встреч с большими реками.

Огнем и мечом развеяла грозовая поступь революции смрад диких урочищ. Озаренные ее солнцем, увидели люди новые дали и потянулись к ним, отряхивая с ног вековые уклады ветхой старины. И тысячи дорог и горных тропинок влились в одну могучую магистраль, которую называл народ Чуйским трактом.

Чуйский тракт до монгольской границы...

Слова из народной песни. Но Чуйский тракт значительно дальше. Он перебросил мосты от полупатриархального уклада прошлого к достижениям сегодняшнего дня. И еще дальше — от сердца к сердцу его путь. Он помог горнякам Акташа проникнуть к кладовым гор. Он прорубил окно в неведомый мир современных былей для пастухов Кош-Агача и Улагана. По нему юнцом ушел из Яконура Петр Кудачин, неизвестный чабан из семьи потомственных скотоводов, а вернулся первым инженером-механизатором. А за ним в родной колхоз пришли агрономы и ученый зоотехник... Вчерашние кочевники, они стали дипломированными специалистами.

И я помню, Петр Кудачин как-то сказал, и неплохо:

— Чуйский тракт — это живая рука России. Братская рука великого народа.

...Стремителен в своем беге, суров и красив Чуйский тракт. Вот он врубается в скалу, виснет над пропастью, легко и свободно взбирается на перевал и, словно стрела, выпущенная из лука сильной рукой, рассекает могучие лесные заросли, а то вдруг сделает петлю, прошумит курумником над самой кромкой обрывистого берега Урсула или кураном прыгнет через бурные воды Белопенной Катунь.

Чуйский тракт... Вы помните, Кадыр Ачубаевич, знатный верблюдовод Кош-Агача, как удивлялись нашему новому времени. Вы говорили:

— Будто все сдвинулось со своего места. Если моя

* Анчи — охотник (алт.).

юрта расправит когда-нибудь свои крылья и взлетит на Чагат-вершину, я, пожалуй, ничуть не удивлюсь. Я только посмотрю на своего внучонка и спрошу его: «Не твои ли, балам*, это фокусы?» Время моего прадеда и отца и мои восемь десятков лет шли неторопливой походкой верблюжьего каравана. Идет, бывало, раскачиваясь из стороны в сторону, день, как год. А сейчас наоборот. Я знаю: эти крылья орла дал нашим людям Октябрь.

И вы правы, Кадыр Ачубаевич. Не верблюжьей стопой меряются события и время в наши дни. Эта мера стала слишком малой для тех, кто расправил крылья и смело ушел в полет. И заметьте, Кадыр Ачубаевич, совсем не стареют эти крылья. Наоборот, в них с каждым днем все тверже, все сильнее мускулы и стремительнее полет. Вы тогда же, кажется, заметили мудро:

— Когда человек собирается в дальнюю дорогу, он живет завтрашним днем. Потому что любая дорога не умеет пятиться назад. А мы в свое время и не пятились и не уходили совсем от того, что имели. А имели совсем немного: мечту о лучшей жизни. У каждого своя мечта. Поэтому они куцыми были. Дальше юрты не уходили. Похоже, человеку время дает мечту. Вот у моих внучат уже сейчас в руках вся техника — и автомашины, и тракторы, и ракеты — правда, игрушечные пока. А подрастут, что их удержит, чтобы не обуздать эту самую технику?.. Время. Столетие за год, за два — вот так оно теперь идет. Обратали его люди. Заставили на себя работать. Да не как-нибудь, а в полную меру, с полной отдачей... А знаете, кто первым вмешался в жизнь пастухов Кош-Агача? Вот он, Чуйский тракт. Это он принес большую весну в наше высокогорье. Он может многое рассказать. Только надо уметь слушать и понимать язык этого тракта. Недавно пронес он на себе до десятка нарядных автобусов. Казалось, цветами была расцвечена Чуйская наша равнина. Столько улыбок несли те автобусы. Это были парни и девушки из Монголии. Они ехали на праздник дружбы. На фестиваль. Знаете, что почудилось мне в те минуты? Будто звезды на нашем небе сигналият туда, за рубеж: «Приезжайте, люди земли. Приезжайте и посмотрите, как устраивает свою жизнь алтайский народ». — «Что ж, посмотрите.

* Балам — мой ребенок (алт.).

Мы из своей жизни не делаем секретов, — сказал я тогда. — Мы живем на виду у всей планеты...»

Чуйский тракт... Надо уметь его слушать. Это верно. Если б суметь прочитать следы на нем. Пожалуй, каждый из парней и девчат наших нашел бы на нем первые записи из своей трудовой биографии. Вот пробрались из Каярлыка и Ело на двуколках к знаменитому тракту молодые алтайские парни Адаров, Палкин и Укачин. Ушли из аилов прямо в светлые аудитории Московского литературного института имени Максима Горького.

— Чуйский тракт был нашей первой светлой дорогой в литературу, в жизнь, — вспоминают они. И недаром поэты говорят о нем в стихах, отождествляя его с живой судьбой алтайца.

Многое помнит Чуйский тракт. Помнит, как шли и ехали по нему тысячи алтайских тружеников, чтобы защитить счастье своего народа от фашистского порабощения в годы Великой Отечественной войны. Решимостью горели их глаза. Неукротимой ненавистью к врагу. В чеканном шаге и боевой песне была неудержимая сила и священная ярость народа, оторванного от мирного труда.

А когда принесли фронтовики на своих знаменах победу, будто сама кипень боя ворвалась с ними в родные села. Казалось, само солнце превратило свои лучи в неутомимые руки могучих кранов. Оделись села в строительные леса. Что ни совхозный поселок, что ни колхоз, то строительная площадка. Тысячи машин прошли в села на помощь людям.

Чуйский тракт до монгольской границы...

Нет, он идет значительно дальше. Он — живой свидетель наших побед, становления нашего счастья. Надо уметь только читать его, слушать его были... Он многое видел, многое знает. Вот одна из первых деревенок на его пути, Майма-Чергачак. Пропахшие дегтем и коровьим навозом, лепились когда-то на стыке двух рек крестьянские избушки. Одна-две лавчонки, часовенка на развилке дорог, самые крупные здания — мангазеи, а попросту амбары с зерном. Грязные улочки, скрипучие колодезные журавли, тесная школа на полсотню ребят. Вот и все. А в Чергачаке русские избушки вперемишку с алтайскими аилами стояли. Такой помнит тракт Майму-Чергачак. Прошли годы. Это были годы станов-

ления нового человека. Человека строителя, пытливого созидателя и творца. Огромное село — городок — раскинулось в междуречье. Средняя, восьмилетняя, начальные школы. Заводы. Огромное хозяйство опытной сельскохозяйственной станции. Свои Черемушки выросли в березовой роще. Прекрасные магазины. Гостиница. Несколько столовых. Кинотеатр. Преобразилось, неузнаваемым стало прикатунское село. Широко и смело шагнуло в жизнь.

А разве такие перемены в одной Майме! Спросите Катунь, которая вот уже десятки лет сопровождает в почетном карауле дорогу жизни. Она хорошо помнит, как совсем недавно на ее берегах стояли по всей долине дымные аилы кочевников пастухов. Вился сиротливо сизый дымок от пастушьего костра, да бродили косогами редкие отары овец и коз. Тоскливая песня безрадостной жизни ложилась вечерами на ее волну. Где-то в ущелье монотонно гудел одинокий топшур* и кайчи — сказитель — бередил души анчи мечтой о свободе и счастье.

Меняется время. Меняются песни. Но таких не было: задорных, веселых, искристых. Молодые девушки и парни теперь выходят на тракт и рассказывают ему о своей радости и заботах.

Летопись тракта пополняется новыми страницами день ото дня. Вот спустился газик с Ябоганского перевала. Он проскочит Теньгу и вырвется на простор у Семинского перевала. О чем расскажут Чуйскому тракту колеса этой машины? В стремительном их беге он прочтет:

«Яконур закончил первый год пятилетки славными победами в труде. Пущен новый мощный элеватор. Заканчивается строительство школы. На стоянках возведены новые дворы для скота, построено несколько домов для семей пастухов».

А навстречу легкому газику идут тяжелые ЗИЛы. И в шуршании их шин слышится: «Везем кормозапарники... Новое оборудование на фермы колхоза имени Карла Маркса»...

По-хозяйски механизировать свои фермы этот Онгу-

* Топшур — щипковый музыкальный инструмент с двумя волосяными струнами (алт.).

дайский колхоз. Десятки раз всем своим автопарком сходит до Маймы, до Бийска богатый колхоз за новой техникой. И год от года растут доходы артели. А вы знаете, сколько мотоциклов в этом колхозе? Почти в каждом втором доме. Нынче летом на центральную усадьбу колхоза в село Курату съезжалась перед самым сенокосом вся колхозная молодежь. Она разбила большой стадион. Насаживала деревья и подвела к саженцам воду. Приятно будет прошуметь машинам по такому благоустроенному селу.

Вы, конечно, заметили, как все больше и больше проходит машин на высокогорную Чуйскую степь с необычным грузом: длинными трубами.

Когда-то они были ни к чему в Кош-Агаче — сейчас в них острая нужда. Что же случилось на той высокогорной равнине? Ничего особого. Просто люди стали смелее в своих делах. Они решили преобразить степь. Пустить на нее живительную влагу. Сотни, а может тысячи лет звенела галька в необъятной долине Чуи, да свистел на ветру песок, набиваясь в редкие заросли карганы. Прорывались горные реки на степь, но увязали на полпути в песках и гальке, так и не донеся спасительную влагу до выжженной сухой степи. И долгие годы мирился животновод с такой несправедливостью. Отары овец и табуны яков шли к благодатным горам, под тень Чуйских альп, толпились у редких озерков и ключей. А десятки тысяч гектаров земли оставались на откуп горячему солнцу и свирепым ветрам. И уродовалась та степь на глазах, превращаясь в полупустыню.

Мирился с этим человек, потом, почувствовав силу, сказал:

— Хватит!

Такого еще не видала Кош-Агачская степь. Колхозники сельхозартели «Мухор-Тархата» прорыли арыки, построили главное ирригационное сооружение на речушке Тархата. Перекрыли шлюзами и пустили воду на степь. И ожила та. Десятки отар уже испробовали, наживовываясь, траву воскресшей земли. Но тархатинцы пошли дальше в своих начинаниях. Они пробурили несколько артезианских колодцев и заставили подняться подземную воду наверх.

Разведчики «голубых сокровищ», так называют в Кош-Агаче бурильщиков, появились во всех колхо-

зах. Забили первые фонтаны воды в Тебелере, в Орто-
лыке, в колхозе имени Чапаева и в Курае...

О том и рассказали стальные трубы, которые кочуют
по тракту до самого подножия Чуйских альп.

...Многое может поведать Чуйский тракт. Только на-
до уметь читать его письма, что ложатся на черной
от трудового пота его колеи. Он аттестовал не одну сот-
ню молодых водителей автомашин, сделав их мастера-
ми нелегких горных трасс. Мы слышим биение его пуль-
са и мнится: это одна из далеких артерий нашей вели-
кой страны. Мы слышим горячий пульс и биение ее
большого сердца.

...Чуйский тракт... Молодость нашего горного края.
Счастье и юность алтайцев. Нестареющая песня, Чуй-
ский тракт.

1. ТРОПОЮ ДРЕВНИХ

Здесь на каждом шагу хозяйничает легенда. Она и в древних складках гор, и на таинственных замшелых тропах, и в белесом лишайнике, припаянном к гладким каменным плитам. Она клыкчет зычно и гулко где-то в провале глубокого каньона, печатая каждый шаг коня. Она открывает перед путником каменные Красные ворота на Улаган, подозрительно свешиваясь с недоступной кручи в молчаливом изваянии древних камней.

Легенда гуляет лоземкой в вершинах подоблачных Чуйских альп. Где-то там, по караванным тропам древних, идет она за вами. Она бьется в кипящих струях стремительной Чибитки. А дорога из тропы превращается в тракт. И не верблюды, медлительные и гордые, встречаются вам на пути, не полудикие аргымаки с раскосым скифом в седле — обычные ЗИЛы и юркие газики, с обычными рабочими парнями за рулем. Теснят каменные заставы неторопливые, но упорные в работе бульдозеры. Это новая легенда наших дней. Позади — Акташ-гора. Та самая, которая всего два десятилетия назад держала в страхе окрестных жителей, выделяя ядовитые газы, омертвляя ближние деревца и травы. Это та Акташ-гора, о которой с опаской говорили казахи и алтайцы Кош-Агача:

— Шайтан-гора. Злой дух сидит в ней...

И, чтобы задобрить этого духа, редкий путник на горном перевале торопливо привязывал к ветке встречной березки белую ленточку — знак уважения и благодарности за сохраненную жизнь.

И вот новая легенда. Она родилась в наши дни. На этой пустынной, таинственной и недоброй Акташ-горе изловили-таки «шайтана», пускавшего из-под земли злые пары. Это был очень нужный и ценный металл —

ртуть. Когда он понадобился — советский человек проник в недра горы и на высоте почти трех тысяч метров над уровнем моря взял его. Он построил в живописной Мёнской долине рабочий поселок. Заставил работать на себя современные машины и пошел дальше в своих смелых начинаниях — решил завернуть к поселку могучую реку Чую. И вот уже прорыт канал, уложены трубы. На месте перемычки скоро вырастет здание первой в Горном Алтае мощной Чуйской ГЭС. И вода Чуи, покорная властной руке человека, пойдет в гору, спустится по ущельям в Мёнскую долину и оживит суровую местность. Так делается легенда в наши дни.

А древние тропы идут у подножья белков. Спускаются в долины остатками забытых кочевий, уходят легендой в седые курганы Пазырыка. Суров, неприветлив Улаган. Часто хмурится небо, но дожди обходят стороной. Потому и трава желтеет рано. Дуют холодные ветры. Мало солнца здесь. Мало тепла. Но и в этой суровой хмари — своя прелесть и красота. Неповторимы краски неба, когда цветет оно в закате над могучими отрогами неприступной горы Кискашту-ойык. А стремительная лавина Башкауса, вылетающая на просторы Улагана с гор? Каменные торосы... ожерелья брызг. Сокрушительный напор огромной массы воды, летящей навстречу такому же беспокойному богатырю — собрату бурному Челушману. Туда, в Челушманскую долину, на юг, к солнцу, и ведет эта древняя тропа. Но она здесь не одна. Их много. И которая из них самая древняя, трудно определить на глаз, но вернее — свернуть на Пазырык.

Лихие землепроходцы древних веков, они были здесь, они копытили эту землю. Не эти ли россыпи полуразрушенных скал были свидетелями людских трагедий и неразгаданных человеческих судеб тех лет. Немые памятники седой старины, они тоже могут заговорить. Голые сопки. Широкие равнины. Безымянные курганы имеют тоже свой язык. Его надо разгадать, этот язык. И здесь, в Пазырыкской долине, была сделана попытка «оживить» курганы.

В 1937 году археологическая экспедиция известного теперь археолога, доктора наук Сергея Ивановича Руденко начала раскопки. Первый же из курганов — заговорил. Перед археологами открылось захоронение —

остатки разграбленной могилы. Но и то небольшое, что увидели они, принесло большую пользу науке.

Вернулся Сергей Иванович на Пазырык с новой экспедицией уже в 1947 году. Этот год принес ему мировую славу — Пазырык открыл свои сокровища. Они бесценны — и этот сохранившийся через века ковер, и оружие, и гробница, и разная дорогая утварь, и убранство воина... Примерный возраст их — 2400 лет.

Руденко обратил внимание на ровную линию камней, сложенных у могилы. Их было столько, сколько висело скальпов на поводу коня. Жертвы этого скифа?

Приоткрыв страницы древней книги, Пазырык замкнулся. Сколько легенд и событий хранят еще его курганы и кому посчастливится первому прочитать их — дело времени.

Хмурится небо, будто в сговоре оно с этими седыми курганами. Свистит под копытами коней острец. Извиваясь на крутом голом склоне увала, сбегает в долину каменная тропа.

2. ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

Тропа идет по самому берегу Улагана. Беспокойная речушка мечется, петляет по долине, за ней делает петли и тропа. То ныряет в густые заросли кустарника, то падает под кручу обрывистого берега и шуршит галькой и песком под копытами коня. Потом метнется на предплечье крутого увала. Распрощается с Улаганом и поведет вас все выше и выше.

Здесь ущелье, как след от удара острым топором. Склоны крутые. Внизу острием ножа блестит речушка. Чем выше поднимаешься по ущелью, тем речка уже. Вот-вот, кажется, превратится в ручеек. Но ущелье раздвигается. Впереди открытые сопки. На них, словно лишай, белеют солонцы. Тропка сбегает вниз на открытые поляны. Показался над лесом сизый дымок. Видна стоянка. Это Туура-Ачык. Здесь летом пасут коров животноводы Балыктуюльского колхоза.

Можно спутать коней и пустить их на траву. Отдохнуть. Запалить костер.

От костра мечутся искры. Горы, кажется, придвигаются к костру и вступают в беседу. Вот где-то протрубил марал. Раздался топот и хруст... А внизу, в камышах, все время слышится какая-то возня, шелест, кря-

канье. Дичь. Чем ближе к лебединому озеру, тем чаще проносятся со свистом косяки уток. А костер искрит, искрит. Мечутся по сторонам раскаленные пеньки пихтовых углей. Из юрты вырывается наружу широкая вольная музыка. Григ? Далекий иностранец заглянул в это ущелье. Это его краски. И этот шелест деревьев. И птичий грай, и трепетная струйка тумана над рекой. Настораживаются горы. Только вторят музыке серебряные струи Улагана. Плещутся на перекатах. Потихоньку звенят, звенят, подключаясь к музыке... И оттого она становится еще богаче.

Замолчал Григ. В ущелье играет красками закат. Бродят в прибрежных кустах, зажигая цветы и камни-самцветы на перекатах, солнечные лучи. Где-то шумит водопад.

Нет, не кончился Григ. Музыка осталась. Кажется, поют камни. Трава. Лес. Река. Осталась музыка неповторимых красок. Их может стереть только зима. Но на смену этой мягкой летней палитре принесет она с собой новые краски. Суровые и строгие, но не менее волнующие, лягут они на эти горы новым нарядом. Тогда-то уж не найти здесь тропки. А сейчас, пока видна она, пока не потух закат, поедem вперед. Уже чувствуется дыхание озера. В километре от Туура-Ачыка дно ущелья заполнили камыш, осока, высокие желтоватые метелки какой-то болотной травы. Она тянется к самому седлу, оставляя терпкий запах пыльцы. Из ущелья ползет туман. Он рождается там, на озере, и сползает по долине вниз. Речки уже не видно. Она здесь сочится у каждой кочки, расползается по камышовым зарослям, уходит вправо к Синему озеру.

Еще одна стоянка, и вдруг впереди — просвет. Горы расступаются по сторонам. Но озера не видно. Неожиданно дорогу загораживает густой пихтач. Лесная застава. Тропка лезет на скат каменного обрыва. Врубаются в него узеньким карнизом. Обходит лес. Сквозь деревья блестит вода. Оставляем коней и лезем по чащобе к озеру. Под ногами чавкает вода. Мох проседает, колыхается. Идти становится труднее. Делаем из валежника мостки. Продираемся сквозь последний кустарник, и перед нами — водная гладь. Вдруг будто кто срывает огромное покрывало с него. С треском, шумом в воздух поднимаются тысячи уток. Серое покрывало из перна-

тых взлетает, словно ковер-самолет, кружит над озером и исчезает где-то в камышовых зарослях.

Вода в озере голубая, прозрачная. У самых ног проносятся косяки непуганых османов и хариусов. Рыбы так много, что, приглядевшись, мы замечаем: легкая рябь на воде — это следы несметных рыбьих косяков, которые носятся в разных направлениях по озеру. Затаив дыхание, мы смотрим на водный простор, занявший все ущелье, и немеет от восторга.

Противоположный берег, в легкой дымке тумана, крут, обрывист, покрыт густым хвойным лесом. Деревья спускаются к самой воде и, прихорашиваясь, любуются своим отражением.

Вот из камыша на середину озера чинно выплывают гагары. Белыми платочками повязаны их шеи. Они настороженно смотрят в нашу сторону, плывут еще немного, потом сворачивают под тень противоположного берега.

Возвращаемся к коням. Выбираем место для стоянки. Разводим костер. Связываем несколько лесин в легкий плотик. Отдельными табунками возвращаются утки.

Поздно вечером запекаем в глине несколько снятых на лету «варнавок» и любимся ночной жизнью Лебединого озера. А где же лебеди? Их нет. А были они когда-нибудь? Решили выяснить. Посылаем «делегацию» на ближнюю пастушью стоянку. С нетерпением ждем их. Делегаты наши не особенно спешат. Похоже, засиделись за чаем. Не вытерпев, идем все на стоянку. Так и есть. Конечно, чай. Нашлось место у очага и для нас. Садимся. Пьем вкусный, немного солоноватый, припахивающий жженым ячменем напиток. Это не обычный чай. Приготавливается он на густом заваре с толканом, жиром и топленным молоком. Немного подсаливается. Сытно и очень вкусно.

Чай, костер и легенда кажутся неотделимыми. Они дополняют друг друга, и мы уходим в мир сказок, в седую старину.

...Когда это было. Очень давно. Как-то повелось так, что алтайцы не трогали пернатых. Многие из стариков до сих пор считают, что кююк (кукушка) птица-мученица. Когда-то кукушка была женщиной. Жила она бедно, но была очень трудолюбива. Все силы отдавала, чтобы вырастить троих своих детей. А они росли непослушными.

И вдруг заболела мать. Просит одного сына, чтобы сходил за дровами — он не послушал ее. Второго — и тот убежал. Третий тоже отмахнулся от ее просьбы. Заплакала мать и сказала:

— Лучше б я птицей стала. Улетела бы от вас... — Сказала так в отчаянии и вдруг превратилась в кукушку, вспорхнула и полетела в дымоход аила. Один из сыновей схватил ее за ногу. В руках его остался обуток, а кукушка улетела. Так и живет она: одна нога черная, в обуви, другая — разутая, розовая. И яйца подкладывает в гнезда других птиц, чтобы самой не выкармливать птенцов. Но прислушайтесь к ее крику. Порой столько тоски в звучном голосе кукушки.

...Потрескивает костер. Из пастушьего аила, в открытую дверь, заглядывает сказочная ночь. Где-то у озера глухо ухнула выпь.

— Плачет, — прислушался хозяин стоянки и вздохнул. — Говорят старые люди, что это сама лебедь плачет.

И снова над аилом зажглись таинственные огни сказки. Это была легенда о лебеди. Никто не помнит, в какие годы случилось такое. Поднялся в горах сильный ураган. Такой сильный, что выплескивал озера, вспять поворачивал реки. Рушились скалы. Падал лес. Выплеснул на самые вершины гор ураган и Кёлюкол, Лебединое озеро. Взлетели лебеди. Не рассчитал один из них — да и трудно было это сделать — вокруг мрак стоял, пыль, летели отовсюду камни, — подхватило того лебедя и ударило о скалу, только перья белые закружились. Схватила одно перо подруга его и стала летать вокруг, не в силах оторваться от того страшного места. Наутро стих ураган. И все увидели, как над сухим озером с пером в клюве кружилась одинокая лебедь.

Она все кружила, кружила и не кричала, а стонала от горя. Целый месяц летала. Обессилев, упала и разбилась. Выпало перо из клюва, взлетело кверху, а потом стрелой вонзилось в землю, пробило ее, и забурлил в том месте ключ. Он снова наполнил ущелье водой и вернул ему озеро... А лебедь до сих пор стонет. Не может она забыть своего друга.

Лебединое озеро... Мы прощаемся с гостеприимным пастухом и молча идем к берегу. Посредине озера рябит лунная дорожка. Она похожа на лебяжий пух.

К ней путь через Кара-Кыр, что значит Черная грива. Перевал действительно похож со стороны Лебединого озера на лохматую конскую гриву. Сначала тропка разрезает перевал вдоль, заметно поднимаясь выше и выше, а у самой вершины идет свечой вверх и ныряет в черную пасть густого кедрача. Он-то и делает похожим на гриву этот крутой перевал.

Кара-Кыр добр. Он гостеприимно приоткрыл свою кладовую: тяжелые лапы кедрача густо увешаны ореховыми шишками. Говорят, здесь в любой год неплохие урожаи кедрового ореха.

Место глухое, таежное, но тайга не давит. Ощущение такое, будто едешь под самыми облаками. И ждешь чего-то необычного. Ждешь, вглядываешься в редкие просветы между деревьями.

А это необычное уже подкарауливало нас и было, оказывается, совсем рядом. Кто-то заметил белку. Заулюлюкал, захлопал в ладоши. Лошади остановились, потянулись к траве.

И тут на глазах у всех из-за кучи валежника взвилось в воздух пятнистое темно-серое животное. Делая большие прыжки, оно молнией врезалось в гущу леса и исчезло.

Бег вспугнутого животного мягок, красив. Косуля? Но эти большие клыки, свисающие с верхней челюсти... Парнокопытное с клыками?

Чем еще, каким чудом поразит воображение Кара-Кыр? А оно еще будет там, впереди. До него надо преодолеть этот затяжной перевал. Пока забежим вперед, в Чодро, присядем у костра и послушаем, что скажет об этом животном местный охотник.

Это кабарга. Она легка и быстра, как косуля. И мясо ее очень вкусное. А клыки — это действительно. С какого века, от какого доисторического животного носит она этот не совсем удобный атрибут несовершенного прошлого? Кто знает. Когда-то, возможно, они, эти клыки, были страшным оружием, хорошим помощником, а теперь стали обузой. Да и уродуют они изящную кабаргу. Мешают ей. Питается кабарга лишайником, потому и любит северные склоны, сырые, темные заросли.

Когда-то клыки кабарги и бабки из ее ног очень це-

нились. В ясак алтайца вместе с белкой и соболями записывали и 50 бабок кабарги.

...Кедрач провожает до широкой поляны, покрытой цветами, карликовой березкой и густой травой. Дальше не идет. Дальше — владения лиственниц. Высокие, стройные, они толпятся у опушки, с горделивой осанкой поглядывая на отставший, добродушный с виду, широкоплечий кедрач. Поляна — граница их владений. А на этой поляне, в дальнем углу ее, неожиданно блеснуло мертвым стеклянным оком высокогорное озеро. Странно как-то и непривычно видеть озеро под самыми облаками. А оно есть. Тропа идет по его вязкому берегу, потом круто сворачивает в лес, ныряет еще сотни три метров под колодинами и вдруг начинает падать. Навстречу заструился теплый ветерок. Картина неожиданно изменилась. Среди однообразных гладкоствольных лиственниц появляются кудрявые березки. В распадах зашумела листвою осина. Она-то так резко и изменила колючий хвойный пейзаж. Стало светлее. Мягче, ласковей краски. Теперь уже не оторвать глаз от тропы. Что откроет она перед нами, какой порадует неожиданностью?

Пологий спуск длится несколько километров. Все гуще и выше трава. Богаче зелень. Вот качнулась у самого седла тугая кисть рябины и скрылась за листвою. Наконец, крутояр.

С высоты почти двух тысяч метров открылась шумом водопадов, пышной зеленью и ревом реки — Челушманская долина.

Вот оно лежит у ног, под отвесным обрывом, по которому петляет тропа, алтайское чудо!

В горах Алтая на каждом шагу встречаются контрасты и сюрпризы. Здесь каждый перевал имеет свой микроклимат, свою флору и фауну.

У Акташ-горы мы видели мертвые озера. Красные скалы. Суровые заснеженные гольцы. В Кош-Агаче — бескрайние просторы Чуйской каменной полупустыни. И вдруг напоминающий субтропики уголок — Челушманская долина!

Кипит вокруг зеленое чудо. В глубоком распаде беснуется Челушман. Свешивая со скал серебряные косы, горят в перламутре радуг многочисленные водопады. Их не один десяток по всей долине от истока до Те-

лецкого озера. Пять из них насчитаете сразу же в окрестностях Чодро.

Эти вот домики, расположенные на правом берегу Челушмана в густом черемушнике, и есть Чодринское лесничество. Лесники-егери народ бывалый, таежный, любит костер, свежую уху и, конечно, всякие истории.

Со скучающим видом егерь может обронить к слову:

— Тут, против горелого островка на Челушмане, видать, яму выворотило за ночь. Поехал, а коня и занесло в нее. Как на грех, подпруга лопнула... Надо выше брать. — И замолчит, станет раскуривать трубку, к костру за угольком потянется. И тут вы обратите внимание на его мокрую «робу» — от нее валит пар, и уже без труда дорисуете начатую им картину переправы через бурную, опасную реку. Лопнет подпруга на самой быстрине, значит быть всаднику под конем. Как же он выбрался? Тут, может быть, кто-нибудь из его товарищей спросит, тоже так, между прочим:

— Седло-то хоть спас? — в глазах легкая искорка озабоченности.

— Выволок... У Черного пня, — нехотя отзовется пострадавший.

У Черного пня — это значит на километр ниже переправы. И все это знают и никого не удивляет мужество и бесстрашие товарища. Как он эту тысячу метров проплыл по кипящим бурунам и камням, ловя выскользнувшее из-под ног седло? Подробности никого не интересуют. Так должно. С каждым бывало такое. А без седла здесь трудно. Обездзы большие. Они измеряются сутками. Тайга на горах, в долинах. За лесом надо следить. Оберегать его от пожара. В ночь-полночь, если надо, если требует дело, егерь седлает коня и едет в темную тайгу по невидимым тропам, по приметам, известным ему одному да, может быть, коню.

Бесстрашные люди.

...Искрит костер. Где-то рядом, за черемуховой зарослью, то затихая на какой-то миг, то вдруг усиливая шум, бьется острой струей, разбиваясь в пыль о каменные торосы, водопад. Бурлит над костром, вздрагивает на проволочной подвеске черное от копоти ведро. Вокруг — аромат ухи.

— Ты хоть белочку-то выпотрошил из тайменя,

Илья? — спросит неожиданно кашевара один из егерей. Кашевар молча снимает пробу, осторожно схлебывает с деревянной ложки каленую жижицу. Улыбается одними глазами.

— А зачем? Вкуснее будет.

— Ну и везет же Илье, — качает головой егерь. — Когда-нибудь твои таймени баранчиков будут заглатывать с берегов.

— Будут, — соглашается Илья, расправляя усы. — Разве обвинит меня в том Егор? — егерь смотрит в сторону чабана, который пришел на костер с ближней стоянки.

Тут уж рыбачья история. Илья поймал крупного тайменя, в животе которого обнаружил еще не разложившуюся белочку. Видно, переплывала она Челушман и попала на ужин тайменю.

...Горит, искрит костер. Одна за другой нанизываются в легкую дымку то егерские, то охотничьи истории. И костер полыхает до рассвета и эти истории ложатся в неповторимую легенду.

...Отвязывайте коней и смело спускайтесь вниз. Сверкают на солнце рыбьей чешуей буруны перекатов на реке. Туда ваш путь. Зовут, извиваясь разноцветной радугой, водопады. А над всей долиной — птичий грай и солнце. Щедрое, доброе Челушманское солнце.

4. ЧЕЛУШМАНСКИЕ НОВЕЛЛЫ

Опасное соседство

Это произошло в те годы, когда недалеко от Чодро, на левом берегу Челушмана, стояла еще пограничная застава. Где-то рядом в верховье Челушмана — граница с Тувой. Теперь-то надобность в границе отпала, потому что тувинцы вошли в нашу страну автономной республикой.

Так вот, как-то выше той заставы километров на десять встретился егерь Полуянов нос к носу с «хозяином тайги».

Егерь хотел напоить коня и, ничего не подозревая, вел его в поводу к реке. И вдруг из-под вывороченного

корневища на него вышел медведь. Конь рванулся в сторону и помчался, фыркая, назад по тропе.

Остался Полуянов один на один с Мишкой. Умчался с конем и его карабин. Остался при нем короткий нож. Схватился за него егерь, да второпях никак не может из деревянной ножны выдернуть. А медведю назад пути нет — река там, он и пошел на егеря. Попятился тот, спиной о сосну уперся. Некуда дальше отступать. А нож вперекрут с ременным шнурком пошел. Чем сильнее дергает его Полуянов, тем он больше запутывается. Взмок. В голове вихрь — что делать? И вдруг, повинувшись одной мысли, шагнул навстречу зверю, размахнулся да как трахнул «хозяина» кулаком в ухо. А кулак у егеря свинцовый, быка валил на землю.

Взревел Мишка, откатнулся назад, но не упал. Тогда разбежался Полуянов и хотел его в воду спихнуть. Полетел «хозяин» под яр да успел и Полуянова с собой за телогрейку прихватить. Перелетел тот через медведя — и с головой в воду.

Вынырнул, лицо обтер ладонью и шарит глазами, где медведь. А вокруг камни торчат из воды. Вода бурлит возле них. Подхватило егеря и поволокло вниз. В это время его чем-то больно ударило в плечо. Повернулся, а это огромная сосна плывет. Упала где-то с берега. Забрался он на нее и только отдышался, слышит, где-то фыркнуло. Присмотрелся по комлю к корневищу, а там — «хозяин». Забрался тоже и отряхивает свою шубу. Тут дерево поперек реки пошло и сразу же о камень тряхнуло. Затрещали сучья, вершину кверху задрало. «Хозяин» опять в воде оказался.

«Ну, может, закурят тебя, черта лохматого», — подумал егерь. В это время вершина стала тонуть, и егерь пошел под воду. А когда снова вынырнул, увидел Мишку, мотавшего головой и отфыркивавшегося, на прежнем месте.

Так они и плыли. У самой пограничной заставы дерево развернуло. В это время с берега раздались свистки. «Нарвался на тревогу, — с досадой подумал Полуянов. — Ну, хоть от опасного соседства избавлюсь. Выручат, небось. Парни свои. Не раз виделись».

К воде подбежали пограничники. Взметнулось вверх лассо. Дерево подцепили и потянули к берегу.

— Вот он, беглец... Здорово, Михаил Иванович! Не-

хорошо, брат, нехорошо. А ну, давай домой. Давай, — раздались веселые голоса.

Медведь отряхнулся и покорно пошел за пограничниками.

...Егерь обсушился на заставе. Солдаты напоили его чаем. Поел на кухне и Мишка. Поел и охотно пошел на борьбу со смельчаками. Смешно топтался вокруг, обхватив борца. Пробовал егерь по настоянию пограничников помириться с ним. Подошел, протянул ему руку. Мишка ткнулся мордой в нее, сердито оскалил клыки и недовольно отвернулся.

— Правильно, Михайла, — смеялись пограничники. — Надо быть принципиальным. Оплеух никому не прощай. А за самоволку придется тебе все-таки на гауптвахте посидеть. Давай-ка на цепь.

Мишка покорно подставил шею и, недовольно пофыркивая, пошел за солдатом.

Удар

Марал вышел из кедрача. Остановился на опушке. Втянул с силой воздух. Постоял некоторое время и, спокойно подойдя к акации, стал легонько раскачивать ее рогами. А опасность уже подстерегала его. Из-за реки взял его на мушку охотник. Рогач был спокоен. Охотник горячился. Никак не мог поймать в прорез прицела голову животного.

Выстрел. Марал делает прыжок в сторону и тут же падает. Издав торжествующий крик, охотник бежит через речку, высоко держа в руке ружье.

Подбежав к убитому маралу, он вешает на его рога карабин и, не скрывая радости, пробует вскочить на тушу.

Вдруг резкий удар отбрасывает его далеко в сторону. Раздается топот, хруст ломаемых сучьев, и наступают тишина.

Только в голове охотника звенят еще какие-то колокола. Ноет плечо, разбитая голень саднит.

Очередная охотничья история. Ее рассказывает нам егерь Двоеглазов. Остроносое обветренное лицо его хранит таинственную усмешку. В глазах немой вопрос.

— Не верите? Могу назвать охотника.

Но все знают его. С прошлого года у Двоеглазова новое ружье.

— Что же стряслось с маралом? — спрашиваем незадачливого охотника. — Ведь марал-то, говорите, лежал?

— Лежал, проклятый, замертво. Даже откинул ноги.

— Что же тогда?

— Шок... Самый настоящий шок, друзья. Так говорят медики.

Девичьи плесы

У Кумира нет такой громкой славы, как у Катуня, Урсула или Челушмана. О нем поэты не слагали песен. И легендами он не особенно богат. Но тот, кто побывал на его берегах, навсегда сохранит в своей памяти необычную голубизну его вод, стремительный бег волны, хрустальную прозрачность заводей и шум водопадов.

В просторной долине, недалеко от горной деревеньки Талицы, он сдерживает свой бег и раздается вширь. Пенятся, кипят перекааты. Разноцветные гальки и камни сверкают на солнце с самого дна. Трудно поверить, что это обычная горная вода. Кажется, что где-то в горах под белками плавится голубой хрусталь и стекает мощной лавиной вниз, сюда в долину, навстречу с Чарышом. Здесь, в этой небольшой долине, мы и встретились с легендой. Ее нам рассказал старик-алтаец. Он назвал только свое имя.

— Николай, — сказал он и добавил: — Из сеока телесов. — Подумал немного и молодо сверкнул насмешливыми глазами: — Был когда-то... Теперь у нас один сеок. Так-то посильнее будет. Правильно говорю?

Пожалуй, правильно. Не сеоками поднимать новую жизнь, а сообща.

Потом старик подошел к реке и долго смотрел на нее. С трудом оторвав взгляд от реки, покачал головой и стал разматывать лесу.

— Если правда, что удав может своим взглядом подтянуть к себе ягненка, то почему бы той легенде о Кумире не быть тоже правдой? Смотрите, как притягивает к себе эта река! Не оторвешь глаз. Так бы и смотрел, и смотрел на нее. — Старик сбросил в траву кожаную суму и сел на нее, поблескивая из-под ресниц лукавыми глазами.

Солнце пробивалось к закату. Его лучи скользили по серой скале, что высилась перед долиной. Вспыхнул рубец высеченной в скале древней дороги и погас. Легкие

тени заскользили по реке, где-то здесь начиналась легенда, у этих перекатов. Потом она уходила вверх по реке до самых Девичьих плесов. И еще выше—до водопада, а от него ко всем урочищам. Цепкая память у легенды. И это понятно — в ней мудрость далекой старины, а может быть, и мечта народная.

Давно это было. Так давно, что и троп тех не осталось в горах, на которых бились с захватчиками-джунгарами храбрые воины из алтайских сеоков. Обрушились они, поистерлись от времени. Заросли деревьями. Не стало тех троп, а легенда живет и будет еще долго жить, потому что остались Девичьи плесы. Они-то и сохранили память о тех днях, когда алтайцы боролись за свою независимость, за честь оставаться людьми на этой земле.

...В урочище Мендой прорвался отряд завоевателей. Хотя и много полегло их на горных кручах, но часть во главе с князем, одноглазым свирепым стариком, пробилась к урочищу. Позорный плен, рабство ожидало его жителей. Камнями, стрелами отбивались они, пока совсем не обессилели и не погибли в неравной битве. Осталось во всем урочище три девушки.

— Не попадай в руки этих мучителей, — сказал, умирая от тяжелой раны, отец красивой гордой девушки. — Уведут к себе как невольницу. Не увидишь никогда больше родины. Нет беды страшнее, как умереть вдали от родных мест.

— Не беспокойся, отец, позора не примем, — сказала Мерей и позвала подруг.

— Садитесь, девушки, на коней. Наш путь через вражий лагерь. Прорвемся или умрем. Больше дорог нет.

Одна из девушек, дочка бая, сбежавшего из урочища, испуганно замахала руками:

— Что ты, Мерей! Девушек воины не трогают. Так отец говорил.

— Твой отец трус. Он продал народ, — сказала гневно Мерей. — Оставайся. Встречай гостей, а мы решим иначе. — Она посмотрела на свою подружку, и та кивнула ей головой.

Один конь остался во всем урочище. Но это был добрый аргымак. Сели на него девушки и бросились на врагов. Бил копытами вражьи головы аргымак. Рвал зубами. Не один завоеватель истек кровью от меча Ме-

рей. Вот уже к стану самого князя пробиваться стали. Удивился тот смелости и храбрости девушек, велел живыми взять их. Бросились враги со всех сторон. Раздались крики:

— Живыми! Это приказ господина!

Услышала это Мерей. Видит — не пробиться.

— У нас одна дорога осталась, — сказала она подруге, — свернуть вправо и броситься со скалы. Что ты скажешь?

— Лучше смерть, — прошептала та.

Рванула повод Мерей и направила коня со скалы. Взвился тот над пропастью и упал вниз...

И тотчас в том ущелье вырвалась из-под земли река. Это аргымак никак не остановит свой бег. Мчится по камням, срывается водопадами, ревет в узких ущельях непокорной волной. Только в том месте, где упали девушки, образовался тихий плес. Хрустальные заводи просматриваются до самого дна.

Увидел со скалы красивую реку предводитель завоевателей и не мог оторвать от нее глаз. Она притягивала его, звала, и не было сил сопротивляться ее силе. Шагнул навстречу тем заводям князек и сорвался со скалы в воду, чуть повыше плеса. Вскипела в том месте вода. И до сих пор не может успокоиться. А прошло уже столько лет.

...Мчится по ущелью. Вольной птицей летит на простор, на свободу и, кажется, нет такой силы, которая могла бы обуздать его, сдержать, приостановить его бег.

И только в одном месте он тих и ласков. И струи тут его, как шелковые девичьи косы. Это место называется Девичьими плесами. Почему оно так называется? Может быть, как-то по-своему права легенда, а может быть, потому, что нет на Кумире более прелестного уголка, и человеку хотелось назвать его ласково и красиво.

...Когда вы спуститесь с берега, обрамленного березками и цветами, на коричневые каменные плиты и заглянете в светлые заводи плеса, может быть, вам придет в голову более полное сравнение, а пока — Девичьи плесы... И это очень неплохо.

Сегодня наш путь на Усть-Тайбылky. На стоянку Марии Толтоковой, той самой Толтоковой, колхозницы сельхозартели «Путь к коммунизму», которая стала Героем Социалистического Труда. Первым Героем в Балыктуюле. Первым во всем Улаганском районе. За годы своего чабанства она вырастила около восьми тысяч коз, сдала колхозу несколько тонн пуха.

...Дорога идет через лес. Тропа путаная. Но она единственная на Котуярык. До него далеко, и тропка задолго до этого спуска к Челушману свернет вправо. Нигде тропа не взбегают на гору, кажется, всюду ровное место, а у самой речушки Тайбылky вы окажетесь на страшной высоте. Где-то там, внизу, шумит, клокочет мощная река. Это Челушман. Но к нему нелегко спуститься. А спуститься надо, потому что в его долине на самом берегу и стоит юрта Марии Васильевны. Когда войдете в юрту, в дымоход ее увидите вершину той скалы, по кромке которой пробежала ваша тропа. Даже темные лапы кедрача видны. А весной в ясные дни через тот же дымоход врывается солнце. Упрется в кочму на полу, осветит трепетный круг и через час потушит. Уйдет дальше. А зимой совсем не бывает. Зимой у солнца еще короче путь.

Около юрты — кошара. А рядом, всего шагах в тридцати, причудливой формы ледяные торосы. Тут и абажуры из перламутра, и гирлянды из стеклянных бус. Все это мастерит за зиму беспокойный Челушман. Не сдается морозам. Мастер он великий на поделки из льда. Лепит вокруг застекленевших валунов разные красивые безделушки, а под лед не идет. Так и гремит, и шурует голубой лапой меж камней. Сдается лишь в самые суровые зимы.

— Как медведь-шатун, — смеется чабан.

Весной там, где-то в кедраче, наверху, трубят маралы. Иногда на восходе солнца вырастает, как изваяние из бронзы, красавец архар. Стоит, не шелохнется. Смотрит вниз. Он — житель заоблачных высот. Ему не по душе низкие долины. А интересно, похоже, посмотреть на это голубое чудо—Челушман. Послушать его музыку. Понаблюдать за своими далекими сородичами — козами, которых пасет по гребням гор Мария Толтокова. Но шумная бравурная музыка горной реки опасна для архара. Заслушаешься — приворожит. Потеряешь бдительность. Этим и воспользуется хищный зверь. И архар чуток, быстр, как молния.

С прибрежных скал почти к самой юрте осыпается курумник. Он постоянно в движении, будто парус. Сыплется и сыплется песок. Звенит, перекачивается вниз галька и мелкая щебенка. А он все растет, этот каменный парус, тянется кверху, словно думает сравняться с островерхими гольцами. Придет время, и он, этот курумник, испытает мужество человека.

...В ту трудную зиму Мария Васильевна жила на стоянке вдвоем с младшей сестрой Лизой. Они подняли за лето «зеленку» — смесь овса с ячменем — на небольшом прибрежном участке. Поливали вручную, будто капусту на огороде. Берегли от коз. Редкой была «зеленка». Какой там на песках посев! И все же, скосив и убрав до соломинки, поставили прикладок у самой кошары центнеров, может, на 20—25. Это богатство! И нужно было сохранить его для козлят. Но зима навалилась страшными морозами. Даже Челушман упрятался от стужи. Гудит где-то подо льдом, а наружу пробиться не может. Сил не хватает.

— Двадцать четыре года мы на этой стоянке, — говорит Мария Васильевна, — а такой зимы не видели, как в тот год была. По этой каменной трубе, — показывает она на долину Челушмана, — круглые сутки дули холодные ветры. Они накалили камни так, что многие рвались, будто бомбы... Нынче уйма снега, но зато теплее. Козы целый день на склонах пасутся. В ту зиму ветры ломали даже кустарник, а старую траву срезали, будто косой, и уносили.

Угрюмые голые скалы. В речной долине — серая от пыли метель. Отара, похожая издали на разбросанные

камни, облепила заросли караганы. Чабан, надвинув поглубже шапку, проверила, крепко ли сидят на теплых обутках клыкастые железные «кошки». Подтянула ремни, чтобы надежнее было, полезла в гору. Без этих «кошек» нельзя чабану. Козы всегда лезут на головокружильные скальные кручи. В обычных сапогах или ичигах за ними не подняться. С одной из высоток заметила, что на предплечье соседней скалы Кок-Кая сохранилась хорошая трава. Площадка ровная, большая. На ней влезет пол-отары. Но как попасть на этот «прилавок»? С бровки площадки до земли — аркана два, не меньше. А это значит метров за двадцать. Скала стоит отвесно. Попробуй забраться по ней к траве. А что, если воспользоваться курумником? Вершина его подходит к самой площадке. Не очень круто.

Мысль о травяной площадке не давала чабану покоя до самого вечера. На стан козы возвращались неохотно. Видела это, понимала: полуголодными идут в кошару.

— Придется немного дать им, — кивнула она сестре на стог «зеленки». — Только немного. Впереди окот — самое трудное время...

— А ты далеко собралась? — спросила сестра, видя, что Мария и не думает снимать «кошки».

— В разведку, — коротко бросила та и пошла по берегу к Кок-Кая.

Без особого труда поднялась она по осыпям курумника на предплечье горы. Обрадовалась: в нише скалы было немало любимого козами мелкорослого кустарника, а вокруг — желтая трава. Ее много.

— Вот тебе и пастбище, — улыбнулась Мария Васильевна и на минуту задумалась: надолго ли его хватит? Прибросила в уме. Подсчитала. Дней на пять. Это уже здорово. Не каждый зимний день выпадает такое счастье. Вечером посоветовались с сестрой.

— Ты думаешь, курумник выдержит отару? — спросила Лиза.

— Ну, всю отару — опасно, — согласилась Мария, — голов по десять будем пропускать. С сотню поднимем. И хватит.

— Значит, не всех?

— Конечно. Площадка не очень большая. К чему толкучка? Потопчут траву без толку.

Раз десять поднимались и опускались вниз Мария с сестрой на другой день. Удалось поднять более восьми-десяти коз.

— Удобно устроились, — смотря снизу на коз, смеялись сестры. — За ними и присмотра никакого не надо.

Оставшихся коз разбили еще на две группы и развели в разные стороны. Совсем обеднели выпаса. Надо как-то приспособливаться. Использовать каждую складку гор, каждую трещину в скалах, где еще сохранился кустарник. Козы не очень-то прихотливы. Но и их стало трудно прокормить в такую суровую зиму. А что будет с пухом к весне? Было о чем подумать старшему чабану Марии Толтоковой в те трудные дни.

...Нелегко сложилась жизнь сестер Толтоковых. Когда Марии было не более семи лет, а Лизе и того меньше, стали они круглыми сиротами. Спасибо добрым людям. Не оставили. Уже к десяти годам Мария была отличным чабаном. А в пятнадцать ей доверили отару.

Сколько же ты воды унес с тех пор, Челушман? Небось, целое море. Скоро четверть века, как на этой стоянке Толтоковы. Отары менялись — поколение за поколением. Будто прибой: рос молодняк — уходил в другие отары. Его сменял новый.

Накапливался опыт. И приходили сюда молодые девчонки из Балыктуюля. «Ты нас поучи, Мария Васильевна, как и что. Мы комсомолки. Хотим стать передовыми чабанами». Милые девчонки... Да разве его, этот опыт, можно передать так сразу, за несколько дней! Его и за все лето не передашь. Потому что лето от лета разнится. Да и вообще ей как-то неудобно говорить о своем опыте, когда в колхозе есть чабаны, которые уже по полста лет ходят за отарами... Ну, если вы такие нетерпеливые, можно кой о чем и рассказать.

...Это были счастливые минуты в жизни Марии Васильевны. Их трудно забыть. Напрасно иногда думалось, что совсем они одиноки с сестрой на этой дальней стоянке. Помнят о них в колхозе. Даже вроде какой-то передовой школы для чабанов решили организовать тут. За теми девчонками приезжали другие. Потом сам Арсентий Васильевич Санаа — председатель колхоза — наезжал не раз вместе с секретарем партийной организации. А совсем недавно корреспондент заглянул в их ущелье. Не случайно все это. Опыт, конечно, есть. Толь-

ко трудно о нем говорить. Ну, чего хотят девчата? Может, про козлят рассказать?

Хорошо. Видите пучки травы на веревочках в кошаре подвязаны? А ну, кто из вас самая догадливая — зачем это мы делаем? Говорят, кур так заставляют разминаться, чтобы яиц больше несли. Может быть. Козлята тоже крепнут быстрее, когда прыгают. Да и едят лучше после этих упражнений. Значит, развиваются скорее. На кошару обратили внимание? В ней несколько отделений. Одно для «многодетных» маток — для тех, что двойни приносят. Другое — для козлят от месяца до двух. Третье — для маток суягных. Слабого козленка заверни в кошму и дай ему «дозреть» в тепле несколько дней. Кормить как? А соска на что?

Не задумывались, почему коза всегда старается летом повыше забраться, на самые гольцы? Тут надо знать ее аппетиты. Любимые блюда. А любит она дозревшие травы и злаки. Загони ее по колено в зеленую траву — будет бродить весь день, останется голодной. Ей подай верхушки спелых, отцветших трав или мелкого кустарника, который цветет, под вид маральника или караганы.

В зеленой влажной долине, где много травы и цветов, коза не скоро жир нагуляет. А это опасно. Надо добиваться, чтобы в зиму пошла она хорошо нажировавшейся. Вы, наверное, заметили, что с начала лета мы перегоняем отару на гольцы за Кара-Гель. И уже в августе-сентябре можем спускаться в долину. Через месяц-полтора отару не узнать. Коза становится хорошо упитанной, справной. На гольцах травы созревают раньше, быстрее выбрасывают метелки с семенами.

Да мало ли что можно говорить о козах. Кажется, нет у них такого желания, которого бы не разгадала Мария Васильевна.

...Задумалась она, вспоминая свой разговор с молодыми «экскурсантами». Ветер. Холодно. А ей от этого воспоминания тепло. Всплыли в памяти слова Арсентия Васильевича: «Тут у вас школа передового опыта будет, Мария. Не скромничай. Наше дело — помочь молодым стать опытными чабанами. А молодежь любознательна. Грамотная нынче молодежь». — «Вот бы и читала книжки», — сказала тогда, усмехнувшись, Мария Васильевна.

«Такой книги нет. Ты и есть та самая книга, — сказал Санаа. — Только если ты молчать будешь, они тебя не сумеют прочитать». Посмеялись.

Нет, как ни говори, а приятно знать, что твой труд оценен людьми. И совсем уж не так далека, оказывается, твоя стоянка для них.

...Интересно, как чувствуют себя те восемьдесят счастливых на Кок-Кая? Вечер, а они и не думают покидать «прилавок».

— Пусть там и ночуют, — предложила сестра.

— А вдруг зверь? — усомнилась Мария. — Нет, я их не оставлю. Сгонять, правда, не стоит... Я с ними там заночую.

Оделась потеплее и забралась на эти самые каменные полати. Козы обрадовались. Лежат спокойно. Отдыхают. Значит, сыты. Так четыре ночи забирались на «прилавок» попеременно сестры. На пятую — оставили коз одних. А беда уже подстерегала. Была совсем рядом. Если б можно было предупредить ее... В долине резко потеплело. Громче и громче стал подавать свой голос Челушман. «Значит, весна близко», — подумала Мария Васильевна, прислушиваясь ночью к реву реки. Челушман всегда первым чувствует ее приход. Его не обманут ни мороз, ни колючие метелицы.

...Сестер поднял с постели глухой рокот. Порыв тяжелого ветра закупорил дымоход юрты, раздул костер у очага; побушевал в юрте, сорвал с крючка дверь. Так может падать ястребом только ветер сверху, чего никогда не случалось. Наспех одевшись, они выскочили наружу. Недалеко от юрты высилась снежная гора.

— Обвал! — ахнули чабаны и с тревогой посмотрели на «прилавок». Там было еще темно. Снегу не видно, снежная лавина сползла сбоку. Успокоились. Целы козы. Обвал поторопил с решением.

— Сегодня же надо спустить отару, — сказала Мария Васильевна и в шутку: — За что на нас разобиделась Кок-Кая?

— Травы жалко, — покачала головой Лиза. — Видно, надоели мы ей за все эти годы.

— Ничего, пусть мирится. Все равно никуда не уйдем.

— Говорят старые, что если гора начинает сердиться — быть беде. Лучше перекечевывай на новое место.

— Пусть стариков и пугает. А мы не из пугливых, — сказала Мария, торопливо доедая завтрак. Потом оделась, закрепила на обутках «кошки» и пошла к скале.

Но ушла она недалеко. Лиза застала ее сидящей на камне шагах в двадцати от юрты. Посмотрела на гору и все поняла: снежный обвал сдвинул курумник и обнажил скальный выступ, отрезав дорогу к козам. Лиза молча присела рядом.

— Восемьдесят голов... — прошептала она в ужасе.

— Не хорони, — оборвала ее Мария. — Давай арканы. Сколько их?

— Два... Я сейчас принесу. — Лиза с надеждой посмотрела на сестру.

Мария Васильевна связала арканы, поднялась в обход на самую вершину скалы. Там наломала кустарника, привязала его к аркану, опустила на площадку. Поддержала за веревку — кустарник выпал из петли. Козы бросились к корму. Подняв веревку, снова заготовила веточный корм. Снова опустила его козам. Потом, закрепив аркан, спустилась на площадку сама. Обследовала ее. В том месте, где снег осадил вниз курумник, можно спустить животных на аркане, если сточить острые выступы.

— Может быть, мне сходить в Балыктуюль? — предложила Лиза.

— День туда, да там, пока решишь, тоже день. Обратная дорога... За это время я сточу камни и спущу на канате всех коз, — возразила Мария.

Так и получилось. Всех коз приняла от нее Лиза за четыре дня. В правлении о героическом поступке чабанок Толтоковых узнали уже осенью.

— Скрытная ты, Мария, — пожурил председатель колхоза, — Почему не позвала на помощь?

— У всех свои заботы, — сказала Мария Васильевна. — Зачем отрывать людей от дела, когда сам можешь справиться с бедой.

Вот такая она, Герой Социалистического Труда Мария Толтокова. Вот такой у нее характер. Характер наш, советский.

1. ВНИЗ ПО ЧЕЛУШМАНУ

У Телецкого — много имен. Большая слава. Его ежегодно атакуют тысячи туристов — любителей костра и солнца. Алтайцы называют его Алтын-Кёлем. Золотое озеро. А в Чодро один из егерей назвал его Голубой падью.

— Десять веревок связывали по пятьдесят метров каждую, — говорит он, — и не могли достать дна...

Голубая падь... Туда держит путь через каменные завалы Челушман. За ним не угнаться. Он бежит, задрав голубую гриву, будто марал во время гона. Трубит, трубит. Зовет кого-то. Стекают в расселину водопады, распыляясь мириадами брызг. На восходе солнца горят они диковинными самоцветами. Кажется, полудужья радуг впаяны искусным мастером в прибрежные серые скалы. Их трепетное сияние еще больше оживляет и украшает эту живописную долину. Если б водопады светились россыпью брызг! Сколько было бы чудесных лампочек. А в лунную ночь так и бывает.

...Узкая тропа виляет у каждого валуна. Справа — герой нашего очерка Челушман. Рычит, сердито отплеывается. Редко — ласков. Там, где вдруг мелькнет светлина, — будто лужайка в лесу. Тут он крутит омуты. Блеснет неожиданной голубизной до самого дна, соберет в кружаке разный мусор и на первом же перекате сбросит его по сторонам.

За черемуховыми зарослями остался Чодро, небольшой поселок лесников. Рыбацкие байки. Охотничьи приключения. А еще дальше — Тилу-Кель. Теплое озеро. Вот от него гонцом к Телецкому и спешит Челушман. Голубая артерия. По ней Тилу-Кель снабжает Золотое озеро отличным хариусом, тайменем, а главное — чудесной водой. Наш добровольный проводник Гриша Акчин, чабан из-под Чодро, немного философ. Он говорит:

— Хоть и завхозом работает Челушман у двух озер, а воду его в золотых бы колодцах держать. Заметили? Пьешь — не напьешься.

Гриша редко встречается с людьми с «большой земли». С соседями-чодринцами давно все переговорено. И когда собираются люди вечерами — больше поют, чем говорят. Петь удобно. Можно о многом подумать. А насчет воды челушманской он прав.

Подумав или о чем-то вспомнив, оборачивается в седле и кричит:

— А почему человек сам себе на горло наступает?— И, видя наше недоумение, обнажает в улыбке ровный ряд зубов. — Насчет воды я... Небось, видели, какими стали малые речки? Ни рыбы поймать, ни напиться.

Если бы каждый чувствовал себя хозяином на земле... Прав Гриша.

— Я так думаю, — продолжал он, свесившись с седла, — человек должен помочь земле подольше не стариться. Верно говорю?

Челушман мешал разговору. Вмешивался, грохотал так, что в ушах дрожали перепонки. Гриша махнул рукой и погнал невысокого, резвого своего коня меж огромных серых валунов. Вскоре его не стало видно, только из-за камней смешно кидалась из стороны в сторону его меховая шапка с рыжеватой кисточкой.

Часа три виляла еле приметная тропа меж валунов, потом полезла на крутояр, где-то там, на гребне его, зеленела лесная застава. На самой скалистой кромке отвесного берега тихо покачивались ели. Но до них высоко. Кажется, невозможно подняться на конях к этой зеленой заставе. С надеждой следим за Гришей. Неожиданно стена рассекается зарослями черемухи, осины и тала. Ущелье. Оттуда вдруг изогнутым мечом чистейшего серебра повисает в воздухе струя воды. Шума ее не слышно — забивает Челушман. Но этот живой меч то упруго сгибается в середине, то опадает до прямой нитки.

— Дышит Тайбылки, — кивает на горный ручей Гриша, отпустив коня. Тот припадает к траве. Тропа, извиваясь, подползает к устью Тайбылки. Мы стоим у подножья стены и, задрав головы, смотрим в высоту.

— Это он с испугу, — смеется Гриша. — Никогда с такой кручи не прыгал. Вот и шарахается назад.

Похоже. И здорово.

— А может, не столько высоты испугался, сколько этого лохматого зверя, — кивает кто-то на Челушман. В этом месте он весь в бурунах. Волочет всякую мешанину: небольшие деревца с корнями, прихваченные где-то по пути; по каменному ложу его грохочут валуны. Вот столкнулись они с подводной скалой лоб в лоб. Голубая грива воды взметнулась кверху. Скала и не покачнулась. Приблудный валун обрел себе новое место. Теперь, кажется, навечно. Пока не перегрызет, не подточит вода скалу.

— Работяга, — заключает Гриша. — И куда он летит, как сумасшедший? Силища-то! Сколько бы моторов мог крутить.

Мы стоим в голубой впадине. И такое впечатление, будто находишься на дне голубой реки. Где-то там, на высоком берегу, лес, долины, селения. Стоит по тропе подняться на берег, как сердце начнет отсчитывать другие деления. И человек чувствует их. Высота. От грохота становится больно в ушах.

Мы с надеждой смотрим на Гришу. А он в свою очередь — на коней. Надо подождать. Пусть подкрепятся перед трудным подъемом. Там, в Чодро, мы спускались вниз лесом. Здесь перед нами почти отвесная стена. Осыпи. Редкий кустарник. Поможет, очевидно, овраг Тайбылки.

— Верно, — кивает Гриша и раздает всем мягкие сырчики. Мы с удовольствием едим кисловатый спрессованный творог из овечьего молока.

— А там — вверх по речушке и вправо, на берег оврага. Оттуда я и поверну обратно.

...Часа два длится подъем. Здесь, на высоте птичьего полета, уже не слышится грохот Челушмана. Голубая лента, прорванная тут и там рифами, — будто застывшая акварель на полотне. Мы еще с ним встретимся. Там. Пониже. Ближе к Телецкому.

А речушка Тайбылки, которая бежит по дну глубокого оврага, не так уж безобидна, как казалась нам оттуда, снизу. Кони с трудом переходят ее. У самого обрыва — загородка из ивовых прутьев. Ячейки этой деревянной сети очень мелки. Зачем они здесь?

Гриша останавливает коня и уходит к этой загородке. Ждем, отдыхая в густом черемушнике. Наконец, он

появляется. На лице его, чуть-чуть широкоскулом, улыбка. Доволен. Но чем?

— Третий год наблюдаю за рыбой. Запустил сюда мальков хариуса. Добыл в Челушмане и поднял сюда сотни две, — рассказывает он. — Сразу же эту плетенку сделал. Упадут ведь, если начнут скатываться. В прошлом году находил несколько мертвых. Нынче нет. Научились, видно, бороться за свою жизнь. Ушли кверху.

Оказывается, речушка была «мертвой». Даже османь не водились.

— Я и решил заселить. Теперь вроде бы и жизнь началась в ней, веселее так-то.

Вот он какой, этот парень. Чабан из Чодро. Жизнелюб. Хозяин земли.

— А не подохли? — сомневается кто-то.

Гриша предлагает проехать выше по речушке. Облюбовываем перекат. Рядом — омут. Чистый. Светлый. Бросаем хлебные крошки. Напряженно смотрим. Гриша ловит в траве кузнечиков. Бросает их. И вдруг, блеснув серебряной чешуйкой, взлетает рыбешка, хватая приманку и тут же исчезает. Так молниеносно может только он, хозяин горных рек.

— Хариус, — улыбается Гриша. — Живет.

Он рад. И мы все рады, что встретились с таким человеком. Добрая улыбка и какой-то спокойный блеск его глаз еще долго светили нам. Так бывает, когда вдруг обрешь что-то очень дорогое на память. И уже позднее, в Балыктуюле, на центральной усадьбе колхоза «За мир», где вырос Акчин, мы узнали и другого Гришу.

...Это было в одну из тяжелых зим. Стоял месяц чаган*. Лютый, суровый месяц, а Челушманская падь не приняла еще ни грамма снега. Бесснежной зиме всегда рады пастухи, если это не коварство. Тебеневать в мало-снежье легко. И чабану легко, и отаре. А в ту зиму трудно было понять, когда кончилась осень и когда началась зима. Дождь лил даже в канун Нового года. Потом ударили морозы. Заковало броней землю. У самой кошары и то раздирало овец и коз на льду. Перемерзли ручьи. Огромными хрустальными сосульками повис-

* Чаган — январь.

ли с гольцов худосочные водопады. Ушел под лед Челушман, прикрывшись острыми торосами. Долго билась могучая река. И эти торосы изо льда казались теперь остатками панцирных щитов, кольчуг и шлемов, покореженных в битве с великаном и брошенных на поле боя. Трофеи мороза. Выбросил их на поверхность Челушман. Ушел под лед непобежденным.

Гриша попал в ловушку. Парень не растерялся: рубил тал, мелкий осинник, еловые ветки — все это возил на коне в отару. Потом этот хворост приходилось возить все дальше и дальше. Было у него как «НЗ» несколько стожков сена. До них добрался, рассудил: «Труднее момента, пожалуй, и не будет». Скормил два стожка, а потепление не наступает. Страшно стало Грише. Впервые так испугался за отару.

— Погибнет. Надо уходить наверх из этой пади. Капкан.

Вокруг на десятки километров ни одной пастушьей стоянки. Его — самая дальняя. Там, под Тайбылки, еще есть одна. Толтоковой Марии Васильевны. У нее козы. Их и лед не держит. Лезут на скалы. Обьедают мелкий кустарник.

Как-то вечером поскакал в Чодро, к лесникам. У них телефон. Дозвонился до Балыктюля.

— Звонит, — рассказывает председатель колхоза Арсентий Васильевич Санаа, — а сам будто извинения просит. Обидно парню, что пришлось за помощью обратиться. Пожурил его. У самого давно тревога была за эту Челушманскую падь. Обледенеют склоны, тогда хоть вертолет вызывай — не поднять наверх отару. Случилось самое страшное. Уж если Гриша решился звонить, значит положение отчаянное.

Объявил Санаа «готовность номер один» в селе. Стали думать, что делать. Толковали долго. Решили: пусть Гриша пробьется с отарой до Тайбылки. Позвонили ему. Подумал. Согласился. Послал до спуска председатель человек десять верховых. С сеном, кирками, топорами. От Чодро до Тайбылки километров восемнадцать, не больше. Летом — два часа езды по тропе. А Гришу ждали... пять суток. Пять суток горел костер на гребне пади. Дежурили у него посланцы Санаа. Не выдержали: послали в контору гонца.

— Пропал Гриша... А спуститься вниз невозможно.

Из Чодро лесничий сообщил:

— Увел Гриша отару. Дня три как увел. И назад не возвращался.

— Что же он в это время делал? Выжидал?

— Возил по тропе сено. Навяжет две охапки, перекинет через седло, коня за повод ведет. В одном месте небольшой навильник сбросит, в другом, и так до самого увала, — вспоминает Арсентий Васильевич. — Верхом перетаскать последний стожок — это не каждый сможет. Подчистил остожье — остатками покормил овец на ночь, а утром двинулся в путь... Первый день и пяти километров не прошел. В глухом осиннике заночевал. На пятые сутки подошел к подножью Тайбылкы. Увидел наверху костер, обрадовался. Сено, сброшенное сверху, раскидал отаре, а сам, вооружившись топором, полез по тропе. Идет, скалывает лед. А на курумнике он тонкий, как пленка. Местами, где застоялась вода — опасно. Тут и рубил. А до устья ручья ребята тропы уже проделали.

Утром привязал за рога к седлу на длинную веревку вожака козла. Потянул на тропу. Поупирался, пошел. А когда за ним потянулась отара, отвязал. Почти весь день поднималась отара. Когда на гребень вышла последняя овца, ребята бросились к Грише и хотели его качать. Гриша сидел в седле и... спал. Все удивились.

— Сейчас же, минуто назад, подбадривал еще отару! И вдруг...

Два всадника пристроились справа и слева от Гриши, третий взял повод его коня. Так и доехали до ближайшей стоянки. А там сняли его с седла и уложили в постель.

2. ТРОПА ГЕРОЯ

Хорошими людьми и легендами богата Челушманская долина. Но что эти легенды давно минувших дней против тех событий, которые разыгрались на берегах этой могучей реки глубокой осенью 1921 года. О них вам не расскажет Челушман. И камни ничего не расскажут. И даже скромный обелиск, построенный на его правом берегу, не поведает всех тайн тех бурных и страшных дней, когда горстка отважных коммунаров первой в Горном Алтае коммуны «Освобожденный труд» грудью встала на защиту завоеваний Октября против

белобандитов. Вот эти камни. Под ногой коня. Обомшелые. Седые. Может, на крови смельчаков вырос этот лишайник, что курчавится с боков серых безгласных валунов? Свистит острец. Что-то змеиное мнится в этом свисте. Может, этой же тропой в осеннюю ночную коловерт, когда крутой берег реки сёкли косые холодные дожди вперемешку со снегом, пробирался монах, кутаясь в рясу, с очередным донесением к предводителю бандитской ватаги? Гадючий шепот о силах коммунаров, об их секретных заставах, о новых решениях — и в подарок кусок баранины. Жирный. Сам тает в волосатой пасти...

Может, этой же тропой, в ноябрьскую ненастную ночь, шел посланник коммунаров, отважный парнишка, Павел Волков, сын погибшего первого председателя коммуны, чтобы вызвать на помощь погранотряд?

Он был схвачен бандитами. Его привязали к седлу и волоком тащили по этим острым камням... С какого места? Откуда? Где, под каким камнем подкараулили тебя враги, Павел Волков? Что ты увидел в последний миг? Челушман? Глаза матери? А может, тебе почудилась на какое-то мгновение песня девчонки, которую ты еще не успел полюбить?

Сначала отец... Потом ты... Потом мать. А с нею — вся партийная ячейка коммуны. Погибли. Не сдались.

...Вьется тропа. Каменная, безжизненная. Глазастая, но немая. А тогда, в двадцать первом, глубокой осенней ночью бандиты ворвались в коммуну, и над Челушманом гудели монастырские колокола. Они пели осанну «освободителям». Гудели победно и торжественно колокола. Кровью коммунарских детишек была залита паперть священного храма... Колокола победно гудели. Монахи разыскали свои черные рясы. И вот они, потупив взор, шепча молитвы, уже думают справлять свои требы. Идут, вылазят из подполья, словно пауки. Обходят детские трупы, лужи крови. Эту кровь Христос на себя возьмет. Пусть радуются, что погибли во младенчестве, не натворив, как их отцы и матери, греховных дел. Бог правду видит. Кто вас просил в божью обитель? Сами пришли. С мандатом от сатанинской власти. Кесарю — кесарево. Гудят, гудят победно и торжественно колокола... Почти полмесяца трезвонят, а потом приходит возмездие.

...Свистит острец. Под копытами коней высекаются искры. Справа от тропы потемневшей бездной Челушман уже ловит первые звезды. А может, это сплавляются хариусы. Здесь на крутом гребне берега еще светло. Еще в разрывах между елей горят розовые полосы зари. Крутой спуск. Катуюрык. Каменная громада горы опускается над Челушманом, грозясь раздавить его. Река шарахается вправо и, пробив узкую щель, вырывается вперед. Здесь она наваливается на вас оглушительным победным ревом и грохотом. За Катуюрыком левый берег садится все ниже и ниже. И река, раздавшись вширь, успокаивается, будто прихорашиваясь; ленивее становится ее волна, спокойней бег. Открываются лесные елани. Реже — лес. Наверное, здесь коммунары облюбовывали сенокосы. Мечтали когда-нибудь поднять эту землю.

Костер. Кажется, пастуший. Нет. Не видно ни скота, ни загона. Небольшой шалаш. А между камней — высокий черный таган. Молодые парни. Их шестеро.

— Ведем дорогу, — говорит один из них, невысокого роста, энергичный крепыш. — До Катуюрыка достать бы. А там Балыктуюль навстречу идет. Сколько всего? Километров сто двадцать...

Да, они из колхоза имени Ленина. Челушманская коммуна? Там она и была, где сейчас усадьба колхоза. Это километров пятнадцать ниже. Там есть брод — мы его называем Коммунарским бродом.

— Почему?

— По нему коммунары скот перегоняли, когда шли сюда лесом и горами из Успенки.

Успенка — это нынешняя Чоя. Там организовалась коммуна «Освобожденный труд». Оттуда коммунары вышли на новые земли, к Челушману. Этот переход за триста километров от Успенки по горам, таежным тропам — героическая эпопея.

Измученные, ободренные, почти без куска хлеба, вышли они июньским вечером к Челушману. Может быть, вот так же запалили костры, наудили рыбы, а может быть, дорогой удалось подстрелить марала или козла. Сидели они у костра и, наверное, мечтали. «Не робейте, парни, — говорил оставшийся за Волкова коммунист Попов. — Тут край благодатный. Уезд отдал нам этот кусок не зря. Вытряхнем долгогривых. А у них в

монастыре даже сад фруктовый есть. Не поленимся — завернем тут такие дела. С первым же урожаем всем девчонкам справим обновы: полушалки, платья... И вас не обидим, парни. Обосноваться бы. Корни пустить поглубже. А впереди такая жизнь открывается...»

Да. Корни остались. И какие! Силу их не раз пробовали на своей шкуре враги.

Тогда Попов говорил (сохранилось это в архивных документах, в частности, в протоколах собраний партячейки коммуны):

«Вы знаете, товарищи, какое время мы открываем!.. Наши дети, может, даже сено стоговать будут не вручную. Будет, я уверен, такое время. Ведь трудовой народ сам начал строить свою жизнь. А он-то для себя пострадает. Даже вам, бабы, облегчение выпадет: коров станут машинами доить!..»

Конечно, его прервал смех. Не злой. Добродушный. Так смеются, когда верят, но когда почти невозможно удержать улыбки. Механизация-то пока вся на глазах: плуг да борона. И та деревянная.

...У костра Толя Кошев делился своими заботами. Бригадир дорожного отряда внимательно слушали парни.

— Отряд-то ведь наш, колхозный, — говорил Кошев, озабоченно поправляя дрова в костре. — Только неделю назад мы оборудовали последнюю электродойку во втором гурте... Нужна дорога. Мы сами задыхаемся без нее. Дорстрой почему-то считает, что это межколхозная дорога. А он мог бы на вертолетах перебросить сюда всю технику. У них такие сложные механизмы появились! — Он оглядывает парней. Те кивают ему согласно, но замечают тут же:

— Освоили б без них. Дали б только...

Дорога. А тогда, в холодную ноябрьскую ночь, где-то по-над берегом Челушмана, может быть, вот по той тропе, извивающейся меж камней, торопился, бежал с донесением на далекую пограничную заставу пятнадцатилетний коммунар Павлик Волков. В коммуну одно за другим поступали сведения о том, что по глухим уртам скапливаются бандитские ватажки и ждут удобного момента, чтобы напасть на коммунаров. Находили подметные письма. Злобные, дышащие звериной ненавистью к коммунарам и особенно к их вожакам. Труд-

ное это было время. Тревожное. В коммуне — с десяток ружей и в обрез боеприпасов. И вот решили послать добровольца на ближайшую погранзаставу. А до нее, почитай, двести верст.

Всю ночь бушевала вьюга. Гудели ущелья. Ломал ледяные забереги Челушман. Не поддавался морозу. А снег летел, летел огромными белыми звездами. Хрусткий. Жесткий. Припаивался к камням. Душил свирепую горную реку. Мороз на лету схватывал брызги. Стеклянели они и, словно бусы, падали в воду.

Ушел Павлик, пятнадцатилетний парнишка, в холодом дышащее ущелье. Сын организатора коммуны Волкова, убитого бандитами еще там, в Успенке.

Ушел... А на берегу, схватившись за грудь, долго еще стояла укутанная стареньким одеялом, поникшая, одинокая женщина. Если бы знать... Но кому дано это?

А Павлик шел по прибрежной тропе все выше, выше. Вот обогнул один притор, другой. Скользко. Трудно идти. В лицо бьет снежная пурга. Старенькую, десятки раз латанную шубенку продувает насквозь.

— Выдюжу... выдюжу. В ночь-то надо бы побольше пройти, — шепчет посиневшими губами. И чудится мальчишке: сзади смотрит на него вся коммуна. Смотрит и думает: выстоит или нет в такую непогоду? Хватит ли у мальчонки силы пробраться? И радостно от этой думки становится. Будто крылья вырастают за плечами.

— Выдюжу... выдюжу... Комсомольцы, небось, и не на такое ходили. Отец говорил. Конечно, коня бы и нан. Или хотя бы шашку. — Подбадривает себя, подстегивает.

Идет мальчишка по глухому ущелью навстречу опасности. Прямо в пасть врагу. До Катуюрыка бы дойти затемно. Но где там. Столько верст!.. Что это? Цокот копыт. Пофыркивание лошадей. Камни скатываются в воду. Глухой говор. Павлик падает и ползет в щель меж камней. Сердце гулко стучит.

— Опоздал... Опоздал... Почему не вчера, не раньше послали? — обожгла мысль.

Банда скрылась в ночи. С тоской и болью в сердце смотрел ей вслед Павлик. Первой мыслью было закричать так, чтоб услышали там, в коммуне. Но ведь столько уже прошел. Бежит Павел вперед, а слезы ручьем по щекам. Обидно. Ноги стали подкашиваться. Сел на

камень. Не может отдышаться. Вдруг возле устья реки раздались глухие удары. Будто кто по железу стучит.

— Наши, наши бьются. Как они? А мне столько еще идти...

Бежит, уже не остерегается Павлик. Вот и притор новый. За ним, кажется, лес. Там легче. Не торопись, осмотришь вокруг, гонец! Сверни куда-нибудь в завал из камней. Обойди этот нависший над рекой притор... Если бы знать...

Выбежал на чистину. Под скалой — костер. Ослепил его. Проклятая собака выскочила навстречу. Хотел назад, а уже сзади властный окрик:

— Стой!

И лязг затвора. Замер. Собрался в тугой узел. Значит, не все ушли на коммуны. Эти ждут череда. У костра мужик, заросший рыжей бородой. Атаман, видать. На плечи накинута козья доха. Вперекрест кожушка патроны, шашка. Достал из котла большой кусок мяса. Зачавкал, молча поглядывая на мальчонку. Павлик осмотрелся. Избушка рядом. У скалы легкий навес для коней. Защемило сердце. Куда уйдешь теперь? С тоской посмотрел на костер...

Грубый удар прикладом в плечо. Упал к костру.

— Во, видал, гость пожаловал! Как с неба свалился! — ржут бандиты. — Коммунарчик? А ну, повернись. Карманы?

— Нету их...

— Куда путь держишь?

— Убег я из коммуны.

— Чего так? Ай не сладко?

— Не сладко. Голодно стало. По деревням решил идти. Может, возьмет кто. До лета бы прокормиться.

И снова гогот. Недоверчивый, ехидный. Злой. В самое сердце колет. Не уйти. Нет хода от смерти... А вот этот, чавкающий, видно, главный бандюга. Может, он и отца убил. Теперь остальных изничтожить хочет. Огляделся: сзади Челушман ревет. Впереди и по бокам скалы. Куда уйдешь?

— Рассказывай, — потребовал атаман. — Правду говори.

Спокоен атаман. Сильный. Ни слову, значит, не поверил.

— Я же сказал...

— Когда? — удивился бандит. — Не слышал.

И стало противно врать этой сволочи. Прикидываться дурачком. Пусть знает, кто такие коммунары.

— А чего тебе говорить? Разве сам не знаешь? — сказал с вызовом Павлик и смело посмотрел в глубокие щелки — глаза атамана.

— Во. Это по мне.

Павлик подошел ближе к костру, нагнулся над ним, руки вытянул. Закоченели на ветру. Вздохнул. Как бы хорошо так-то вот. У мирного костра посидеть. А руки не чувствуют жара. И холода нет. Вот эта головня хороша... А там — река... Может...

— Я навстречу чоновскому отряду вышел. Ну да и без меня найдут дорогу.

Он схватил головню, быстро выпрямился и ударил ею по голове атамана. Размахнулся влево — бандита ближнего стукнул и побежал к реке. Искры, искры вокруг... Но так длинен этот десяток сажений. Конца не видно... Что-то толкнуло в спину, отбросило на камни.

Гудел Челушман. Грозно. Мстительно. Где-то там, на берегу, накрываясь стареньким одеялом, осталась мать... Искры вокруг. Откуда? Вот и они погасли. Издалека вырвалась метелицей песня отца «Смело мы в бой пойдем... за власть Советов...» И песня ушла. Над молодым коммунаром опустилась ночь.

...Гривастый, яростный шумит костер. Вокруг него — молодые дорожники. Спокойные, сильные парни.

А на околице села — обелиск погибшим коммунарам. Живые цветы. Тропа, по которой шел Павлик Волков, становится дорогой. По ней пойдут к новым перевалам потомки первых коммунаров. Что ж, так и есть. Того требует жизнь.

...Не доходя до Телецкого, рассорился. Челушман с теми речушками, что впадали в него по дороге — разделился на три больших рукава, отгородился валунами и галькой и так влетел в Голубую падь.

3. ОЗЕРО — УЛЫБКА. ОЗЕРО — ЗВЕРЬ. ОЗЕРО — ЛЕГЕНДА...

В тот день, ясный, солнечный, оно просвечивалось до дна. Смотришь с крутого берега вниз, а воды его во всей своей хрустальной толще на глазах раскалываются

на огромные голубые плиты. Будто солнечный луч отрезает глыбы, проникая в глубину. А на грани мраморных плит — радужные солнечные искры. Но вот набежало облако, дохнуло прохладной тенью, и в тот же миг они исчезли, потухли в крошечной глубине.

Суровые отроги гор подсвечиваются голубизной.

— Чертовски трудно снимать, — жалуется телевизионщик Барнаульской студии Миша Ефременко, — стреляет в аппарат...

Все с недоумением смотрят на него.

— Кто?

— И синь эта, какая-то прямо-таки хрустальная, стреляет, — поясняет он, суетливо мечась по берегу в поисках «прицельной позиции». — И вот эти солнечные блики — тоже стреляют, — продолжает он бормотать. — И это могучее дыхание озера...

Постреляв аппаратом в небольшом полудужье вокруг себя, он успокаивается и ищет новую цель.

Откуда-то из-за горы грациозно, будто лебедь, выплывает белоснежный теплоходик. Читаем издали название:

— «Алмаз».

Режет голубое стекло «Алмаз», оставляя позади себя белую ниточку—трещину, а она тут же, как живая, заштопывается крутыми бурунчиками, образуя серебристый шов. На палубе — стайка ребятишек в красных галстуках.

— Республика «Медвежонок», — кивает в сторону ребят Миша. — По тропам коммунаров пойдут.

Пионерский туристический лагерь, расположенный у истоков Бии, зовут так здесь. У республики своя «конституция». Законы. Ничего. Законы хорошие. Они содействуют закалке характера, воли, развивают смекалку.

«Медвежонок» — отличный цех природы. Его проходят каждое лето до пятисот ребят. А «взрослый» цех — до тридцати тысяч. По берегам Телецкого мелькают палаточные городки то в одном, то в другом месте. Из таежных урочищ к самой Голубой пади подходят быль и небыль. Охотничьи рассказы и легенды.

А на каменной террасе у самой воды под кронами яблонь стоит высокий старик. Он смотрит на «Алмаз». О чем подумалось ему в этот час? Может, о том, как со-

рок лет назад на утлой лодчонке переправил он свою многочисленную семью к этим каменным уступам, где не было ни зелени, ни этих фруктовых деревьев? На этой же лодчонке он стал возить с другого берега перегной и заложил сад. Теперь этот сад есть. Он украсил Голубую падь. Яблони цветут каждую весну. И дают хорошие плоды.

О чем он подумал, этот старый, узловатый, как корень кедра, человек, глядя из-под руки на белоснежный теплоход?..

Смирнов. Это он. Это его фактория на каменных уступах. Человек победил природу. Сделал ее богаче. Счастье трудных дорог. Кто идет в трудный путь, тот не рассчитывает на легкую победу. И он не рассчитывал, этот упрямый одиночка.

Капитан теплохода подает протяжные сигналы. Подносит руку к козырьку форменной фуражки. Человек у моря. Это ему. Его мужеству.

Вспомнилась алтайская легенда.

Жил в этих окрестностях бедный охотник Анчи. Год выдался трудный. Зимой было много снега, весной — воды. Падал от бескормицы скот. Все звери разбежались по тайге. Зайца, и того не подстрелишь. Часто с пустыми арчимаками возвращался Анчи к своему бедному аилу. А у его порога семь пар голодных ребячьих глаз. Семь ртов. Не дойдет до своего родного очага Анчи, посмотрит издали на ребят и повернет обратно в лес. Как-то ему подвалило счастье: убил кабаргу. Обрадовался. Завалил ее на плечи и понес домой. Идет, шатаясь от усталости. Присесть нигде не хочет: дома ждут. В одном месте запнулся о камень, упал. Отлежался немного и снова в путь собрался. Стал поднимать кабаргу с земли, а из-под нее — какой-то желтый камень в глаза ярким светом ударил. «Что бы это могло быть?» — удивился охотник. С трудом поднял его. «Такой маленький, а весит как большой», — продолжал удивляться Анчи, рассматривая необычную находку. И вдруг вспомнил... В далеком детстве еще это было. У них в аиле валялся небольшой, меньше детского кулачка, такой же желтый камень. Его так вычистили ребятишки, что он даже ночью светился. Как-то заехал к ним темичи*. Вы-

* Темичи — сборщик податей и долгов для бая.

сокий, жирный и злой, как черт. Перешагнул порог аила и заорал на отца:

— Теперь ты, Елдон, не отвертись от меня. Ячмень брал у бая на толкан? Брал. Телку брал? А где твои соболя? Пятьдесят шкурок за тобой. Почему не несешь?

Отец побледнел. Испугался. Дрожащим голосом стал просить темичи:

— Повремени немного. Охота еще только началась. Отдам. Клянусь своими детьми, отдам.

— Плохой ты человек, Елдон, — пожурил отца темичи. — Врешь и врешь. Разве можно тебе верить? Нет. Хватит. Уведу твою старшую дочь. Пусть работает у бая по хозяйству, пока долг не отдашь...

Оймок услышала это, заревела. Отец развел руками, тяжело вздохнул.

— Вот так, — сказал темичи, вставая с чурки, на которой сидел. — Это последнее слово бая...

И вдруг увидел у костра желтый камень. Подошел, поднял его с земли. В руке приброесил.

— Откуда это богатство у тебя, Елдон?

Отец горько усмехнулся:

— Богатство... — и вздохнул. — Нашел на охоте. Принес ребятишкам на забаву.

— Дурень ты, Елдон. Настоящий дурень, — хищно блеснул глазами темичи. — Да знаешь, что ты нашел? Золото. Этот камешек всех пятидесяти соболей стоит.— Он с жадностью смотрел на камень.

— Ладно, — сказал он. — Возьму я его себе. А твой долг отдам баю. Правда, я, кажется, переборщил немного. Не стоит он, пожалуй, пятидесяти соболей. Да уж выручу тебя. Красив шибко...

— Смеешься, темичи, — не поверил отец. — А долг я отдам, отдам....

— Вот чудае-человек. Дело говорю. Это — золото. Правда, кажется дрянное золото, но хочу тебя поддержать. Согласен?

Обрадовался отец, когда понял, что не шутит темичи.

— Возьми, пожалуйста, друг. До самой смерти не забуду.

— Ты покажи это место, Елдон, где такие камни роедятся, — попросил темичи. — Может, там и получше есть.

— Я уж и забыл, — почесал затылок отец, вспоминая.

— Вспомни, обязательно вспомни, Елдон, — наказал темичи и уехал.

— Золото! Неужели и этот камень... тоже? — загорелся Анчи. — И блестит так же, и тяжелый... Если только золото... — Дух захватило от радости у бедного охотника. — За такой кусок сколько можно баранов закупить. На всю жизнь хватит.

Он с благодарностью посмотрел на убитую кабаргу. — Это она принесла мне счастье, — проговорил Анчи. — Она указала мне это богатство. Значит, не хочет, чтобы съели ее.

Он постоял в нерешительности около нее и решился: — Закопаю. Пусть ее кости будут вместе. Она этого хочет.

Закопал кабаргу Анчи и побежал домой. Вот уже и знакомая долина показалась. Тут опомнился: разве золотом этим будут сыты дети? Свернул на тропу и пошел в ближнюю деревню. Зашел в крайнюю избушку к знакомому русскому плотнику.

— Как думаешь, Петро, сколько мне за этот камень баранов просить?

Повертел тот кусок золота и отдал обратно Анчи.

— Не знаю, друг. Никогда в руке не держал золото. Говорят, если б не было в мире золота, все люди счастливее жили. Много крови из-за него пролилось на свете.

— Не говори так, Петро, — обиделся Анчи. — О какой крови ты говоришь? Мне бы с десятка баранов, чтобы прокормиться до весны, до кандыка хотя бы. А ты кровь...

Пошел Анчи по стоянкам. Всюду одно горе:дохнет скот. Шкуры на изгородях виснут. Есть нечего становится в каждом аиле. Одна чага и осталась, которую пьют вместо чая.

— Иди, Анчи, иди. Торгуй своим золотом в другом месте.

Много стоянок обошел Анчи, нигде даже ягненка не дают за его самородок. Отощал совсем охотник. Идет, качается от ветра.

— Возьмите хоть за пару ячменных лепешек, — протягивал свое золото Анчи, но все от него отворачивались.

Подошел он к огромному озеру. С трудом забрался

на скалу и бросил тот дорогой, никому не нужный камень в воду.

— Возьми ты его, этот проклятый самородок. Ничего он не стоит, а говорят, где-то в мире из-за него люди кровь проливают. Будь оно проклято, дешевое золото.

Постоял, плюнул вслед всплеску и пошел к тому месту, где зарыл убитую кабаргу.

...За каменным притором, который легко и грациозно обогнул «Алмаз», ударил откуда-то из ближайшего ущелья холодный ветер. Взъерошилась Голубая падь, мраморные плиты воды заширшевели, будто прошлись по ним наждаком. Исчезли солнечные искры. Начался «ледолом». Белые, вспененные барашки, похожие отдаленно на шугу, ударили по бортам теплохода. Вздохнула падь могучей грудью. Заколыхалась беспокойно, взволнованно, словно не стало вдруг хватать ей воздуха... «Алмаз» легко вздымался и падал, зарываясь носом в кипящую воду. Падал, но упрямо шел вперед. Рулевой, дюжий загорелый матрос, крепко держал штурвальное колесо. Оно проявляло явное беспокойство. Металось вверх, вниз...

— Не нервничать... Не нервничать, — приговаривал матрос, с силой удерживая его в руках. — Спокойно. Инфаркт можно нажать. Спокойно.

И вдруг ветер стих. Будто его обрубили. И снова стекольщик «Алмаз» режет спокойные, голубые плиты воды.

— Где-то здесь, у этих берегов, притаилась та ночь. Осенняя, с ледяными заберегами, с пронизывающим до костей ветром.

...В Челушманской коммуне ждали баркаса с Большой земли. Он вез семена. Полушубки. Пимы. Несколько шалей для девчат и куса три сатину. Ждали посменно, отряжая караулы на берег. А баркаса все не было. Верные люди были отправлены с ним. Надежные, крепкие. А все нет и нет их. Прошел месяц.

В одну из штормовых ночей выбросила Голубая падь на берег обломки баркаса...

Ни семян. Ни обуви зимней. Ни одежды. В коммуне жили девчонки. Они так ждали обещанных полушалков.

Подыграла бандитам Голубая падь...

Я смотрю, как солнце меряет глубину озера. Как

раскалываются под его лучом голубые глыбы, а в глазах — коммунарские девчонки...

Вон там, на пристани — не те. Шумные, горластые, с обуглившейся кожей.

— Почему у него нет ни приливов, ни отливов? — спрашивает одна, с острыми оголенными ключицами. — Ведь почти что море. Около семидесяти в длину и шесть-семь в ширину.

— А куда ему отливаться? На скалы, да? — восклицает другая.

— Все равно куда...

— А по-моему, потому, что оно несоленое, — говорит третья. — Вот и все.

Смеются. Потом спорят о предстоящем маршруте похода. И все спорят, спорят... Словам не верят. Все хотят попробовать на зуб.

Наверное, это и лучше.

А мальчишки сидят на каменных плитах с удочками. Один говорит:

— В Иогачском леспромхозе, во-он, что на том берегу, запустили мальков омуля. Приживутся?

— А то нет? — отвечает ему другой. — Тут не хуже вода, чем в Байкале. Может, еще и лучше.

— Запустить бы сюда всех-всех рыб, — мечтательно произносит третий. — Они бы тут выводились и шли вниз по Бии, а потом в Обь. А из нее во все реки...

— Рыбий откормсовхоз устроить? — недоверчиво тянет первый.

— А что. Пусть. Разве нельзя?

Поверхность воды прочертила, будто ножом, какая-то шустрая рыбина. Ребята вздрогнули.

— Ускуч или щука? А?

— Небось, жрет тех мальков, ребята! Давайте аква-ланги наденем и понаблюдаем в воде...

Эта мысль, видно, всем понравилась. Мальчишек как ветром сдуло с берега...

Заботливые. Пытливые. Может, среди них и потомки славных коммунаров?

1. «РАЗЛУЧНИК»

Мы едем по долине бурной речушки Отогол. Дорога заметно идет в гору. На крутых склонах по обе стороны дороги смешанный лес. Больше березняка. Отогол мечется под колесами машины, кидаясь то вправо, то влево, кипит беловатой рябью, кружится, бьет в слепой ярости о камни крутой волной. Он рвется из тесных ущелий на простор, вниз. Мы тоже спешим, но в обратную сторону — к истоку речушки и тоже с нетерпением ждем, когда раздадутся, наконец, и отступят от дороги стиснувшие нас горы.

Где-то впереди хмурится туманной синевой перевал. Там, мы знаем, за извилинами ущелий — поля. Широкие поймы Ануя. Но до них далеко, а пока мелькают по сторонам то крутолобые скалы, то буреломник. Дорога в глубоких ранах, будто после бомбежки. Тяжело, внаутуг, приныривая на каждом метре в ямы, идет машина.

Но вот дорога круто сворачивает вправо. Мы пересекаем речушку, и перед нами открывается широкая долина. Каменные каньоны позади. Островерхие вершины отступивших гор вырубает голубой кусок неба и на нем — солнце. Оно вырвалось из черной пучины дождевых туч, расшвыряло их по закоулкам ущелий и теперь, будто прихорашиваясь, лежит на одном из зубцов и чистит свои золотые перья. Золотой пух летит от него всюду. Он искрится в капельках дождя на венчиках цветов, в звенящих струях ручья, на макушках елей и берез. И вся эта широкая долина под его лучами сверкает, поет, расправляет травы и цветы, стоголосο откликается птичьим гамом, скрипучим стрекотом цикад.

Показались строения, а слева на широком предплечье горы темноватой строчкой взбежала кверху ограда.

— Это и есть олений парк, — говорит мой спутник Николай Ороктоев, который не раз бывал здесь.

Машина сворачивает к прибрежным кустам и останавливается. Раздается резкий, какой-то странно скрипучий свист.

— Олень?

— Да. Предупреждает стадо об опасности.

Из-под берез выплывает коричневое облачко. Оно быстро поднимается кверху, еще миг, и нет его. Исчезло. Будто ветром унесло. Проходит еще несколько мгновений, прежде чем мы догадываемся, что это и было небольшое стадо оленей. И тогда только прорезаются в глазах отдельные детали: снежные крапинки на золотистом фоне, контуры резко очерченных, будто вырезанных гравером темных веточек — пантов, светлая рябь промелькнувших ног.

Но вот со стороны леса выходит на поляну новый табун оленей. Впереди идет пантач. Тяжелая ветка пантов оттягивает его голову к спине.

Вдруг что-то треснуло. Пантач вздрагивает, делает молниеносный прыжок в сторону и замирает. Весь табун повертывает головы туда, откуда раздался подозрительный треск. Смотрим и мы в угол ограды. Оттуда, открыв скрипнувшие ворота, на всем скаку вырывается по горной тропе всадник. Олени следят за каждым его движением. Всадник, не обращая внимания на табун, мчится все выше и выше. Олени успокаиваются. Но нам хорошо видно, как вершник делает большой круг и начинает заходить к табунку совсем с другой стороны. Вот он спугнул из невидимого ложка еще одну стайку и вместе с ней приближается, описывая круг, к нашему табунку.

— Егерь, — говорит Ороктоев. — А вот и второй, — показывает он в сторону леса. — Кажется, женщина. Теперь они поведут нужных им оленей с двух сторон.

Олени потревожены на всей огромной площади парка. Табунками, будто бурные потоки, стекаются они в угол высокой ограды.

— Там «разлучник», — указывает Ороктоев. — Видите, сколько отгорожено клеток? А самая большая, с несколькими воротами — «разлучник». Интересное название, не правда ли?

— Кого же там и с кем разлучают?

— Вернее бы сказать — отбивают, — улыбаясь, говорит Ороктоев. — Отбивают тех оленей, у которых созрели панты.

— Видно, неприятное это для них место — «разлучник»...

— Конечно, — соглашается Ороктоев. — То место, где ежегодно пантачу причиняется страшная боль, едва ли можно забыть. И олень не забывает его. Чтобы отбить пантача, а потом загнать его из «разлучника» в станок, требуются от егерей большие усилия. Нужна и хитрость, и энергия, и неустойчивость. На что не пойдешь, чтобы вовремя снять урожай...

Урожай пантов! Как-то странно звучит в таком сочетании слово «урожай». А ведь это, действительно, очень ценный живой урожай. Вырастить хорошие панты не так-то просто. Оленеводы имеют дело с полудикими животными. Требуются годы, десятилетия, чтобы олени одомашнились, приобрели привычки ручного животного. Это входит в их повадки по крупицам, порой едва приметным.

Вот женщина-егерь обгоняет уже спокойно бегущее стадо, останавливает коня и, соскочив на землю, протягивает руки к переднему оленю.

— Сынок, сынок, — ласково зовет она. — Ты что же, глупый, взбаламутил все стадо, а? Ну возьми, возьми... Хочешь вкусную корочку поглотить? Вижу ведь, хочешь. Ну, подходи, подходи ближе...

Перебирая настороженно чуткими ушами, пантач неуверенно идет к руке хозяйки.

Час спустя мы знакомимся с ней. Это Люба Мултуева — егерь оленеводческой фермы. А тот, что первым скакал верхом по парку, молодой, чернявый, статный, с тонкими чертами лица, оленевод Анатолий Мултуев, ее муж. Светло улыбается. Возбуждение еще не отпустило его. Оно светится в глазах, ощущается в частом прерывистом дыхании.

Высокий, спокойный с виду, худощавый мужчина стоит у дверей пантоварки и пробует на палец зубья небольшой ручной пилки. Это Филипп Алексеевич Кудрявцев, старейший оленевод Барагашского совхоза. Убедившись, очевидно, в том, что пила достаточно остра, он оглядывает егерей и коротко бросает:

— Пошли.

Из «разлучника» в это время кормачи отбили нужных пантачей в соседнюю клетку. Отсюда они по суживающимся клеткам идут в станок. Пантач шагает осторожно по деревянному полу, и вдруг пол уходит из-под его ног... Олень рвется кверху, но поздно — сжимают с обеих сторон деревянные колодки, и он повисает. Голова его оказывается в крепком хомуте. Мелко-мелко дрожит шея, глаза испуганно расширяются:

Вот тут и встречается олень с Филиппом Алексеевичем Кудрявцевым. Мастер быстро, на глаз, определяет пенек среза и срезает пант. Операция эта длится меньше минуты. Вот уже пант забинтован в марлю, и его осторожно несут в пантоварку для обработки, а пантач неожиданно снова чувствует под ногами твердую опору. Расходятся крылья зажима. Открывается боковая дверь. Пантач встряхивает головой и молнией вылетает из страшного станка на волю.

Мы долго следим за ним. Вот он останавливается. Оглянувшись назад и, качая непривычно легкой головой, снова устремляется вперед.

— Сейчас будет носиться по парку, словно угорелый, — смеется Люба. — Пока не устанет или не поймет, что теперь ему ничто больше не угрожает.

Мы до позднего вечера бродим по парку. Хочется узнать побольше про этих интересных животных. Гостеприимная семья молодых егерей Мултуевых охотно рассказывает нам интересные случаи из жизни фермы. Некоторые из этих рассказов я записал. Вот они.

2. ОБМОРОК

— Вы можете себе представить, — говорит с лукавой смешинкой в глазах Люба, — олень падает в обморок! Да, да, самый настоящий обморок.

Как-то, в минувшее лето, отбилась группа пантачей от стада и никак не хотела идти в «разлучник». Уходят в горы и прячутся в ущелья. А панты их зреют на глазах. Упустить момент срезки — значит потерять панты. А у нас каждая веточка на учете. Весной олени вышли с зимовки хорошо упитанными, и все виды были на богатый урожай. Поэтому повадки этих явно уклоняющихся от выполнения своих «обязанностей» пантачей нас очень

беспокоили. Мы поочередно следили за ними, не спуская глаз.

Вот и подошло время пожаловать в «разлучник». Еще день-два, и будет поздно: панты начнут твердеть.

Выехала я за группой отщепенцев с утра. Быстро отыскала их и постаралась выманить на чистое место. Они как будто ничего и не имели против. Покапризничали, вроде, для приличия вначале, а потом пошли. «Ну, напрасно, — думаю себе, — беспокоились, все идет нормально. Никакие они не бунтовщики».

Только я так подумала, как, смотрю, вожак остановился на горوشке, повел головой вправо, влево, потом как засвистит да как взовьется свечкой — и в сторону, в лес, а за ним вся группа. Только и видела их!

Обманул... Ах ты черт, думаю, пестрый! Ну, ладно же, я тебя проучу.

Заворачиваю коня и — за ними. Кружилась, кружилась по лесу. Наконец, в лощинке, у камня, замельтешило в глазах. Выезжаю из лесу — они. Остановила коня, кричу вожаку (а он стоит спокойно, смотрит на меня):

— Ну как тебе не стыдно, а? Бессовестная твоя морда! Чего ты вздумал меня мучить, а? — кричу так, а сама вперед коня подталкиваю.

Приближаюсь потихоньку и все критикую его за безобразное поведение:

— На что же это похоже, а? Как назвать такую выходку? Хулиганство, не меньше. Да, да. Ну, пошли, пошли... Ишь ты, саботажник!

Махнула рукой, наезжая на них. Идут. Спокойно идут. Лес прошли. Снова на чистое поле вышли. К той самой горوشке подвигаемся. Смотрю, замедлили ход. Совсем остановились.

— Ну, в чем дело? — кричу. — Чего там увидели?

Вожак снова засвистел. Теперь олени помчались в другую сторону, в самый дальний угол парка. Летят будто на крыльях. Где там успеешь за ними! Однако гоню коня, стараюсь от леса зайти.

Бежит мой конь, разгорячился, удила рвет, под ногами земли не чует, аж страшно стало: а ну как ненароком споткнется — полетишь и костей не соберешь после.

Сжала я зубы, пригнулась в седле, затаилась. Будь что будет! Саботажников все равно надо взять.

На этот раз вымахали они на самый гребень сопки. Выстроились на камне и смотрят на меня сверху вниз. Смотрят и, кажется, будто посмеиваются над моими усилиями.

— Ну, погодите же, погодите! — грожу им про себя.

На полпути к вершине горы конь сдавать начал. Перешел на шаг, тяжело дышит. Грызет нервно удила. Недовольно ушами стрижет.

Отвязала я от седла бич. Размотала его. Размахнулась и щелкнула им, будто выстрелила. Пантачей как ветром сдуло с вершины. Однако с кручи бегут осторожно. За рога свои опасаются.

Сбежали в долину. Вижу, бока их залоснились. «Ага, — думаю, — и вам нелегко». Еду сбоку, со стороны леса. Вон ограда нижняя показалась. «Ну, небось, набегались, хватит». Только подумала так, а они, как горох, врассыпную. И снова, заметила я, по сигналу вожак действовали. Рассыпались и ушли в лес... Поворачиваю коня, а сама чуть не плачу. С седла валюсь уже от усталости, да и конь стал все чаще спотыкаться. Смотрю на солнце и ахаю: уже обед подходит! Да хоть бы подмогу догадались выслать! Ничего мне с ними не подделать.

— А мы и догадались, конечно, — перебивает жену Анатолий. — Проехал я нижней дорогой, обогнул тот лес и встретил их. Да сразу внамет. Допеку, думаю, не выдержать им гона. Гоню вскачь и бичом еще подхлестываю.

— Ага, — живо вступила в разговор Люба. — Смотрю, как пули из леса вылетают. Тут и я давай размахивать бичом. Побежали вниз...

— Сломали саботаж, — смеется Анатолий. — Так в «разлучник» и заскочили с ходу.

— Ну, а как же с обмороком?

— Самый настоящий обморок, — оживилась Люба. — Заскочил вожак к станку, вдруг — бац на землю и ноги вытянул. Перепугались мы. Прибегает ветеринар, говорит: «Воды срочно! — А сам нашатырный спирт ему сует под нос: — Нюхай, нюхай, бунтовщик!»

Принесли воду. Облили его. Смотрим, голову поднял, а потом на ноги встал.

— Что с ним? — спрашиваем у фельдшера. Тот улыбается.

— То ли побегал лишнее сегодня, то ли перед станком так оробел. Только самый обыкновенный обморок.

— Посмеялись мы тогда, — продолжала хозяйка парка. — А с тем вожаком у нас теперь дружба...

— Сынок?

— Он самый, — подтверждает Анатолий. — А слышали вы, как смеются олени? Нет? Тут не расскажешь. Это надо самому подслушать.

3. ЗОВ ПРИРОДЫ

— А что, нужна ли эта дорогостоящая ограда? — спросили мы Анатолия Григорьевича. — Ведь она тянется на десятки километров.

— Уйдут, — коротко бросает егерь. — Зов природы еще силен у них.

— Были случаи, когда этот самый зов уводил оленей?

— Да. Они используют любую лазейку, чтобы уйти из парка. Казалось бы, чего им еще искать? Травы в парке — лучшие в этих местах. Потом ведь и подкармливаем хорошо.

— О, подкормку они любят, — вмешалась Люба.

— Очень! — кивнул Анатолий Григорьевич. — Собственно говоря, эта подкормка и не дает беглецам отлучаться далеко... Случай у нас был интересный. На одном из дальних участков стояло ограждение из проволоочной сетки. Сетка высокая, но в стыке звеньев как-то образовалась небольшая щель. Ее обнаружили олени. Не прошло и часа, как на воле оказалось около сотни животных.

Основную группу беглецов удалось сразу же окружить и вернуть в парк. Но все же около десятка пантачей ускользнули. Дали мы знать в соседние села и хозяйства. Предупредили местных охотников, пастухов. Несколько оленей обнаружили на ближних сопках. Организовали облаву. Гонялись за ними весь день. А время уже осеннее, на горах выпал снег. С каждым днем становились труднее поиски. Наконец, загнали и этих.

Осталось на воле несколько пантачей. Никто их близко не видел. Прошла неделя, другая. Выпал снег и в долине. Начались бураны. Крепчал мороз. Исчезли беглецы. Ни слуху, ни духу. Что ж, ушли, похоже, глубоко в горы или на степь вырвались.

И вдруг как-то вечером прибегают к нам телятница с нашей же молочнотоварной фермы. Прибежала сердитая и напустилась на нас: «Пораспустили своих идолов! Совсем объели, проклятые!» — «Кто? Кого объел?» — всполошились мы. «Да как же, — говорит, — вот уже почти неделю воюю с ним, чертом. А он порастолкает телятишек и все концентраты потрескает, идол. Я его — палкой, а он махнет через ограду да в лес. Отвернешься на минутку, глядь, он опять тут, да еще и товарища ведет. Замаялась я с ними. Кабы нам вволю того концентрата давали. А что они на силосных траншеях творят... Когда же вы образумите их?».

Догадались мы, о ком речь идет. Тут же на ферму выехали. В ближнем лесочке следы обнаружили, а потом и беглецов.

Ничего, справно так выглядят. Спины лоснятся. Видно, жили и не тужили у нас под боком.

4. НА РИНГЕ

— Устраивают время от времени быки-пантаци и представления, — продолжал, закуривая и весело переглядываясь с женой, Анатолий Григорьевич. — Да, да. Вроде кулачных боев на ринге.

— Интересно!

— Да. Дерутся они по-особому. Бараны, козлы, да и маралы, как знаете, на рогах решают свои споры, а вот быки-олени свой стиль имеют. Представление прямо-таки стоящее.

Начинают обычно так. Что-то там не поладят соперники меж собой. Разойдутся в разные стороны, поковыряют землю копытами, потом поднимутся на задние ноги и — навстречу друг другу. Идут, фыркают, скалят зубы, а передние ноги, согнутые в коленях, несут впереди себя, как цепи. Сошлись, и тут начинается настоящий бой. Бьют по головам друг дружку передними ногами. Поднимают ногу прямо, как палку, и опускают ее на голову противника со всего размаха. Боксерских правил никаких не соблюдают. Приходится вмешиваться и разнимать драчунов.

— И что удивительно, — замечает Люба, — когда зреют панты, драк таких не замечается.

— Да, пантач в это время очень осторожен. Навер-

ное, заметили, как он несет голову с пантами? За ветку дерева боится задеть.

— Ну, а в «разлучнике»? Ведь их набирается целый табунок?

— Тут принимаем меры предосторожности. Пантач пуглив. Бывали случаи, когда от залетевшей случайно сороки пантачи бросались врассыпную, топтали друг друга, ранили панты в толкучке.

— Бывает и так, — добавляет хозяйка, — что на территории парка вдруг появляется чья-нибудь собака. Тут уж не жалеют, не разбираются, чья она. Первый, кто заметит ее, немедленно хватается за палку.

— Ведь полноценный пант, — поясняет Анатолий Григорьевич, — это забота всего нашего коллектива. Представляете, как обидно, если в последний момент перед срезкой у оленя вдруг окажется раненым пант. Это брак. Минус, как говорят, во всей нашей работе...

Беседа затягивается. Молодая семья Мултуевых, по всему видно, влюблена в свою работу. И то сказать — работа интересная, живая, требует от егеря и сметки, и смелой находчивости, и терпеливого упорства. В бесхитростных рассказах Мултуевых по крупницам раскрываются характер, повадки и уже приобретенные оленями некоторые навыки одомашненных животных.

Люба говорит:

— Звери, а кажется многое понимают.

Анатолий, смеясь, предлагает жене:

— Расскажи, как у тебя подводу с силосом увел пантач.

— Это было сделано так, что иначе и не скажешь: увели умышленно! — восклицает Люба. — Видите, вон за Отоголовом клетки? Это зимники. Привожу, как всегда, две подводы с силосом. Часа этого всегда ждут. Едва въезжаешь в ворота, как олени бросаются к подводам. Лезут напролом. В тот раз один бык особенно был упрямым и нахальным. Идет прямо на меня. Я его раз отогнала от саней, другой раз, а он все свое. Глаза покраснели. Вижу — рассвирепел. Раскидываю силос и с опаской поглядываю на него. Он исчезает. Разношу я силос с первой подводы, про вторую забыла. Смотрю, а тот пантач увел коня в дальний угол и потчуетя силосом вволю. Я так и ахнула. Как же это, думаю, так получилось? Не мог же он, в самом деле, увести за собой ко-

ня! Потом уже сообща разобрались. Подошел, видно, пантач к коню и каким-то образом захлестнул себе на шею вожжину. Пошел от коня, а вожжи натянулись. Он дернул сильнее — лошадь и потянулась за ним.

— Вот такие номера откалывают наши питомцы, — весело сказал Анатолий Григорьевич.

Мы обратили внимание на то, что зимники совсем не утепляются. Нет ни стен, ни навесов — открытые площадки, разбитые на клетки изгородью.

— Зиму олени переносят хорошо под открытым небом. Но навесы делаем. Каждую осень, для стельных маток.

Кто-то поинтересовался хищниками. Ведь их, наверное, немало здесь. Вокруг тайга, горы...

— Олень — только с виду безобидное животное, — рассказывает Анатолий Григорьевич. — За себя постоять может...

Вот такой был случай в прошлую зиму. С теми же самыми беглецами. Тех двух, которые приохотились к концентратам молочнотоварной фермы, не сразу мы загнали в парк. Один пантач долго еще бродил около парка. Следы мы его обнаруживали ежедневно вокруг ограды.

Как-то рано утром, еще как следует не рассвело, поднялся вдруг переполох где-то у верхней ограды. Летят оттуда, как угорелые, табунки оленей к зимникам. Дрожат, пугливо фыркают и все вверх смотрят, к горам. Вскочили мы с соседом на коней, взяли ружья, собак — и туда. «Не иначе, — думаем, — зверь близко к ограде подошел».

Подъезжаем к лесу. Тут ограда в самую скалу одним концом упирается. Внизу еще темь. Ничего не видно. Спускаемся осторожно: Ружья наизготовке держим. Вдруг собаки наши будто взбесились — залаяли в один голос и рванулись в лощину. Оттуда наперерез им к лесу метнулась тень. Кони зауросили, зафыркали, норовят назад повернуть. Мы разом выстрелили наугад, но где там! По тени стреляли!..

Собаки гнали хищника — а это был, как мы вскоре убедились по следам, волк — до самого леса. Свернули мы в лощину, и здесь повстречались с беглецом — оленем. Он прижался задом у изгороди и скалы в угол, нацелившись рогами. Когда совсем рассвело, мы обна-

ружили притоптанный снег и поняли: как ни ловчился хищник, как ни прыгал, а взять оленя не смог.

После битвы на тропе пантач охотно пошел в парк. Видно, несладко жилось в одиночку, хотя и на свободе.

5. ПРИШЕЛЬЦЫ

— Бывают у нас и неожиданные гости, — снова подала голос Люба.

— Правда, — подхватил Анатолий Григорьевич. — Заскочили в парк несколько диких коз. Как это им удалось, до сих пор не знаем. Только смотрим: новый табунчик появился у нас. Ходят от оленей чуть поодаль и уходить, похоже, совсем не собираются.

— Снег был глубоким в ту зиму, — вспоминает Люба, — а в нашем парке, на солнечной стороне, тебеневать хорошо было.

— Тут уж, наверное, у охотников зачесались руки. Не правда ли, Анатолий Григорьевич? — улыбнулся я.

Молодой егерь засмеялся.

— Что правда, то правда. Да вот ведь закавыка какая получилась: взять их было трудно.

— В парке трудно? — усомнились мы.

— В том-то и дело. Парк-то против нас обернулся.

— Каким же это образом?

— А вот каким. Мы, конечно, решили использовать оплошность незваных гостей, но они повели себя очень осторожно с первого же дня. К ограде близко не подходили. В дальние места не забивались. Избегали овражков, лощин и леса. Пасутся у всех на виду, на открытом склоне. Тут же олени ходят. Ты к ним, а они, почуяв опасность, — к оленям. Да прямо в самую гущу норовят затесаться.

— А олени?

— А те словно понимают, что их гостям угрожает смертельная опасность, не разбегаются, наоборот, держатся табунком. Пропустят коз в середину и стоят, смотрят на тебя с таким вызовом, дескать, стреляй, если можешь, стреляй, если и мы тебе не дороги.

— Долго так водили за нос наших охотников те гости, — сказала Люба, — а потом ушли... Через ту самую сетку — снова концы отошли в стыке. Там и щель-то сразу не заметишь, а им достаточно...

Над Отогольской долиной плывет звездная ночь. Шумит по камням, хлопочет о чем-то своем неугомонная горная речушка. Где-то в парке настороженно свистнул пантач. Послышался отдаленный стук копыт.

Анатолий прислушивается, потом встает и надевает телогрейку.

— Пора. Объездной возвращается.

Мы провожаем его до речушки. Там он садится на коня и едет вдоль парка в горы.

Снова свистит где-то осторожный пантач. Он тоже, видать, заступил на вахту.

Черное озеро в голой степи. Безжизненное озеро. Вокруг — ни травы, ни кустика. Воды его мертвы. Непроницаемы. Совсем рядом — белые шкуры солонцов. Светлее озеро ясными вечерами, когда солнце, зацепившись за ледяную верхушку Чагана, еще не покинуло совсем Чуйскую степь; когда по суровой с виду, обнаженной этой высокогорной равнине, которую иногда справедливо называют полупустыней, мчатся куранами от надвигающихся сумерек светлые блики уходящего дня, — тогда Кара-Кёль вдруг расцветчивается золотыми искрами до самого дна. Сверкает. Переливается. Живет. И еще, наверное, потому живет, что любит в этот час послушать, как играет на своем топшуре хозяйка стоянки Соен.

«Мамий, — спрашивает себя высокий, широкоплечий, суровый с виду алтаец, пощипывая отвисший ус, — сколько же лет твоей жене? — В глазах его стреляет хитринка. Медноскулое от загара и ветров лицо вмиг покрывается добрыми морщинами. — Может, двадцать, а?»

Он слушает песню, доносящуюся из аила, тугой, глуховатый басок топшура и смотрит, помолодевший в эту минуту, на Черное озеро. Он не хочет показать посторонним свое внутреннее волнение, которое приходит к нему всякий раз, когда слушает, как играет жена, провожая солнце. Ведь солнце — друг чабана. С ним можно каждый раз вести долгие разговоры. Оно каждый день видит страну. Видит много-много людей. И дела, наверное, их видит. Почему же оно не всегда с человеком? Бывает, что целую неделю, а зимою и целые месяцы вокруг только голая степь, горы, сторожевые псы да отара... Тогда и солнце редко показывается. Видно,

и ему прохладно висеть в ледяной бездне на виду у всех. И оно заволакивается тучами. Тучи — это все равно что добротные овчины...

— А может, действительно, Мамий, твоей жене — двадцать?.. — Мамий привычно отгоняет посторонние мысли, и одна, захватившая его, вызывает воспоминания, навевая на сердце слегка тревожное волнение. Конечно, Соен не больше двадцати. Вы же слышите ее песню? Так может петь только молодое сердце.

Песня — это горячий аржан*.
В нем утоляет жажду сердце.
Если хочешь скорей постареть —
Забудь совсем про песню...
Песня — это светлый аржан...

Гудит, звенит топшур под умелой рукой пастушки. Слегка гортанный сильный голос летит к подножию Чуйских альп, которые совсем рядом, до которых полчаса ходу на добром коне. Наверно, и этим горам, никогда не снимающим свои ледяные каски, тоже приятно послушать песню. Стоят сторожевой заставой, будто сказочные богатыри. Бессменно стоят. Суровые, строгие. Служба такая. Ничего не скажешь. А вот в этот час и они, кажется, добреют. Ласковей посматривают на степь. Скоро и Мамий и Соен будут четверть века отмечать этой стоянке у самого Кара-Кёля. Она основана в канун войны. Тогда в их родном колхозе «Мухор Тархата» была выведена опытная отара коз-пухоносов. Пятнадцать лет работала над пухоносами самоотверженная женщина из Горно-Алтайска. Ее звали все Окулич. Сильная женщина. Пятнадцать лет... В этой отаре все ее богатство. Душа. Ум. Сердце. А самой уже нет. Человек всегда должен к чему-то идти. Стремиться. Окулич оставила о себе хорошую память.

После войны вызвали Мамия и Соен на заседание правления колхоза и сказали:

— Вы оба коммунисты, Курдяповы. Кому, как не вам, поручить такую отару. Будущее колхоза вручаем в ваши руки.

Будущее колхоза. Это не шутка. Но ведь там, на фронте, помнишь, Мамий, ты ходил в разведку с ребятами, не то же ли говорил политрук: «Фашисты хотят

* Аржан — ключ, родник.

вырвать у нас, у нашей страны завтрашний день. Не пустим этих варваров на порог нашего светлого завтра!..» Так говорил политрук. «Так, так, — вторило ему сердце Мамия. — Так.» Грустные песни пела тогда Соен: «Где-то далеко от нас есть такая страна со страшным названием Война. В этой стране дышит смерть. Там мой любимый муж сражается со злыми Эрликами*. Летят из той страны черными перьями растерзанной птицы, летят по всем уголкам родной земли страшные известия: «Пал смертью храбрых...» Эти перья застилают солнце, и я не хочу, чтобы хоть одно из них, покружившись, упало у моего аила... Ты слышишь, Мамий, как гудит мой топшур? Он поет о жизни».

И Мамий перешел через смерть. Черное перо не упало возле аила Соен... И вот им предстояло вместе с Мамием сражаться за будущее колхоза.

Тогда на заседании правления Окулич-Казарина сказала:

— На руки, на ум и смекалку Курдяповых я надеюсь. Будущее колхоза в надежных руках. Ну, а я ваш постоянный гость и советчик, Мамий.

— Нет, вы не гость, Лидия Владиславовна, — сказала тогда Соен, — вы хозяином будете на нашей стоянке.

Соен невыдержанна. Следовало бы не женщине, а ему, Мамию, сказать так. Но ведь все знали, что Мамий и Соен — это все равно что один человек.

— Да, Окулич, — подтвердил Мамий, — пухоносов вырастили вы. Нам остается только беречь богатство.

Окулич, эта высокая, сухощавая женщина, покачала головой:

— Нет, Мамий, не только сберечь. К будущей весне вы должны подарить колхозу новую такую же отару.

...Падают солнце жар-птицей за горы. Вот уже и озеро потемнело, а в аиле все еще гудит топшур.

Песня — это светлый аржан.
В нем утоляет жажду сердце...

Это сердце Соен поет. У Мамия на сердце тоже светло и хорошо. Неудобно, чтоб знала об этом жена. И поэтому Мамий стоит у озера рядом с отдыхающей отарой. Сильная штука песня. Наверное, Соен догады-

* Эрлик — злой бог (алт.).

вается об этом. И ей приятно будить песней воспоминания. А они разные. И хорошие и плохие. И даже плохие приподнимают как-то. Заставляют волноваться, будоражат мысль.

...Стоял месяц малых морозов. Чуйская степь была холодна и гудела, как бубен. Ветры, срываясь с белков, носились по ней дикими куранами. Колючий ледяной песок висел в воздухе, Мамий еле добрался до Тархаты. Насквозь продуло в седле. Кое-как отогрелся горячим чаем, пошел в контору. Надо было поругаться из-за концентратов. Сколько раз обещали, а транспортники так и не появляются. Зря настраивал себя на сердитые слова. Транспорт был занят как раз на заброске того концентрата из Онгудая. Расстояние большое, около трехсот километров, и машины не успевали в сутки больше одного хода сделать. Да и далеко ли уедешь на старых довоенных «полуторках». Озадачил председатель:

— Как там Окулич? Добралась?

— Окулич? — удивился Мамий. И все понял: поехала одна, не нашла стоянку, блудит где-нибудь по холодной степи.

Молча вскочил Мамий и бросился к двери. И только уже далеко за селом расслышал топот копыт. Оглянувшись, узнал председателя колхоза. Тот догнал его верхом на коне.

Исколесили всю степь. В предгорье по дороге в Джазатор сворачивали. Уже к рассвету, валясь от усталости из седел, подъехали к Кара-Кёль.

У аила стоял конь Окулич. Мужчины переглянулись. Молча вошли в аил. Ярko горел костер. В котле кипел чай. На лежанке, укрывшись тулупом, спала женщина.

— Спасибо, Соен нашла, — рассказывала потом Окулич. — Упала с коня и ногой о камень. Лежу, не могу пошевелиться... Нога на глазах пухнет.

— А я смотрю, конь идет и ногами переступает повод, — подхватила Соен. — Бегу по его следу...

— И спасла. Как только дотащила... — морщится от боли Окулич, а сама уже подсмеивается над собой.

Вскоре боль в ноге утихла. Неделю прожила Окулич на стоянке. Каждую козочку своими руками ощупала. Радовалась как школьница. Гребень-скребок привезла пух чесать. Все говорила:

— Это примитив. Придумаем получше, посовременней.

...В месяц первой жары приехала из Горно-Алтайска Провела первую ческу пуха. По триста граммов обошлось тогда в круг. Подсчитали: огромное богатство! Каждая козочка — легкая пуховая шаль!

— Года через три в новой генерации пуху будет больше. Уверена! — говорила она, прощаясь. Уехала и больше не вернулась. Осталось доброе дело хорошего человека.

Но это дело надо вести дальше. И в этом тебе поможет твоя жена, Мамий. Помнишь, как она, будто ученый зоотехник, ухаживала за этими пухоносами? Что ж, она конечно много взяла у Окулич. И недаром в те последние приезды Лидии Владиславовны Соен все ходила за ней, выпытывала, запоминала.

...Отара росла. Вот уже две отары стало. Передали на другую стоянку. Колхоз столько получил пуха, что его хватило бы уже принарядить всех женщин района в теплые шали. Дорого платило за пух государство. Не жалело денег, и колхоз это почувствовал. А потом подули недобрые ветры... Были такие годы.

Гудит топшур. Зовет куда-то. Вот и в тот вечер Соен вернулась из райкома светлая. Радостная. Взяла в руки топшур. Но эта радость нелегко ей досталась. Помнишь, Мамий, сколько было тревоги на этой стоянке, в семье, когда какой-то уполномоченный потребовал сдать одну из отар пухоносов в мясopоставки. Он говорил: «Область в прорыве... страна требует мяса, а вы тут экспериментами занимаетесь. Не в пухе, а в мясе нужда». Кто он, этот недобрый человек? Какими дурными ветрами занесло его тогда в Чуйскую степь?..

Безжалостно зачеркнуть пятнадцать лет работы над породной группой пухоносов может только человек с повязкой на глазах. А что ему за дело до этой работы?..

Уже сдали одну из отар, не сумело отстоять правление. Тогда Соен и поехала в райком. И спасла остальных пухоносов.

Теперь председатель колхоза — человек зоркий, хозяйственный. Николай Сейсекенов. Он умеет прислушиваться к людям. За эти годы снова пошли в рост отары пухоносов. Их теперь и в соседних районах много. А стоянка у озера Кара-Кель во весь голос заявила о

себе: по 500 граммов пуха дали козы. На руках у Курдяповых — не только пухоносы, но и отара тонкорунных овец.

Знатный чабан Мамий стал членом обкома партии.

Не прошло мимо Кара-Кёля время. Не оно ли это посылает на Кара-Кёль то одну делегацию животноводов, то другую? Мудрости учатся у Курдяповых. Нынче приезжали араты из Монголии. Значит, слава Кара-Кёля не знает границ.

Человек и время... Они рядом идут.

Мечта... Она долговечна, как горный родник. Идут годы и целые десятилетия, а мечта по-прежнему у самого сердца. Греет и, может быть, даже светит в пути, как вон та далекая и яркая звезда Тан-Чолмон. Совсем кажется она близкой, стоит перевалить с отарой за Бургузинские горы, и звезда попросится тебе в руки. Но не раз переходили бурный Чаган пастухи. Не раз поднимались с отарой к заоблачным высям, а звезда находила новые урочища и скрывалась бесследно в них. Приходила и уходила Тан-Чолмон, а мечта о новой степи, такой, чтоб на ней не галька и песок звенели, а шелестели травы и сверкала роса по утрам — не уходила. Жила. Звала.

Бежит Чаган. Плещет могучей волной с гор. Но вырвавшись на простор, увязает в песке, в курумнике, едва оросив предгорное плато. Выбившись из сил, обескровев, он теряется под землей.

— И ведь совсем уходит, — говорит пастух Нуртазанов. — Уходит в землю. А как нужна вода в степи Тяис-Тобе! Тысячи гектаров той степи, а кроме верблюжьей колючки — никакой травы. Тогда решили в нашем колхозе поймать воды Чагана. Заловить и не упустить. Арыки? Конечно. Машинами прорыли на Тяис-Тобе два глубоких арыка. Но что они на такую степь! Уже в августе мелеют, а потом и совсем пересыхают. И снова чернеет степь. Только держится верблюжья колючка. Как сохранить подольше воды Чагана?

Темнеет лицо пастуха. В глазах — озабоченность. Озабоченность, но не отрешенность. Через минуту в них уже горит упрямый огонек.

— Надо искать. Надо думать.

В пастушьей избушке, где мы ведем беседу, пол уст-

лан расписной кошмой. На койке подушки, пышное одеяло, на сундуках — ковры. В небольшой пристройке — покрытый войлоком мотоцикл с люлькой. «Семейный автобус», — прорезались в памяти слова Нуртазана, когда мы входили в избушку.

Хорошо, богато живет рядовой пастух колхоза «Путь к коммунизму». Он так и сказал Касенову, заведующему Чаган-Бургузинским домом животновода:

— Хорошо живем. Дом животновода — это хорошо, Николай. И елки хорошо под Новый год. И концерт, и магазин, и баян. И то, что мы, пастухи, итожим работу свою два раза в месяц — хорошо все это... Только плохо, что до сих пор приручить воду не можем на наших летних джайляу. Может, десяток-другой артезианских колодцев соорудить? А вокруг тех колодцев котлованы вырыть, вроде бы водохранилищ, а?

В пастушьей избушке становится жарко. То ли от выпитого чая, то ли от железной печурки, ставшей местами красной, то ли от жарких дум... Касенов смотрит в угол, где мелькают яркие блики от печи, говорит ни к кому не обращаясь:

— Когда есть запев — песне быть. Запев — важно. А он есть, Нугумат. Хотя бы эти арыки. Раньше на Тяис-Тобе одним верблюдам раздолье было. Сейчас уже десятки отар пасутся. Хотя и не полное лето, но пасутся. Может быть, твоя мысль об артезианских колодцах понравится всем в твоём колхозе. Тогда народ решится испробовать и это средство. Надо пробовать. Надо от слов и дум переходить к делу.

Передо мной встает бесснежная равнина Тяис-Тобе. У ее границы несколько сторожевых, таких же бесснежных, сопок. Кое-где — завалы из камней — останки, может быть, таких же крутолобых сопок. Серая равнина с редкими кустиками побелевшего от морозных ветров чия тянется до самого Чагана, прячущегося под обрывом у подножья гор. Бежит Чаган у кромки Тяис-Тобе, а свернуть в степь боится. Страшно ему на открытом месте, под палящими лучами летнего солнца. Не хватит сил, чтобы снова уйти в горы, под спасительную тень могучих скал. Боится Чаган завязнуть в песках, растерять живительную влагу, как это уже случилось с арыками...

Вот он рядом, Чаган, под окнами пастушьей избуш-

ки, закованный льдом. Хочет вырваться из ледяного плена и не может. Выйдет наледью кверху, рванется по сторонам, в ближайшие низинки, а мороз его и тут перехватывает. Так и борется всю зиму, до самых благодатных весенних ветров. А разве песок лучше, чем страшный мороз? Мороз перехватывает дыхание, а тот сосет по капле, пока совсем не обессилит... Конечно, хорошо бы запруду. Сколько б силы собрать можно! Тогда посмотрели б, что станется с этой полупустыней Тяис-Тобе.

Это не Чаган подсказал такую мысль. Это Нуртазанов думает вслух.

— Да, плотину! — говорит Нугумат. — А ты что скажешь, сосед? — обращается он к сидящему на корточках у печи молодому чабану Кокпоеву Чагачи. Тот потирает ладонью щеку и поднимает на хозяина веселые глаза.

— Небось, тогда скупым станешь, Нугумат? Скажешь: «Прогоняй, прогоняй, Чагачи, свою отару подальше в горы, не топчи нам траву!».

Нугумат вскидывает брови и бросает удивленный взгляд на молодого чабана. Потом глаза его теплеют, он улыбается.

— А ты не бойся, парень. Не о байском богатстве голову ломаем. О своем, народном, думки. Приведешь отару, скажу: «Давай, Чагачи, иди рядом. Пусть и твоя отара узнает сытую жизнь!».

Оба весело смеются. Касенов внес ясность в разговор: — Чагачи из колхоза «Кызыл Мааны», а тут земли артели «Путь к коммунизму».

До поздней ночи, не отставляя от себя пиалы с душистым чаем, пастухи советовались, мечтательно заглядывали в недалекое будущее, сетовали на суровую нынешнюю зиму, строили прогнозы и предположения о далекой пока весне, и все чаще в их разговоре упоминался известный в области колхоз «Мухор-Тархата». Потом неожиданно обратились к Касенову, чтобы он рассказал им о смелом шаге тархатинцев. Нугумат так и сказал с заметной взволнованностью:

— Смелые люди в этой Тархате. Расскажи, Николай, правда ли, что они решили обуздать Ирбисту? Речка-то такая же шальная, как и наш Чаган. Но ведь у них степь выше Ирбисту! Пойдет ли вода кверху?

Касенов хитровато улыбнулся.

— Разве ваш Тебелер имел раньше хоть один деревянный дом? — спросил он в свою очередь и оглядел собравшихся. — Аилы да юрты стояли, а теперь такое село! Или, может, твой отец, Нугумат, имел тоже мотоцикл, как ты? А эта самая, артезианская скважина, которая чуть не затопила ваше село, может, тоже дедами была пробурена?

Нугумат понимающе закивал головой.

— Все ясно, Николай. Заставят тархатинцы пойти в гору Ирбисту. Заставят! Потому, что это необходимо для дальнейшей жизни колхоза.

— Я тоже так думаю, — сказал Касенов. — Стоит только захотеть нашему человеку — и он свернет горы. В его руках теперь и наука и техника. Все животноводы Кош-Агача следят за начинанием в Тархате. И я верю: успех будет. Успех придет. А тогда... Тогда, как по-твоему, Нугумат, посмотрят на такое дело другие колхозы Кош-Агача?

Умел агитатор Касенов задеть живую струнку в человеке, заставить взволноваться, вызвать новые мысли.

— Тогда... тогда, я думаю, так будет, Николай, — горячо сказал Нугумат. — Тогда я первый оставлю на жену своих сарлыков и возьму кайлу или лопату в руки! Вот как будет, Николай. Колхозы не захотят отстать от «Мухор-Тархаты». — Высокий, ширококостый Нугумат обтер лицо рукавом рубахи и, сверкнув глазами, одним духом выпил пиалу чая. Потом встал и прошелся по избушке. Он был возбужден. Глотая слова, не договаривая до конца одну мысль, он переходил на другую, третью... Да, взволновала Нугумата новая перспектива.

— Деды, прадеды кочевали от оврага к'оврагу, от ручья до ручья, чтобы прокормить скот. Много это лет? Много! Может, тысячу. И вот в Тархате открывают новую страницу. А что будет со всей Чуйской степью? Неужели зацветет, зазеленеет травами? Может... Может! Иначе зачем бы все это городить, деньги, силу тратить, звать на помощь эту самую химию!.. Химия... Неужели она может переделать природу?

...И долго еще чудился мне в дороге голос Нугумата. И сам он вставал передо мной, взъерошенный новыми мыслями, горячий, нетерпеливый, шагающий из угла в угол в своей небольшой пастушьей избушке в тот ве-

чер на стоянке Урузай-Сай. Такие, как Нугумат, не умеют отступать от задуманного. В таких долго не гаснут искры новых начинаний и надежд.

Я был в Кош-Агаче впервые вскоре после войны. Теперь здесь многое изменилось. Выросли новые поселки. Благоустроенными стали стоянки чабанов. Люди зажили безбедно. В каждом колхозе теперь специалисты высокой квалификации — зоотехники, ветеринарные фельдшеры и врачи, шоферы и механики, учителя и медики. Прекрасно оборудованные клубы и библиотеки. Новые магазины, школы, общественные бани и другие бытовые учреждения.

Многое изменилось в Кош-Агаче за эти годы, а вот степь кажется такой же, как и прежде. Огромная равнина перерезана оврагами и балками. Всюду, куда ни глянь — серая зыбь песка и гальки. Редкие кустики чия да канбака — верблюжьей травы. Где-то в низинах прячутся небольшие деревеньки, защищенные от ветра, может быть, одним увалом. Ни куста. Ни дерева. Ни травы. Равнина и звездное небо. И тишина. Первозданная, до звона в ушах.

Такой кажется Чуйская степь с первой встречи. Но это только кажется... Оно обманчиво, это первое впечатление. Суров Кош-Агач. Природа здесь неласковая, климат непостоянен. Но растут в этом краю под стать необъятному простору мужественные, смелые и решительные люди.

Такие как Нугумат, как соседи его по стоянке: Чагачи Кокпоев, Благ Бойдоев, Эренке Тадыров, Сырыкпай Нуртазанов. Не раз и не два сходились они один на один со свирепыми буранами, чтобы отстоять колхозное стадо. Это такие, как Нугумат и его товарищи, отвоевывают ежечасно, ежедневно, из года в год у скудной и скупой полупустыни ее не очень щедрые дары для колхозных отар.

Жизнь этих простых, непритязательных людей — героическая поэма подвигов. Незаметных для них самих, больших, героических дел. Они в постоянном поиске. Нет, они не смирились с тем, что есть, что было сотни лет до них. Они хотят видеть эту степь другой. Хотят изменить ее лицо. Я видел это в глазах неутомимого в поисках Нугумата, когда он, затаив дыхание, слушал рассказ о первых шагах в освоении полупустыни колхоз-

никами «Мухор-Тархаты». И такие, как Нуртазанов, пойдут вперед. Веришь этому.

Мы едем в «Мухор-Тархату» — самый мощный колхоз Кош-Агача. В Чуйской степи парят озера. Из густого, как сумрак, тумана выпадают кристаллами снежинки. Они кружатся в морозном воздухе, оседают на кустах чия и обволакивают их серебристой бахромой. Все искрится вокруг: и снег, и воздух, и далекие горы, и припорошенная дорога. Сорокаградусный мороз выжимает воду из озер, и она, вырвавшись в отдушину, растекается по равнине, парит и тут же застывает. Наледь, наледь по всей степи.

— Может, это не мороз, а высота давит на воду? Ведь тут как-никак, а более двух тысяч над уровнем моря, — простодушно улыбаясь, говорит шофер. — И машина даже по ровному месту плохо тянет... Высота. Я так понимаю. — И неожиданно делает многозначительный вывод: — И вода не держится на поверхности. Уходит сразу же вниз. Отчего? Да ее, эту полупустыню, океаном не напоишь. Все уйдет в землю... Баловство это, с арыками. Мечта. Я так считаю. — Шофера никто не поддерживает, и он обиженно умолкает.

Мечта... нет, она живет в народе. И не только живет, а уходит в поиск. Скоро мы в этом убедимся сами.

Степь придвигается к горам. Где-то тут усадьба колхоза «Мухор-Тархата». Дорога бежит, бежит по заснеженной равнине. Ныряет в неглубокие балки. Снова вырывается в степь, а Тархаты все еще не видно.

Открылась она сразу — под крутобоким увалом. Большой поселок. В центре крупные здания — клуб, школа, интернат. Улица уходит далеко вправо, почти до самой Чуи. А по сторонам ее дома, дома... Раньше тут больше было аилов и юрт. А сейчас не видно.

«Мухор-Тархата». Родина коз-пухоносов. Тут в небольшой глинобитной избушке без крыши, с громким названием «Опорный пункт зональной опытной станции», оставила полтора десятка лет своей жизни самоотверженный ученый и труженик Лидия Владиславовна Окулич-Козарина. Эту высокую скромную женщину до сих пор хорошо помнят на стоянках. Да и как не помнить человека, который оставил людям новую породу коз-пухоносов, золотое руно колхоза!

В минувшем году колхоз продал государству шест-

надцать с половиной центнеров пуха. Много это или мало? Трудно, конечно, себе представить, как это выглядит в натуре. Тогда секретарь парторганизации колхоза Чингизов, улыбаясь, сказал:

— Из этого пуха можно связать, примерно, пять тысяч пятьсот пятьдесят шалей... Зримо? Хорошее «зримо»! Одним словом — это порядочно. Пятьсот граммов пуха с козы. Или каждая коза дает шаль. Три таких сдачи пуха — и женщин всей области можно одеть в пуховые шали. Но пухоносы давно вышли за пределы «Мухор-Тархаты». Есть они во всех соседних колхозах. Десятки отар в Кош-Агачском аймаке. Сотни тысяч рублей выручают колхозы только за сданный пух. Это богатство. Правда, пока еще не основная статья дохода. В «Мухор-Тархате» около 30 тысяч овец. Это главная отрасль в хозяйстве.

Невысокий, плотно сбитый казах, с кремневым загаром на красивом спокойном лице, говорит о десятках стоянок, перечисляет лучших чабанов и сакманщиц. Это председатель колхоза Николай Иванович Сейсекенов.

— Шерсти мы сдаем много. Более восьмисот центнеров ежегодно, — говорит он. — Но можно добиться еще большей продуктивности. Подводят нас выпаса... Целая степь прогуливает!

— Ничего, Николай Иванович, — вмешивается в разговор Чингизов. — Вот польем ее, подкормим удобрениями — она даст нам траву, и тогда овечки прибавят шерсти наполовину. Так будет, Николай Иванович. Так будет.

Сейсекенов задумчиво смотрит в окно (там видна равнина), соглашается с ним.

— Да, на Ирбисту большие надежды возлагаем. Думаем, что будет по-нашему...

Ирбисту значит Снежный барс. Имея, очевидно, в виду русский перевод названия горной речушки, Сейсекенов оживает:

— Обуздать этого барса, — говорит он, — дело, если хотите, чести тархатинцев. Теперь уже не отступим. Весь район следит за нашей работой...

Я рассказал о беседе с чабанами на стоянке Нуртазанова. Сейсекенов многозначительно посмотрел на секретаря партбюро. Тот понимающе кивнул.

— Даже там, на Чагане, знают. Нельзя нам прого-

рать на этом деле, — говорит Чингизов. — Не имеем права.

Голая заснеженная долина начинается сразу же за поселком. Ее, этой безжизненной земли, десятки тысяч гектаров.

— Вот так и лежит на балансе, — говорит Сейсекенов. — Проку от нее никакого. А сколько здесь можно разместить отар, была бы тут вода...

Широкая долина заметно опускается книзу. У ее основания, зарывшись в землю, бежит подо льдом речка Ирбисту. Глубокая канава подходит к ней. Это — главный магистральный канал. Несколько усов—суаков—отходят от канала вправо и влево, охватывая равнину с двух сторон. На речке — головное сооружение — плотина. Она должна накопить воды Ирбисты до определенного уровня. И потом вода пойдет самотеком по новому руслу. Но пойдет ли? Вот чего боялись в колхозе. Проект гидросооружения был выполнен для Тархаты еще несколько лет назад. Но он вызывал сомнение у одних, открытое неверие — у других членов правления. Так и лежал этот проект в бухгалтерском столе несколько лет, пока не возглавил колхоз энергичный и смелый в делах коммунист Сейсекенов.

Узнав об этом проекте, Николай Иванович изучил его. Проверил на местности, все, кажется, как надо. Но... послушается ли этих расчетов Ирбисту? Возьмет и не послушается. Степь в этом месте действительно выше уровня реки. А что, если сделать пока временную плотину весной? Высоко ли поднимется вода в пруду? Достаточно ли будет того уровня, чтобы пошла вода в канал?

А перспектива с поливом степи открывалась поистине невиданная. Не раз в думках еще молодого парня Сейсекенова вставала Чуйская степь не галькой и песком, а зеленой долиной, пышным травостоем, с заставами тополей и тала.

Но то была мечта. Желанная, но далекая и несбыточная для тех лет. Теперь в его руках расчеты и схема всей поливной системы. Не обманут? Не подведут?

Как-то в райкоме, в Кош-Агаче, он высказал секретарю свои соображения.

— Мы должны, наконец-то, Михаил Васильевич, что-то предпринимать с этой полупустыней, — сказал он. —

Надо всерьез решать вопрос о будущем нашего хозяйства. Разве не так же мучились с выпасами наши деды и прадеды? А мы ведь ничуть пока не изменили природу этой степи.

Показал проект оросительной системы, свои сомнения выложил. Секретарь райкома Михаил Васильевич Карамаев — сам новосел в Кош-Агаче. Проект заинтересовал его. Он посоветовал вызвать из Барнаула ирригатора.

— Пусть проверит, — сказал он. — Можем дать ему в помощь своего землеустроителя...

Предложение секретаря обрадовало. В тот же вечер Николай Иванович собрал членов правления колхоза, и решение состоялось.

— Этот день, — вспоминает Сейсекенов, улыбаясь, — был для нашего колхоза, пожалуй, историческим. Извечная мечта животноводов сделала первые практические шаги.

Мелиоратор вместе с районным землеустроителем несколько дней бродили по степи. Потом засели за вычисления. Просидели не одну ночь. И вот — заключение:

— Вода пойдет!

Торопились до таяния белков прорыть главную магистраль. День и ночь на степи гудели бульдозеры.

Весной у горных речек паводковая вода небольшая. Взломает ледяной покров, расшвыряет льдины по берегам, пошумит, мутная и яростная, день-два, войдет в берега и затихнет. С волнением ждали в Тархате таяния белков. Коренной воды. Проверили все сооружения.

Наступили жаркие дни июня. Уже порыжела к этому времени степь. Редкие кустики чия поблекли, сникли. Белыми лишаями пятнали степь солончаки. Пополнял Ирбисту. Вот уже и подводные камни скрылись под его мутной волной. На глазах поднималась вода. Все яростней становился бег речушки. Все бурливее и сильнее ее волна. Вот уже мчится по кромке степи, у подошвы гор могучий поток. И вдруг... затих. Пошла кругами по его поверхности грязная пена. Затихла река. Притаилась, будто перед прыжком. Все выше, выше поднимается ее уровень. Уже и берега скоро затопит. Бросится на степь в обход препятствия. Этого и ждали строители. Вот взлетает кверху легкая перемычка, и вода бурно устремляется в сторону по новому руслу.

— Быстро шла... быстро, — вспоминает Сейсекенов. — Мы, как мальчишки, за ней бежали. Поднялась и разлилась по суакам...

Это первая победа тархатинцев, и о ней в тот день узнал весь аймак. Но победа была неполной. Надо задержать воду на степи. То, что она прошла по каналу, потом по суакам — это только зачин большого дела. Надо заставить Ирбисту напоить как можно большую площадь земли.

— А для этого нужно, — говорит Сейсекенов, — чтобы человек сам командовал водой... Значит, необходимы шлюзы. Нынешней весной начнем строить. Будем ли подсевать травы? Конечно. Это наша цель. В этом все дело...

Но покорением Ирбисту не заканчиваются планы тархатинцев. Семь-восемь тысяч гектаров, которые уже нынче отдает Чуйская полупустыня, не исчерпывают их творческих замыслов.

— Мы теперь жадными стали, — улыбается Николай Иванович. — Нам подавай больше. Ведь у нас в год прибывает по нескольку отар овец и коз. А сколько сарлыков? А крупного рогатого скота? Нет, мы уже и сейчас знаем, как заставить работать на нас всю эту Чуйскую степь!

— Как же?

— С помощью самоизливающихся скважин. В плане наших весенних работ четыре скважины. Они оросят нам дополнительно тысяч пять-шесть гектаров... Может быть, мы в конце концов тоже станем хлеборобами? — Он широко улыбается.

— Хлеборобы в Кош-Агаче! — восклицает Чингизов и громко смеется. Минутой позже вполне серьезно говорит: — Когда человек идет в гору, пятиться опасно. Надо идти вперед.

Вот теперь в помощь пришла химия. А у нее большие возможности. Найдет она средство, чтобы заставить полупустыню рожать траву и, может быть, даже злаки. Мечта? Но ведь и вода была раньше мечтой, а мы ее заставили подняться на эту степь. Мечта — это не плохо. Она не дает человеку заплесневеть. Будоражит. Тревожит. Заставляет идти в поиск.

...Кош-Агач... Его переводят по-разному. Одни — «прощай лес», другие — «два дерева от одного корня».

Может быть, правильно и то и другое. А может быть, и оба перевода неточны. Только, покидая эту серую равнину, хочется верить в народную мечту: будет в Кош-Агаче не два, а много деревьев. А вокруг — зелень лугов и пастбищ. А на пастбищах — тучные колхозные стада.

И это будет, это придет, потому что в Кош-Агаче мужественные люди. Они уже заставили вековую мечту свою пойти в творческий поиск.

Над урочищем Быргасту, что раскинулось за Яконуром, у подножия Келейского перевала плывет задумчивая девичья песня. Солнце ушло за перевал, оставив в долине громкий плеск неугомонной Быргасту да девичью песню, которая вплетается в шум волны, в шелест могучих деревьев. И кажется: поет все урочище светлый гимн ушедшему трудовому дню.

Старшая доярка Тойлош Мендешева вышла из легкого пастушьего аила, чтобы встретить коров, которые вот-вот должны прийти на стоянку. Недовольна была сегодня Тойлош настроением молодого пастуха Давида Итушева. Еще утром, до того как погнать коров на пастбище, Давид, недовольно морщась, сказал:

— Положено два пастуха, тетущка Тойлош, на такое стадо? Положено. Почему я должен за двоих работать?

Молодой, а ленивый и, всего хуже, безразличный какой-то.

Могла ли забыть этот утренний разговор Тойлош?

И, заседлав коня, она едет к перевалу, на выпаса. «Надо поговорить с парнем. По душам поговорить», — решает Тойлош.

В лесу, где разбрелись коровы по косогору, сразу заметила его ошибку. В низине, у небольшой горной речушки, хорошая трава, а главное — вода рядом.

— Не бойся воды, Давид, — сказала она. — Сытой корове она только в пользу...

— Но я поил их, — удивился пастух.

— А ты не гони их на косогор. Увидишь, сколько раз они сами пить будут... Не обижайся, Давид. Ты еще молод. И можешь стать хорошим животноводом. Главное, чтобы не потускнели глаза твои раньше времени. Примечай повадки коров и помогай им своей смекалкой.

Промолчал парень, ожидая от старшей доярки упрёка за утренний разговор.

— Я не обижаюсь на тебя, Давид, — сказала спокойно Тойлош. — Правда, на такой гурт два пастуха положено. А где взять второго, когда в колхозе такая горячая пора наступила — и корма нужны, и хлеб созрел. Ты хочешь, чтобы делали мы большое дело без труда? Тогда и дело не в дело... Ты посмотри, Давид, вот на эти две березки. Одна выросла в согре, по колено в воде, другая, вон та, что на скале, изогнулась, из щели между двух камней вытянулась — она, может, воду только дождевую пила. А присмотрись, Давид, которая из них крепче? Август идет, эта, в согре которая, уже трясет желтым листом, да и сердцевина, небось, плесенью, трухой подернулась. А та, которая рада капле воды, красуется своим зеленым нарядом... Нет, Давид, не все бывает хорошо то, что легко дается.

Посмотрел парень на эти березки и про себя удивился: правильно говорит тетушка Тойлош. Смутился. Молчит.

— А вот послушай, Давид. Вспомнилось мне, как я зимовала однажды со своей отарой в урочище Ак-Кайры. Комсомолкой тогда была. Шла война. В колхозе на нас, девчонках, все хозяйство держалось. Овечки — дело с детства знакомое. Но я в то время в полеводческой бригаде больше работала. Признали талант во мне механизатора. И правда, не боялась машин. Быстро их понимала. Наступила зима, а на отарах чабанов не хватало. Вызывает меня парторг и говорит: «Выручай, Тойлош, бери отару. Некому. Сама видишь». А в комсомоле мы так воспитывались: где труднее, туда иди. И не просто иди, а покажи себя.

Тойлош внимательно посмотрела на парня и продолжала:

— Отсчитали мне отару. Помощницу дали — племянницу мою. Девочке двенадцать лет. Пригнали мы отару в Ак-Кайры. Сейчас там большой дом стоит и баня, а тогда избушка небольшая да старая холодная кошара — вот и стоянка. Но мы не испугались. Пасем зимой. Тебе ноем по косогорам. Много буранов и злых морозов пережили с ней... В марте теплые ветры подули. Обрадовались. И вдруг в самый окот повалил снег, да такой, какого в январе не видели. Навалило его в колено.

А сена на зимовке — ни клочка. Кричат овцы, есть просят, а где что взять? Один выход — чистить склоны. Добрались мы до первого склона и давай лопатками орудовать. К обеду небольшую площадку очистили, овец на нее выгнали. И снова чистим. И так изо дня в день почти весь месяц... Машешь лопаткой, а в глазах темно — сами-то одним чаем, считай, питались. Начался окот, а мороз крепчает. Куда ягнят девать? Таскаем их в свою избу. Выжили они нас. Ушли мы с помощницей на улицу, к костру. День на горах — вечером у огня на улице. Вот так было, Давид...

— Ну и как? — взволнованно спросил пастух.

— Отстояли овец. И молодняк сохранили полностью.

Молодой пастух с уважением посмотрел на сухонькую, со строгим взглядом черных глаз женщину, на ее такие же сухие руки в синих вздувшихся прожилках и, может быть, впервые в жизни посмотрел в этот миг со стороны на себя, на свои дела и поступки.

Уехала Тойлош на стоянку, сказав напоследок, будто между прочим:

— Наша бригада с апреля переходящий флажок держит, Давид. Так? Так. По надою наш гурт впереди идет по колхозу. И все знают, Давид, все любопытствуют, издали за твоей работой наблюдают. Ведь от тебя зависят эти надои...

...Вечером смотрит Тойлош в верховье Быргасту, ждет гурт, а в голове осторожная мысль: «Как он, Давид? Задел ли за сердце парня разговор?».

А над долиной вьется, будто жаворонок, девичья песня. Распускает закатное облачко красные косички по всему небу, то заплетая, то расплетая их.

«Хорошо поет Валя, — вслушивается в песню Тойлош. — Наверное, сметали все сено».

А вот и Давид...

Довольная идет Тойлош к месту дойки. А идти ей трудно. В последние дни совсем разболелись ноги. «Неужели дождь снова? — с беспокойством оглядывает узкий горизонт Тойлош. — Мало еще сена поставлено, мало. Недельки б две еще надо, не меньше».

На долину Быргасту ложатся плотные тени. У речушки слышен звон тугих молочных струй о подойники. Не может привыкнуть Тойлош к этому вечернему часу. Всегда он волнует ее. Она обходит гурт, внимательно

осматривает коров, опытным глазом отмечает напор молока.

— Слышишь, тетушка Тойлош, как звенят подошники? — не сдержался молодой пастух, всем своим видом показывая, что и он не безразличен к дойке. Тойлош ласково, понимающе смотрит на парня.

— Слышу, Давид, слышу. — Она одобрительно кивает ему.

Парень сконфуженно улыбается и, кашлянув в кулак, вдруг серьезно добавляет:

— Пусть не заботятся в Яконуре. Раз такое дело с людьми — один справлюсь.

— Я знала, Давид. Ты еще и не с таким делом будешь управляться в жизни. У тебя будут большие дороги. Только знаешь, Давид, я заметила: как бы хорошо ни шагал человек по жизни, он всегда помнит о своей первой дороге. Надо стараться, чтоб она самой яркой была. Тогда легче будет и вперед идти.

— Да, тетушка Тойлош... да, — соглашается пастух. Он доволен, что его правильно поняла старейшая доярка. А это очень важно. Слов на ветер никогда не бросает тетушка Тойлош, и уж, наверное, так и будет, как она сказала. Что ж, он постарается.

Нет, не разучилась находить путь к сердцу людей коммунист Тойлош Мендешева. И от этого самой ей становится радостно.

...Тойлош сидит у костра, вытянув к огню ноги, и вприщур смотрит на пламя. Но далеко видит острый глаз старого животновода. Она заметила сразу же дымок у перевала, это вечерний привет соседа — чабана Кылу Ильина. Хороший растет чабан в колхозе. Старательный, дельный. На виду рос, ничего не может сказать плохого про него Тойлош. На днях сама предложила ему рекомендацию в партию. Знала, все равно спросят ее мнение о чабане. И Кылу знает, что не каждому даст свою рекомендацию Тойлош. Ее доверием можно гордиться.

Дня два назад Кылу приехал в Быргасту поделиться новостью. Это была и впрямь новость: есть, оказывается, такая сыворотка, которая может увеличить в один год вдвое, а то и втрое выход молодняка, СЖК называется. Не было такой сыворотки раньше. Ничего не слышала о ней Тойлош. Но, говорят, в Ябогане лучший чабан Былый Койдоноров собирается применить ее. Бы-

люю можно верить. Умный чабан. Зря слово не даст. А все же, может, сначала съездить к Койдонорову?

Кылу подумал и согласился. Он обязательно побывает у Былыя. Посмотрит на его овец. Поучится, как обращаться с этой сывороткой.

К костру одна за другой подходят молодые доярки. Они весело рапортуют Тойлош об окончании дойки. И хитрые ж девчонки — до этого они не упоминали имени пастуха, а сегодня сначала о нем говорят, а потом о надое. Прячет довольную улыбку Тойлош, ей нравится их безобидная маленькая хитрость. И Давид тут же. Он каждый раз, когда упоминается его имя, опускает глаза, сдвигает к переносице темные брови. И кажется, что он даже повзрослел за этот день. Тойлош понимает его состояние. Так всегда бывает с человеком, когда он почувствует вдруг себя равным членом дружного коллектива.

«Как бы не осуществил свою угрозу секретарь парткома Юстыков, — думает между тем Тойлош, вспоминая его слова: «Не поедешь на курорт — выкраду, как раньше невест воровали!». Она улыбается. Очень некстати это будет... Подойдет время — сама поеду за той самой курортной картой. Ничего, поскрипят еще ноги... подождут».

Ей приходит в голову забавная мысль. Она тут же обращается к девушкам:

— В копнах сено осталось?

— Есть. Еще на целый стог наберется, — быстро говорит Ира Кудачина. — А что?

— Придется поторопиться завтра... К вечеру дождик будет.

Девушки, как одна, поднимают головы кверху — над Быргастинским урочищем мирно сверкают чистые звезды. Из ущелий тянет прохладой. Совсем не похоже, что будет дождь. Такой вечер обычно к сильному инею, а раз иней, то какой же дождь? Девушки вопросительно смотрят на Тойлош. Та загадочно щурит глаза.

— Мой барометр показывает, — она кивает на свои ноги. Все смеются, а Тойлош добавляет: — Видите, как удобно получается. Заранее погоду узнаем. И радио можно не слушать. Точный барометр. А Юстыков грозит испортить нам все дело. Какой уж там будет барометр после курорта... — Она тихо смеется, но ее ни-

кто не поддерживает. Шутка явно не удалась. Чувствуется замешательство. Наконец, самая смелая, Валя Кандырова, посмотрев многозначительно на девчат, говорит с легким укором:

— Не надо барометра, тетушка Тойлош. Мы и без него обойдемся. Правильно говорит Юстыков.

Приятна забота тех, о ком ты сама постоянно думаешь. Теплым ручейком согревает сердце такое внимание коллектива.

— Спасибо, девушки. Я рада за вас. Теперь вижу: выросли вы, по-настоящему выросли.

...Горит костер в урочище Быргасту. Темно становится в долине. Кажется, это лиственницы и ели сбежали со склона и столпились темной массой недалеко от стоянки. И горы сдвинулись, склонили свои вершины в долину. Древние горы, они много помнят. Много тайн прошлого хранят их омытые дождем и ветром угрюмые камни. Помнят они, наверное, и как на стоянке бедняка Мендешева, — давно это было, в канун революции, — родилась дочь. Мальчишку хотел отец, батрачивший в то время у кулаков Белого Ануя и местных баев.

«Что ждет ее? — говорил отец. — Кому нужна дочь бедняка? Плодить с таким же бедняком нищету?» Не знал старый пастух, как обернется жизнь его дочери. А когда сам увидел очистительную грозу Октября, понял: настали новые времена. Только не пришлось ни ему, ни матери дожить до наших дней... Осталась Тойлош одна.

Ты, может, помнишь, Быргасту, черноголовую, быструю, как хайрюзок, девчонку, которая часто заглядывалась в твои струи, напевая беззаботную песню? Она ходила с отарой вместе со своей теткой по твоей долине, по этим склонам гор. Она копала ранней весной кандык и лакомила его вкусным корешком. Цветы собирала и плела венки. Не было звонче голоса в долине твоей, Быргасту, чем голос этой живой девчонки. От кочезья к кочевью несла свою песню Тойлош. В этой песне жила мечта о счастье. Песня с каждым днем мужала, а счастье все не приходило к кочевому аилу Тойлош.

— Хоть песней потешишь свое сердце, Тойлош, — говорила тетка. — А где оно, счастье? Зайсанов прогна-ли, а разве у бедняков от этого богаче стал толкан? Вот снова заняла ячмень у этого черта, у родни Адырхаха

Тышкылова. Бая не стало — его родня осталась. За ячмень шерсть просит.

— Ничего, эде*, потерпим... Скоро будут перемены, эде. Скоро! Вот увидишь! — говорила Тойлош, не решаясь пока рассказывать о том, что услышала вчера от подружки своей по кочевью Селем Ертешевой. Приезжал к ним знакомый почтальон из Козули и привез новость: собирается народ покончить с кочевьем. Одной семьей хотят люди жить, по селам. И хозяйство вести вместе.

— Тогда и мы, девчонки, будем вместе, — сказала Селем. — А то сидим, будто кукушки, каждая в своем ущелье...

Правду говорит или придумала все это Селем? Она может. Но разве такое придумаешь? Нет, такое и самому знаменитому кайчи** не придет в голову.

— Жди, Тойлош, жди. И до нас дойдет это, — шептала Селем. — Только не торопись, жди...

С этого дня все чаще и чаще стали перелетать от стоянки к стоянке удивительные и не совсем понятные новости. Будто и молодежь организуется в какой-то комсомол. Что это такое? А, наверное, интересно, потому что говорят, это первый помощник большевиков. А большевики — это те самые люди, знала Тойлош, которые смело расправились с бандитами, баями, зайсанами. Говорят, большевики и к объединению зовут людей. Вздоражили эти новости урочища. Много пересудов вызывали. Часто на стоянку приезжали соседи. Злые языки разносили слухи, будто колхозы — это обман. Заберут весь скот у доверчивых людей и заставят питаться сусликами. Испугалась этих слухов тетка.

— Ты слышишь, Тойлош? Емуранок заставят есть! — говорила она. Но Тойлош не могла не верить большевикам. Не станут они обманывать народ. Они за него кровью расплачивались во время гражданской войны. И давно уже образ большевика сложился у Тойлош в легендарного героя-богатыря. Втайне она сама сложила песню о таком герое. Он поднялся выше гор, красивый и сильный. Глаза у него, как два солнца, горят. На голове, изогнувшись ярким месяцем, в звездах искрится

* Эде — родная тетка (алт.).

** Кайчи — певец, сказитель (алт.).

шлем. Взмахнул мечом богатырь большевик — летят по ущельям лисьи головы врагов. Поднял вторую руку, опустил ее — и невиданные цветы ярким ковром зацветают по склонам гор и речным долинам. Это цветы новой жизни. Цветы счастья.

— Нет, эде, нет, — горячо говорит Тойлош. — Ты не скажешь, эде, почему пересыхает старая речка в соседнем ущелье? Нет? А я знаю, — Тойлош с загоревшимися глазами смотрит на тетку. — Та речка отдает в знойное лето всю воду ручьям. Отдает и сама худеет, худеет, пока совсем не истощится... Вот почему. Теперь посмотри на нашу Быргасту. Она пробивается из-под земли тоненьким слабым родничком, а вот уже у нашей стоянки сама вороочает камни и убирает их со своего пути. Почему?

Тетка смеется:

— Хитрая ж ты, Тойлош... Да потому, что в нее сотни родничков стекают.

— Вот так и колхоз, эде...

...Это был самый яркий день в жизни Тойлош. С утра в село Яконур съезжались из урочищ люди. Ехали верхами, на таратайках, шли пешком. На широкой площади села, точно базар, вырос большой табор. Кое-кто уже успел разжечь костры. Кипятят чай. Многолюдно, оживленно... Тойлош быстро разыскала свою подружку Селем. Обрадованные, довольные, ходили они по Яконуру в ожидании чего-то необычного.

— Посмотри, Тойлош, сколько здесь солнца, — говорила Селем, и глаза ее счастливо горели. — И мы здесь будем. Мы будем тоже жить тут, Тойлош.

Боевая, смелая Селем уже познакомилась со многими девушками.

— Хочешь, я и тебя познакомлю с ними? — тормозила она Тойлош. — Пошли! Вот Саанчи Токпокова, вот Ерте Батакина, вот Казанчи Тоенова... Знакомьтесь! Знакомьтесь! — звенел задорный голос Селем. Девушки стеснительно закрывали друг перед другом лица, а глаза все же сверкали любопытством и весельем. Все было так необычно и ново!

— Не закрывайтесь! — командовала Селем. — Привыкли прятаться по ущельям. От солнца не спрячешься.

Девушки смеялись и смелее глядели друг на друга.

— Боевая ты, Селем, — сказал несколько дней спу-

ся председатель колхоза, заметив ее неумный характер. — Быть тебе, пожалуй, вожаком в молодежной бригаде.

Но вожаком стала не Селем, а Тойлош. Она первой из подруг пришла в комсомольскую организацию и сказала, что если уж по-новому жить, так она хочет, чтобы во всем по-новому. И если верно, что комсомол — это смена большевикам, то пусть будет, чтобы и она была этой самой сменой.

Откровенные слова молодой пастушки понравились комсомольцам. Да и сами они с первого же знакомства понравились Тойлош. Среди них была молоденькая учительница, парень-избач и еще кто-то из Усть-Кана.

— Ты хорошо, правильно поступила, Тойлош, что пришла к нам, — сказали ей. — А знаешь, каким должен быть комсомолец?

— Он должен быть... сознательным борцом, — несмело сказала Тойлош.

— Да, это так. Но чтобы стать сознательным, надо много учиться, Тойлош. Учиться и работать. Не бояться никаких трудностей. И еще, Тойлош, если потребуется, не пожалеть даже своей жизни. Ты слышала, небось, в горах еще бродят бандитские ватажки? Правда, не долго бродить им. Никто их не поддерживает, и они, как звери, рыскают по темным урочищам в одиночестве. Но ведь всякое может случиться, Тойлош. Ночи у нас бывают темные...

— Я не боюсь темных ночей, — сказала Тойлош и смело посмотрела в глаза ребятам.

Так Тойлош стала комсомолкой. Шел 1931 год. Время было трудное на Алтае. Колхоз делал еще первые, робкие шаги.

Быть впереди. Вести за собой других. Стать примером в труде — такое было первое комсомольское поручение Тойлош.

Когда в колхоз пришла первая косилка и оказалось, что нет людей, умеющих обращаться с ней, Тойлош, присмотревшись к машине, подошла к бригадиру и попросила:

— Дайте мне. Я сумею на ней косить.

Бригадир недоверчиво посмотрел на девушку и усмехнулся:

— Она кусается, Тойлош...

— Меня не укусит. А ну, давай коней.

Ее тон и решимость поколебали бригадира. Он приказал запрячь пару лошадей.

— А за тебя отвечать не придется, Тойлош?

— Не придется, бригадир.

Несколько дней изучала Тойлош косилку. И поехала на покос. Выровняв лошадей, опустила полотно, и... загремела шестеренка, застрекотала в траве пила. Качнувшись, покорно упали метелки полевой тимopheевки, замелькали в глазах Тойлош красные, синие, голубые соцветия цветов, подкошенные в рядки...

Она освоилась с машиной. Разглядела взаимодействие ее частей и удивилась: кто тебя учил, Тойлош, обращаться с косилкой? И тут же решила: «Когда сердце требует быть впереди, когда дело требует твоих рук и смекалки — комсомолец должен найти это все...»

В те годы в Яконурской долине считали, что пахать и сеять — это дело степняков.

«Будем поднимать земли, — сказали колхозники. — На одни дикорастущие травы полагаться не станем, если хотим поднять животноводство».

А животноводство росло с каждым годом. Уже не один десяток стоянок с колхозным скотом появился в горах. Нужна была крепкая и прочная кормовая база. Десятки упряжек вышли в поле в одну из весен. Не хватало плугарей. И Тойлош заявила в правлении:

— Пойду. Буду пахарем...

— Хорошо, — сказали там. — Ты получишь плуг. Учти, Тойлош: если норма в первые дни не получится — не особенно расстраивайся. Земля тяжелая. Да и дело для тебя непривычное.

Но Тойлош пришла не одна. С нею были и ее подружки. Они не отставали от Тойлош, потому что и они стали комсомолками. Им отвели участки, и девушки остались одни в поле. Нелегко идти за плугом, когда он то и дело вылетает из борозды, натывается на камни. К полудню задымили уставшие кони.

— Похоже, не вытянем норму, — сказала, озабоченно поглядывая на поле, Тойлош. — А из комсомольцев на пахоте только мы, девчонки. Узнают про нашу плохую работу — будут смеяться. Надо приналечь.

...Никто не упрекнул комсомолок за весенний сев. Они шли впереди.

Быть впереди...

Это почти всегда трудно. Потому что народ, поднявшийся на новые дела, работает с удвоенной энергией. Быть впереди — значит уметь находить в себе силы и там, где другой бессилён. Так первое комсомольское поручение стало законом всей жизни Тойлош.

Быть впереди...

Когда пришла всенародная беда, взрослые и здоровые мужчины Яконура ушли на фронт. Это были нелегкие дни. Каждый шаг немецкого сапога на восток отдавался болью в сердце Тойлош. Ей хотелось уйти вместе с другими на фронт, но у нее было поручение. И правильно сказал ей как-то секретарь райкома:

— Наш фронт здесь, Тойлош... Он бескровный, но он не менее трудный. Помни, Тойлош, на том и другом фронте победит сильный духом.

Сильный духом... Значит, комсомольское поручение остается в силе. Потому что быть впереди и вести за собой других может только человек, сильный духом.

«Да, — сказала тогда себе Тойлош. — Ты должна стать еще сильнее, чем прежде, и тогда враг почувствует на себе силу и твоего удара. Весь мир увидит, что советского человека не согнуть в беде».

Это были трудные годы. Люди, отказывая себе во всем, работали от зари до зари. Надо было выстоять. Этого требовала победа. А что она придет, не сомневался никто.

Помнит Тойлош. Было это еще в первые годы войны. Лето стояло дождливое и рано выпал снег. Работала она в поле то со своей косилкой, то запрягала коней в грабли и сволакивала в валки ячмень. А когда женщины падали от усталости на солому и тут же засыпали, как убитые, Тойлош брала деревянные трехрожки и делала копны.

— Ты железная, Тойлош, — говорили ей подруги, поражаясь ее выносливости и работоспособности.

— Ничего. Я только помогала вам, — говорила Тойлош. — Видите, снова дождь надвигается...

Подремав с вечера часа два, не больше, Тойлош становилась к барабану молотилки и до самого рассвета не отходила от него. У барабана не задремлешь. Нужно работать быстро и сноровисто. Так за ночь намашется руками Тойлош, что не своими кажутся они наутро. Но,

преодолевая минутную слабость, она снова и снова идет туда, где труднее, где требуется сметка в деле, упорство и настойчивость.

Нет, не споткнулся в своем разбеге родной колхоз, Тойлош. А когда окончилась война, он набрал такие темпы в своем росте, что людям по плечу стали любые задачи. Около пяти тысяч гектаров стали засеивать в Яконуре. Мощный парк комбайнов, автомашин и тракторов имеет теперь колхоз. Более 60 животноводческих стоянок разбросано в его горах. Одних овец за 40 тысяч голов. Отстраиваются дома для животноводов. Образцовыми становятся фермы.

Коммунист Тойлош Мендешева — снова на ответственном участке: она заведует самой крупной молочно-товарной фермой. Вот уже 8 лет ферма ее — одна из лучших. Если подсчитать все молоко, которое сдала Тойлош от своих коров, то, пожалуй, получилась бы речка не меньше, чем Быргасту. А главное, радуется Тойлош: выросли люди в колхозе. Сейчас немало у них прекрасных организаторов из молодежи. И Тойлош не может сказать, что не переняли многие из них хватки первых комсомольцев. И хорошо Тойлош от этого, тепло и радостно на сердце.

Нет, не может пожаловаться Тойлош на свою дорогу. Хорошо шла она от перевала к перевалу.

...Горит в урочище Быргасту костер. Уже скрылся месяц где-то за Келейским перевалом и посерело небо, а он все не тухнет. И его жаркое пламя играет на восторженных лицах молодых доярок.

— Песни идут с Ак-Тала, — говорят в степи Тянис-Тобе.

Может, песня и есть хозяйка высокогорного села? Отчасти так. Но все-таки истинная хозяйка Ак-Тала Афуза Амеренова. Она председатель сельского Совета. Тогда при чем же здесь песня? Вот тут-то мы и свернем чуть-чуть в историю.

...Года три назад Афуза работала в селе библиотекарем. Тот, кто думает, что работа эта спокойная, глубоко ошибается. Уже через месяц черноглазую библиотекаршу знали на всех стоянках колхоза имени Калинина. А их, этих стоянок, летом немало — более пятидесяти. Далеко в степи заметна боевая девчонка. Еще и коня ее не видно, а уже на стоянках выходили встречать. Выходили навстречу песне, с которой не расставалась Афуза. Молодые чабаны, сломя голову, вылетали на дорогу и подстраивались к ее песне.

— Ах, как поет эта самая библиотекарша! — восхищенно прищелкивая языком, говорили старики. — Вместе с книжками она всегда захватывает в дорогу хорошую песню.

Песни и книжки, видно, рядом идут...

А девушка прислушивалась не к тому, что о ней говорят на стоянках, а к песням других. Ведь при ней не хочешь, да запоешь! Вот в одном месте взяла на заметку чабана, в другом... А когда встретилась с Чаймарданом Абугалимовым, с его семьей, устроила тут же на стоянке настоящий концерт. Теперь-то Чаймардана, домбриста и песенника, хорошо знает вся область, а тогда...

— Нет, ты не упрямясь, Чаймардан, — говорила Афуза, — твой голос не только эта степь да отара твоя

должны слушать. Ты будешь гвоздем нашей программы. А не согласишься—пойду в парторганизацию. Ты коммунист. Учти. Ты не хозяин своим талантам. Народ хозяин.

Вот так и действовала Афуза, сколачивая концертную бригаду...

Ну, а потом, когда прошло несколько лет, об этой бригаде, знаете, что сказал на смотре сельской самодеятельности в Новосибирске композитор Мурадели?

— Наконец-то на сцене настоящие сельские исполнители...

Может быть, немножко и не так сказал он, во всяком случае очень доволен остался концертом. Тогда самодеятельники из далекого Ак-Тала и получили дипломы первой степени...

Афуза Амеренова была хорошим общественником. Жители Ак-Тала избрали ее депутатом местного Совета.

Афуза ездила на стоянки. Раздавала книги. Собирала прочитанные. Вела беседы. А когда просили ее спеть что-нибудь, она подсаживалась к костру, и голос ее, чистый и звонкий, как струна домбры, звучал далеко в степи.

Обратила внимание: не раз приходилось подвозить ей мальчишек и девчонок, возвращавшихся из школы на стоянки. Подумала: «Непорядок это. Мало ли что может стрястись в дороге с ребятами». Настояла, чтобы обсудили на сессии вопрос об интернате. Школа растет. Из начальной уже восьмилетней стала. А разве будет хорошей успеваемость, если дети чабанов со стоянок пешком ходят?

— Вот вы, Нугуманов. Человек вы всеми уважаемый в колхозе. Разве вы захотите, чтобы ваш мальчишка позорил отца плохой успеваемостью?

Знала, как найти тропки к сердцам депутатов Афуза!

Чабаны пошли к председателю колхоза, на правлении вопрос поставили. А председателю разве хочется, чтобы дети колхозников неучами оставались. Сейчас в Чуйской степи другое время наступает. Одними легендами да мечтой большому делу не поможешь.

В Ак-Тале открыли интернат. Небольшой пока. Всего на 72 места. Но начинать можно с «пока», а потом видно будет...

Большие дела почти всегда с маленьких начинаются. Вот и в судьбе Афузы так же. Заметил народ, что

мала для деятельности девушки эта ее должность библиотечарши стала. Пусть расправит крылья да взлетит повыше.

Комсомолку Афuzu избрали председателем сельского Совета. Ох, большое это доверие! Еще не было такого в жизни села, чтобы молодая женщина по делам своим мудрым аксакалом стала. Испугало ее на первых порах такое доверие. Что там говорить, старики подозрительно щурились при встрече с ней. Выжидательно приглядывались. Уступит дорогу пожилому человеку или, небрежно кивнув, пройдет мимо, не заметит?

Но напрасно беспокоились аксакалы. Не такая была Афуза, чтобы не почтить старого человека. Не только дорогу — место свое уступит старику. Садись. Беседуй и знай: к твоему слову всегда прислушивается Афуза.

Как-то она собрала одних стариков. Нет, не обойтись ей без седобородых, — торжественно поглядывали они друг на друга.

Афуза повела разговор издали. Она сказала, что приятно видеть молодого человека, который уважает здоровые обычаи народа, почитает и слушается старших.

— Но разве в Ак-Тале нет таких, которые разучились ломать шапку перед старшими по годам?

— Есть, есть такие, Афуза, — загудели старики согласно.

— И такие есть, которые готовы обидеть человека грубым словом или непозволительными выходками.

— И такие есть, Афуза. Позор на нашу голову.

— А чтобы не было этого позора, давайте вместе растить здоровую молодежь. От нас это зависит...

Вот так и случилось как-то само собой, что аксакалы села стали активными помощниками сельского Совета в воспитании молодежи.

— Мы, что же, вроде дружинников теперь? — удивились старики. Но подумав, не нашли в этом ничего обидного для себя. Кому, как не аксакалам, учить хорошему тону молодежь. Кое-кто обиделся. Нашел в этом ущемление стариковского самолюбия. Получилось так, что вроде окрутила вокруг пальца их Афуза. Но разве на плохое позвала она? Вроде бы нет... Ну, отойди в сторону, не помогай. А прибавится от этого почета тебе, нет? Похоже, что нет. Пожалуй, не на что и обижаться.

Только зачем это она всех женщин взбаламутила? Совет какой-то специальный организовала. Что же это, бабья власть что ли наступает?

Было о чем подумать аксакалам, но службу они свою несли исправно. Хулиганство совсем вывелось в селе. За последний год ни одного случая не зарегистрировано.

А все же к этому женскому совету приглядеться надо. Руководит им учительница Бадан Ахтаева. Они всегда вместе — Бадан и Афуза. Можно прийти и присмотреться, чем тот самый бабий совет занимается?

— Пожалуйста, будем рады, — приняли в женсовете стариков.

Сидят несколько молодых и пожилых женщин и занимаются вышивками. Самые, пожалуй, искусные в этом деле женщины.

Хорошее дело! Что скажешь? Ну и Афуза. Вышивать — это хорошо. Только к чему учить этому тех, кто уже давно мастером слывет? Молодых девчонок учить надо.

— Будут. Обязательно будут учиться, — пообещала обходительная Бадан. — Это мы к районной выставке прикладного искусства готовимся.

...Когда в отарах начался массовый окот овец, женсовет переполошил всех женщин села и всю молодежь. В это время каждый человек дорог на стоянке. Не хватает, как всегда, сакманщиков — отары растут, как на опаре. Что ни год, то новые отары прибавляются. За членами женсовета на стоянки вышли даже древние старухи, не говоря уже о девчатах и парнях.

Может отправиться туда же всей стариковской дружиной? Там самая горячая работа...

Не аксакалов, конечно, это дело — ягнятишек принимать...

— А зачем принимать их? — удивилась Афуза. — Совет нужен добрый для молодых сакманщиков.

Нет, совсем не позорное дело — помочь умным советом молодым. Кто, как не аксакал, поможет им в этом?.. Афуза не приказывает. И даже не просит ни о чем. Она высказала общеизвестную истину.

Ну и Афуза... Опять же ничего не скажешь ей против. Вся бы такая росла молодежь в селе, как Афуза. И ничего нет обидного в том, что она платок носит и

длинную косу. Не в косе, похоже, дело. И не в каждой седой голове — ум.

...Хозяйка Ак-Тала. Вот такой она и видится за всеми большими общественными делами и начинаниями в селе.

И песню не потеряла.

— Теперь наши песни законные. Прямо, можно сказать, на исполкоме Совета родятся, — смеются в Ак-Тале.

Сейчас почти в каждой семье есть домбристы и певцы. Концертная бригада — лучшая в Кош-Агаче. И женсовет отличился. Он наладил хорошо медицинское обслуживание не только села, но и всех стоянок. Настоял, чтобы в селе в этом году была своя общественная баня. Хороший клуб... А на выставке прикладного искусства искусницы Ак-Тала получили первую премию.

И за всем этим видится умелая, умная рука Афузы.

— Вот такая она, наша Афуза, — говорят с почтением жители Ак-Тала.

Борис Борбуев — беспокойный человек. Невысокого роста, широкий в плечах, он весь — движение. Хотелось Борису ветра. Стремительного полета. Ведь Тархатинская степь — само раздолье. Зовет. Манит. Не раз грезился парню быстроногий аргымак. А в седле — он, Борис Борбуев, смелый, решительный табунщик. А сзади — вихри. По бокам — ветры гудящие, как телеграфный провод. В лицо — жесткая грива коня...

Пожалуй, неплохим табунщиком мог быть Борис. Неужели в колхозе не понимают его мечты?

Осенью вызывает его председатель колхоза Сейсекенов и говорит:

— Вот что, Борис, ты комсомолец. Нам очень нужны боевые парни на один ответственный участок...

Кажется, мечта сбывается. Сейчас Николай Иванович скажет: «Садись-ка, Борис, на доброго коня и принимай табун лошадей». Но Сейсекенов сказал неожиданно такое, от чего у Бориса даже уши покраснели.

— Будешь караванщиком, Борис. Предстоит суровая зима, забот будет много. Сильные нужны люди. Слабым не по плечу.

Вот тебе и мечты. Быстроногий конь! Верблюд... Борис на одно только мгновение представил себя сидящим на этом «корабле пустыни» и чуть не заплакал от досады и обиды.

— Николай Иванович... — выдавил он и умоляюще посмотрел на председателя.

Сейсекенов понял его, улыбнулся.

— Дело прежде всего, Борис. Ты будешь первым гостем на стоянке. Понял? От твоего каравана будет многое зависеть — я это предвижу.

Все это, конечно, так. Но... верблюды — не аргымак. И караван — не табун резвых лошадей.

В тот же вечер Борис встретился с караванщиком Актышканом Тынтышевым. Актышкан уже не первый год ходил за верблюдами.

— Тебя не мутит от них, Актышкан? — спросил Борис. Тот обиделся.

— Я думал, ты поумней, парень. Я сам уговорю Сейсекенова, чтоб не давал мне такого помощника. Ты лихой, видно, в клубе, на танцах. А караван нужно водить с умом...

Похоже, Актышкан умел задеть за больное. Борис взорвался.

— Ну, посмотрим, кто лучше знает пастушьи тропы...

Это было в начале октября. Чабаны начали перекочевывать на зимние стоянки. Караван из десяти верблюдов теперь был ежедневно в пути. Неприхотливые и, что важно, совсем, кажется, не знающие устали верблюды шагали от одной стоянки к другой, перевоза на себе пастуший скерб. Шагали не торопясь, пересекая степь с одного конца в другой, сутками не припадая к чию и карагане.

Наблюдая за повадками этих удивительных животных, молодой караванщик проникался к ним все большим уважением: «Сила!»

...В декабре выпал снег. Степь стала непривычно белой. Замело тропы. А в предгорье и верховьях Тархатинского хребта сорвались неведь откуда бураны. Свиные ветры на сорокаградусном морозе день и ночь полосовали пастбища, переметая лога и горные долины. На стоянках сразу же почувствовался недостаток топлива и кормов. С большим трудом пробивались в горы машины. Не выдержав перегрузки, одна за другой выходят они из строя. Положение становится угрожающим. Колхоз бросает весь транспорт на стоянки. Но глубокий твердый снег путает расчеты и планы.

Вот уже месяц крутятся снежные вихри над Тархатинским хребтом. Десятки стоянок, сотни гектаров зимних пастбищ оказались под снегом.

— Выручайте, — сказал Борису секретарь партбюро Меерманов. — Бураны в горах отрезали пути даже тракторам.

...Была ночь. Гудел на степи ветер, бил в лицо, ослеп-

лял, бросал под ноги охапки жесткого, как песок, снега. Без дорог и троп идет караван. Это уже второй рейс за короткий зимний день. Сначала караванщики побывали на ближайшей стоянке. Теперь путь дальний. Ночь застала в дороге. Где-то там, в горах, стоянка Курдяповых. А гор совсем не видно. Мутная, едва различимая сквозь пургу гряда маячит где-то впереди. Караван ведет старый вожак — высокий с побелевшей лохматой гривой верблюдов. Держась за эту гриву, шагает по снегу рядом молодой караванщик, комсомолец Борис Борбуев. Где-то сзади, покрикивая на животных, а больше для того, чтобы немного взбодрить себя, шагает Актышкан. Вокруг — ни души. Вокруг — шалый ветер взметает острый колючий снег. Борис закрывается от него рукавом. Тогда снег бьет снизу. Презрительно урча, иногда мотая маленькой головой, вожак не сбавляет ровного степенного шага.

«Как он угадывает направление? — с удивлением думает о нем Борбуев. — Идет, не оглядываясь, вперед и вперед... Чертова прорва, — злится он на буран. — Видно же было, когда грузились. А как было поступить? Ждать утра? А там, на стоянке, ослабевшие овцы. Там, небось, засмотрелись на дорогу. Нет, Борис, ты лучше думай о том, как будут рады каравану чабаны... А вдруг — заблудимся?»

Идет по буранной степи караван. Идет почти всю ночь. Когда же стало отбеливать на востоке, на караван вдруг двинулись горы.

Борис ласково похлопал вожака.

— Молодец, честное слово. Кто тебя придумал, такого умного!

Ветры свернулись у ног. Караван втягивался в ущелье.

РАССКАЗЫ

Как часто бывает в горах, буря сорвалась невесть откуда. Тугой ветер прошелся по каменному ущелью, в котором плескалась Катунь, взъерошил воду, метнулся вверх, потрепал кустарник на берегу, потом кинулся в долину и пошел гулять в траве, срывая охапки давно высохших, распушенных цветов. В воздух взметнулись былинки, пыль, сухие листья деревьев. Зашумела, взбурлила Катунь, шарахнулась в каменные щеки берегов одичавшей волной.

Когда доярки, побросав грабли и вилы, подбежали к берегу, чтобы спасти лодку — было уже поздно. На виду у них под старую лодку, будто хищник, подобралась волна, подбросила ее кверху и швырнула на каменный торос... Лодка, вздыбясь, упала со всего размаха плоским днищем на острый камень, замерла на какой-то миг и с треском развалилась. На бечевке осталось несколько ребер каркаса да перебитый киль. Доярки ахнули и, всплеснув руками, с тревогой посмотрели на противоположный берег. А там уже из ближайшего ущелья к месту дойки одна за другой выходили коровы. Шли они не торопясь, по пути прихватывая траву. Некоторые останавливались, мычали, вызывая доярок.

— Моя... Это она, Красуля, — проговорила молоденькая доярка, подвязывая торопливо платок на голове. — Она не может лишней минуты ждать. Ведерница ведь... Ведерница. А соски слабые... Что же делать? Что теперь будет, а? — Она испуганно оглядела подруг. — И хоть бы бревешко какое пришибло!

— С ума сошла, Нюрка, — осуждающе сказала одна из девчат. — В такую-то волну!

— Так ведь солнце закатилось уже! — воскликнула Нюра.

— Ну и темнеет, что ж теперь? Пусть животновод икру помечет, — с нескрываемым озлоблением сказала та же доярка. — Ему надои подай да корма, а сам, небось, ни разу не подумал, на чем это переплавляются каждый день на покос доярки? Ведь на гнилушке плавали. Как еще не затонули. Прихватило б вот так на реке и все, отработались... Так и надо этому чертову корыту! — Она с ожесточением сплюнула и, прихватив ведро, уже беззаботно добавила: — Ягодничать будем. Смотрите, малины сколько!

— А как же дойка? — тихо проговорила Нюра, нервно теребя передник. — Ты, Валя, зря про эти ягоды. Может... на мост, а? — несмело предложила она и посмотрела вверх по реке. Там, где-то за перевалом, должен быть мост.

— Десять верст по этому берегу да десять по тому. Когда придешь к стану? — возразила Валя.

Девушки опустились на траву, прижались друг к другу и пригорюнились. Коровы на противоположном берегу надсадно мычали.

Вот подскочил верховой.

— Липатыч! — узнали в нем пастуха дойного гурта девушки.

Они вскочили, замахали руками, стали кричать. Заметил. Снял кепку, помахал ею, что-то в ответ крикнул. Да разве разберешь в такую бурю! Девушки сбежали под яр, к лодке подошли, стали показывать ему: вот такое дело, мол, стряслось, как быть? Тот понял. Почесал затылок и развел руками. А коровы выстроились по берегу, как на смотру.

— Ах, сердце мое разрывается, девчонки! — сквозь слезы произнесла Нюра. — Погробим коров! Сколько труда было. Сколько усилий!

Нюра не выдержала, сорвала с головы платок, уткнулась в него. Девушки стали уговаривать ее. Нюра неожиданно успокоилась. Вытерла лицо, встала и решительно произнесла:

— Нечего хныкать. Пошли вкружную на мост. Всю ночь будем идти, а придем!

К месту дойки подошел молоковоз. Новенькая автомашина подрулила к самому берегу, лихо развернулась и сбросила газ. Из кабинки вывалился вихрастый паренек.

— Федька-зубоскал... — сердито произнесла Нюра. — Уже за молоком пригазовал. Форсун несчастный.

Федор любил одеваться аккуратно. Даже на работе всегда был при галстуке. Приезжая к гурту за молоком, он ходил на цыпочках среди коровьих шлепков, чтобы не запачкать начищенные ботинки. Над доярками всегда подтрунивал:

— Зря вы гоношитесь: не догнать вам второго гурта. Там надой так надой. А у вас что? Так себе. То Липатыч травы не находит подходящей, то соли нехватка, то водопой дрянный... А доярки какие? Иная сосков у коровы не найдет.

Вот и сегодня Нюре показалось, будто увидела она его насмешливую улыбку. «Ну конечно, это же первый гурт. У них все не славу богу», — говорила ей эта улыбка.

Нюра погрозила Федору кулаком.

— Пошли! — махнула девчатам.

Они отыскиали тропку и зашагали по ней. Одна из девчат сказала:

— Была бы с той стороны дорога на мост — мог бы и Федька навстречу выехать. А то ведь завалы, ущелье. Выезжать на тракт — значит возвращаться в село и кругом километров сто не меньше. Эх, мехдойки нет...

— Пройдем. Не сломаемся, — сказала в ответ Нюра. — Выдюжим. Ничего нам не сделается, девчонки. А про мехдойку ты правильно говоришь, Стеша... Хоть и поздно придем, а все равно успели бы подоить. Все это Маркелов тянет. Вот теперь возьмется за голову.

А в это время на другом берегу Катуня шло экстренное совещание двух кровно заинтересованных в надое лиц: шофера и пастуха.

— Вот отчебучили номер, а? — насмешливо фыркнул Федор. — Весь удой насмарку! Ну и дела! Скажи, нет?

— Дак вот, — сказал Липатыч, хмуро посасывая самокрутку.

Помолчали. Федор нервно попыхал папироской и, бросив ее, встал.

— Ну, видно, ждать тут — пропащее дело. Поеду. — Он взялся за ручку дверцы.

— Ты это того, Федор, — остановил его Липатыч, — повременил бы чуток, а?

— А чего ждать-то? Концерта не слышал? — выкрикнул Федор, кивая в сторону мычащих коров.

— Прямо не знаю, что бы такое скумекать-то... Девки в обход поперлись. Видел? — сокрушенно проговорил Липатыч.

Федор открыл дверцу кабины и плюхнулся на сиденье. Он посидел, нервно покусывая губы, соображая что-то, потом вскинул голову, быстро спустил стекло и крикнул Липатычу в самое ухо:

— А что, если поагитировать девчат из второго гурта, а?

Липатыч, будто кто ужалил его, затряс головой, замахал руками:

— Да ты что? Нет, брат. Сраму на весь колхоз не оберешься. Засмеют!

— Ишь, какие обидчивые! — усмехнулся Федор. — Что же делать-то?

Он вылез из машины, крепко стукнул с досады дверцей и пошел к берегу. Ветер стихал. Но Катунь по-прежнему бесновалась в крутых скалистых берегах. К нему подошла корова и рогом легонько боднула в спину.

— Ну, ты, холера! — отскочил в сторону Федька. — Своих не признаешь?

Корова шагнула за ним.

— Вот ведь чертовка какая!

— Красуля, — дрогнувшим голосом произнес Липатыч. — Требуется... Видишь, молоко теряет, — он указал на траву. — Знатная корова. Не животное, а прямо молочный завод, — вздохнул Липатыч.

— Завод, завод! — вскипел вдруг Федька и сорвал с себя пиджак. — Давай халат, где у вас подойник? Что ж мы, звери что ли? Вишь, как мучаются коровы... И сам давай... Сам включайся!

Липатыч крикнул, хлопнул Федора по плечу, хотел сказать что-то ласковое, благодарное парню, да не нашел подходящих слов, махнул рукой и бросился к шалашу.

— Ладно уж... ладно, — бормотал Федор, засучивая рукава и с сожалением поглядывая на свои начищенные ботинки. — Только ты, слышь, Липатыч, никому! Ни одной душе об этом, а то узнают — прохода не дадут!

— Могила! — стукнул себя в грудь старик.—Ни звука! Разве я не понимаю!..

— Ну вот так, — успокоился Федор и подошел к Красуле. — Сейчас, брат, я тебя в два счета обработаю. — Он подсел к вымени и взялся за соски. Но Красуля сердито обнюхала его, фыркнула и резко ударила ногой. Федор пошатнулся.

— От черт! — озлился он. Перед ним выросло приведение в белом.

— Липатыч! Сопротивляются дьяволы. Как шарахнет!..

— Возьми халат. Это Нюркин... Примет!

Федька неуверенно взял халат.

— И ломтик хлеба возьми. Подсласти. Приучена.

Федор подошел к корове.

— Тпрутя! Тпрутя! — приговаривал он. Потрепал пошее и подал кусок хлеба. Потом не совсем уверенно сел под бок и, настороженно поглядывая на задние ноги, начал дойку. Где-то рядом ударили тугие струи молока о звонкий подойник. «Липатыч примостился», — подумал Федор.

А у него первые струи упали на траву, обрызгали колени.

— Нет, так не пойдет... — Федор отставил подойник, морщась с досады, отряхнул брюки и пошел к машине. Включил свет.

— Ты что? — забеспокоился Липатыч.

— В землю-то хоть сколько дой, — откликнулся Федор, возвращаясь к Красуле. — Вот теперь порядочек!

Пока он выдаивал Красулю, его окружило несколько коров. «Видно, все они Нюркины», — подумал он и стал торопиться. Но уже вскоре у него стали неметь пальцы. «Вот ведь еще, черт возьми, — подумал Федор. — А как же она? — вспомнил о Нюре, с опаской поглядывая на окружавших его коров. — В день три раза... Шутка сказать!»

Подойник быстро наполнялся, а вымя, кажется, совсем не опадало. «Вот если каждая даст по столько, — поежился он, — когда их выдоишь?» Ему показалось, что сидит под коровой уже несколько часов. Немела спина, шея, все больше становились непослушными пальцы. Наконец молоко шапкой, будто вскипая, поднялось вровень с краями подойника.

— Флягу! Где фляга? — крикнул Федор, разгибаясь.

— Ох, спина моя, спинушка! — пропищал где-то рядом Липатыч. — Да там же, у шалаша...

— Ладно. Я сам. Ведро бы вот не опрокинули. Видал? Полнехонько! И еще есть! Это, я тебе скажу, корова!

— А я что тебе говорил! — откликнулся старик. — Замотают они нас с тобой, ведерницы-то.

— Ну да, замотают! — усмехнулся Федор и бодро направился к шалашу. За ним потянулась часть коров. «За Нюрку меня принимают, — подумал Федор и усмехнулся: — Доярка!»

После Красули, чтобы ускорить дело, Федор подсел к первой подвернувшейся под руку корове, но та шумно фыркнула, отошла прочь. Федор стал преследовать ее, наконец, плюнул и сел под другую корову, та недобро покосилась, но он не заметил этого и потянул за соски, приговаривая:

— Тпрутя, тпрутя!

Корова резко обернулась и устремилась на него, нагнув голову. Федор увернулся и схватил ее за рога.

— Вот ведь чертова кукла! К ней с добром, а она как личного врага встречает. Липатыч! — закричал он. — Липатыч!

— Иду-у!

Пришел старик. Тяжело дыша, сказал:

— Так это же не Нюркины! Понял? Я тебе покажу... Вот пестрая Жданка. Дой, пожалуйста. А эти вот Валькины. Эта Стешки вот, комолая.

— Да что же, перед каждой и меняй халаты? — прозрел Федор.

— А ты думал как? В Нюркином халате — ее коров дой, в Валькином — Валькиных... А то как же? Корова, она не привычна к анархии. Эх, покурить бы! — вздохнул Липатыч. — Да ведь разоблачит нас табачный дух-то.

— Давай уж терпеть будем, — согласился Федор. — Как у тебя пальцы?

— Да как деревянные... Смотри, кто сюда скачет? — он указал в сторону дороги.

— Кто-то едет, — вглядываясь в темноту, произнес Федор. — Иноходец... Чей?

— Иноходец, говоришь? Так это животновод Маркелов.

— Точно.

Всадник подъехал к берегу.

— Эй, кто есть? — раздался зычный голос. — Почему с молоком заминка?

К нему подошли Федор и Липатыч.

— В чем дело? К чему этот маскарад?

Липатыч рассказал о создавшемся положении в гурте. Животновода озадачило его сообщение.

— Так что, товарищ Маркелов, вызываю тебя на соревнование, — предложил Федор и, повернувшись к Липатычу, добавил в категорической форме: — Неси халат. Любой. Стешкин или Валюхин. Давай!

Липатыч выжидательно потоптался на месте.

— Иди, иди, — приказал Федор. — Мне ведь, товарищ Маркелов, тоже не положено заниматься дойкой, но, учитывая катастрофическое положение с молоком, которое может «пригореть» у коров, дою. Вот уж третью флягу наполняю.

— Нда, — замылся животновод и нехотя слез с коня. — Погубить стадо можно так-то...

— Запросто! — поддержал Федор.

— А у меня как на грех, на правой руке, сам знаешь, две култышки вместо пальцев-то...

— Кулаком. Кулаком, товарищ Маркелов. Сам же учил девчонок! — подсказал Липатыч, подавая ему халат. — Кулаком еще способней... Халат-то вроде бы Стешкин. Маловат будет, да сойдет. А коровок ее покажу... Вот она первая, комолая, потом Незабудка есть, бусая такая, Королева, Дочка есть...

— Ну, ну, хватит тебе, — буркнул недовольно животновод, но халат принял.

— В нашем полку прибыло! — весело сказал Федор. — За работу, товарищи!

Маркелов молча взялся за подойник. Федора он знал, как заправского оратора на собраниях, смелого критика. И сейчас в его команде ничего обидного не узрел. «Откажись — на первом же заседании правления разложит на лопатки, как пить дать. Бюрократом обзовет да еще и высмеет за слабое руководство», — подумал он.

...Последний перевал девушки перешли, когда уже со-

всем рассвело. Велика ли ночь в июле! Они спустились в долину, прошли лесок и вот он — гурт. Но что это? На берегу по-прежнему стоит молоковоз, а в стаде, между коровами, мелькают люди в белых халатах.

— Мужики! Ей-богу мужики! — воскликнула Нюра.— Смотри вон тот, длинный, костлявый, вроде на Липатыча смахивает!

Девушки с хохотом бросились бегом к стоянке.

Когда Федор залезал в кабину, чтобы ехать со стоянки, Нюра крикнула:

— Ну как, Федя, нашел коровьи соски? А галстук не запачкал?

— У, язва, — огрызнулся шофер.

— Я же тебе спасибо хочу сказать.

А животновод Маркелов в это время говорил:

— Будет у вас мехдойка, девоньки. Будет, говорю еще раз. Ведь это ж черт знает что такое! В наш-то век...

Дни стояли над Чуйской степью белесые, звонкие. По всей долине от урочища Кара-Су до деревни перебивались в солнечных лучах льдинки, припаянные легким морозцем к многочисленным вмятинам от подков и копыт. От этого блеска было весело и светло на душе Магузума Асанова. Высокий худощавый старик сидел в седле молодо, свободно. В глубоких морщинах, исполосовавших его загорелое темное лицо вдоль и поперек, светлело что-то безмятежное, праздничное. Иногда старый чабан восклицал, широко размахивая тяжелыми большими руками:

— Вот так, Джолтой. И не спорь. Я знаю, что делаю...

Он щурил глаза. Улыбался. В этот день молодость попросилась с ним в дорогу. И вот сейчас, шагая где-то рядом, она придерживала его стремяна, подзадоривала старика, напевая давно забытые песни юности. И он бодро выпрямлялся в седле, что-то мурлыкал в реденькие жесткие усы, беспричинно смеялся.

Въезжая в родное село, по-хозяйски посмотрел окрест. О чем-то вспомнив вдруг, осадил коня у старого куста караганы. Тонкие, жесткие прутья ее росли кучно, от одного корня. Сотни раз обглоданный козами, этот куст неумоимо запускал каждую весну в рост новые прутья.

Вот и тогда, кажется, в тот самый май, когда Магузум впервые понял, что Джолтой — та самая девушка, которую он не раз видел в своих мечтах, карагана была такой же низенькой, живучей, сильной. Преодолевая робость, он схватился рукой за колючую ветвь и тут же, засмеявшись, отдернул ее. Смех и решил судьбу Джолтой. Вспомнив сейчас об этом, Магузум улыбнулся и вдруг явственно ощутил колючки караганы в ладони.

Он почесал ее, засмеялся и, отъезжая, повернул коня к сельской чайной.

— Ах, аксакал... Ты, балам, что ли? — весело проговорил вполголоса старик и бодро соскочил с коня. Взойдя на крыльцо, обернулся, посмотрел на старую карагану. Потом поднял к лицу широкую, загрубелую ладонь, удивленно качнул головой.

— Разве такое бывает? Будто сейчас впились те колючки... а?

Его встретила молоденькая девушка в чистом белом фартучке. Она приветливо усадила Магузума за низенький столик и бойко отрапортовала:

— Есть сибирские пельмени, баранина, азу по-татарски, чай...

— Э-те-те-те! — прервал ее старик, подняв руку. — Ты, дочка, не с того конца читаешь. — Он засмеялся. — Ты давай с того, где написано про... — Он выразительно прищелкнул пальцами. — Разве не можешь? Или грамотой слаба?

Девушка фыркнула в фартучек, озорно сверкнула глазами.

— Могу. Пожалуйста...

...Магузум сквозь зубы потягивал вино и, причмокивая расколотыми на ветру губами, побрякивал. То ли от удовольствия, то ли от того весеннего настроения, который заколобродил в душе старика с самого утра да так и не может остановиться в нем. Ему нужно было говорить. И он, щурясь на окно, говорил. Медленно, не торопясь.

— Сына моего знаешь, Хазбулата?

— Знаю, как же, — сказала девушка и с интересом посмотрела на старика. — Вместе учились.

— А ты чья дочка-то?

— Берсимбаева. Знаете?

— Еще бы не знать! Где он сейчас стоит с отарой?

— В Кара-Кеме.

— Все там же, — усмехнулся старик. — Конь к седлу привыкает, человек — к месту. — Он помолчал. Налил еще вина. — Выпьешь? Угощаю.

— Что вы? — замахала руками девушка. — Нам не положено.

— И правильно, — согласился Магузум. — Не привыкай. А я выпью. У меня сегодня хороший день. — Ста-

рик провел широкой ладонью по лицу. — Хазбулат, понимаешь, отару принял... — Он бросил выжидательный взгляд на девушку. Помолчал. Девушка понимающе кивнула ему и приветливо улыбнулась.

— Такое вот дело. Теперь он человек самостоятельный... Пойду в магазин. Куплю ему бинокль. Пусть вооружается честь по чести, как положено настоящему чабану.

И уже встав из-за стола, доверительно:

— Джолтой тоже... вроде именинница. Пятьдесят лет, как живем с ней душа в душу. Юбилей, вроде. Ты бы помогла мне, дочка, платье выбрать. Да хорошее. Весеннее. А?

— Платья привезли. Модные есть, — сказала девушка.

— Ну пусть модное. Не весеннее, а модное. Только красивое, чтоб к лицу...

С подарками выехал уже под вечер. Встретил знакомого старика. Слез с коня, поздоровался за руку и, залезая сразу же в седло, сказал:

— Бинокль взял. Дорогой, собака. Кусается! Но надо... сын, понимаешь, у меня отару принял.

— Богат ты, Магузум. Сын последний уже на самостоятельную ногу встал. Это хорошо. Что жалеть денег, — мудро покачал сединой аксакал.

— Я тоже так думаю. И еще, понимаешь, Джолтой... — он свесился с седла и тихо добавил: — Юбилейная сегодня — пятьдесят лет вместе. Как не отметить? Вот и ей платье купил, — Магузум похлопал по кожаному арчимаку. — Тут лежит. Совсем как весна...

— Хорошее дело сделал, Магузум, — подтвердил старик и, пощипывая бородку, весело подмигнул: — Когда весна рядом — сколько годов с плеч... Не правда ли?

Магузум улыбнулся аксакалу и тронул коня.

Проезжая мимо колхозной конторы, он увидел в раскрытом окне кабинета секретаря парткома Чичимбаева. Решил зайти. За большим столом, покрытым зеленым сукном, сидело несколько человек. В одном из них признал председателя аймакисполкома. Грузный, высокий, председатель приподнялся из-за стола и весело кивнул Магузуму. Старик оглянулся: Чичимбаев, председатель колхоза Карыпов, члены правления... Все

свои люди. Близкие. Он обошел вокруг стола, поздоровался с каждым за руку, сел на краешек скамейки.

— А у меня, понимаешь, такой сегодня день... — несколько смущенно заговорил он.

— Знаем, — сказал председатель аймакисполкома. — Мяса нажарил?

— Мяса? — не понял Магузум.

— Ну да, конечно. Как же народ-то будешь встречать? — подхватил Чичимбаев. — Смотри, какие подарки заготовили всей твоей семье!

И тут только заметил на столе Магузум несколько больших свертков... Обвел взглядом улыбающихся людей и все понял. Он растроганно отвел глаза в сторону и увидел в окно на противоположной стороне улицы потрепанный куст караганы. Она тотчас ужалила его в ладонь. Магузум поднял ладонь к лицу и, поцарапав ее, невпопад произнес:

— Такой день у нас с Джолтой выдался... А гостям — почетное место в юрте.

Все засмеялись и стали поздравлять его. В глазах Магузума что-то защекотало, и сквозь туман ему показалось, будто карагана тоже протягивает ему свои колючие ветки и он готов схватить их обеими руками...

Весна... Та, далекая... Она была сегодня совсем, совсем рядом...

Мы устроились на ночевку на самой вершине Кырлыка. Огромная клювообразная гора нависла над Шаргайтинской долиной. Будто хищник, выросший до сказочных размеров, просматривала она все ущелье, подкарауливая кого-то. Внизу, искрясь на камнях, катила свои бурные воды шумная беспокойная Шаргайта. Речку эту, с виду неширокую, мы с трудом перешли вброд. Вся долина вверх по реке была покрыта зеленым кустарником, а склоны были открыты для трав, которые и росли буйно, взбираясь все выше и выше.

Пока Маныкы Туткушев, высокий и сухой старик с желтым, как воск, лицом, собирал хворост и раздувал костер, мой спутник по охоте Павел Петрович Никитин, освободившись от ягдташа и тяжелого пояса с патронами, успел обстрогать палку и воткнуть ее у костра, перегнув слегка через толстую колодину, сучком к огню. Вскоре на этом сучке заклокотал медный котелок.

Мы пили горячий душистый чай и восхищенно поглядывали в долину.

— Что это движется там белоснежное? — спросил Никитин, указывая на вершину ущелья.

— Кажется, овцы, — сказал я и посмотрел на Маныкы, который, прищурясь, цедил вкусный чай из красной деревянной чашки.

— Овцы, — кивнул он лысой головой.

— А вон еще и еще! — вскричал мой товарищ.

— Смотри, как красиво, будто снежный обвал сорвался сверху!

И на самом деле: овцы вдруг развернулись в широкую живую лавину, затопив весь косогор.

— Куда ж они?

— Там есть дом и кошара, — сказал Маныкы, продолжая пить чай.

— Верно! — воскликнул Павел Петрович. — Смотрите! Вон, вон крыша!

За густыми зарослями кустарника красноватым блеском лоснилась новая крыша.

— Кто ж тут живет? — спросил я у старика.

— Тут две семьи... Это их отары. Новая порода, шаргайтинская... Премию получили большую, Государственную...

— Лауреаты Государственной премии в Шаргайтинской долине? — Мы посмотрели друг на друга.

— Я расскажу, — пообещал нам старый охотник. — Хорошие люди. Настоящие...

Вот о чем рассказал нам Маныкы Туткушев.

1

Десятки лет в этой долине кочевали вместе две семьи: Ялатовы и Ачубаевы. Бывало так: если Ялатов вел свою отару со стороны тракта, Барлай Ачубаев спешил ему навстречу. Если же Барлай сворачивал от большой дороги и шел в глубь долины, Санаш мечтал о той минуте, когда они у одного костра выкурят свои трубки. Иной раз даже словом не обмолвятся старики. Посидят часок-другой, подымят — и снова на коней... Отрадно видеть отару друга здоровой, сытой и резвой, а самого его спокойным и довольным.

Незадолго до войны вызвали их как-то под осень в облисполком. Там проходило большое совещание животноводов. Во время перерыва зоотехник Майя подошла к отцу и взяла его под руку. Санаш заметил необычные блески в черных глазах дочери.

— Отец, вы, лучшие чабаны области, должны поддержать мое выступление. Сейчас я с докладом выступаю...

— Ты... доклад? — удивился старик. — О чем же ты говорить будешь, дочь?

Санаш знал, что такие блески в ее глазах горят в минуты, когда Майя чем-то очень взволнована, когда она о чем-то серьезно думает.

— Я приведу убийственные цифры, отец. — Майя нервно теребила тяжелую косу.

— У нас, кажется, нет убийственных цифр... Слышала, опять похвалил председатель?

— Да, но цифры такие есть, отец.

Санаш в упор посмотрел на дочь.

— Есть, есть, отец... И у тебя... и у Барлая.

Перед Санашем пронеслось тяжелое воспоминание. Как-то у него в отаре окотилось ночью пять старых овец. Ягнята были растоптаны, а самих маток едва отходил Санаш. Не доглядел суягных, не отбил их вовремя от отары. Об этом знала только Майя. Впервые за многие годы работы случилось это у Санаша. План был все равно перевыполнен за счет двойняшек, сам Санаш из дополнительной оплаты оставил в отаре пять ярок. Убытка не понес колхоз. Конечно, для старого чабана этот случай очень неприятен. Неужели о нем хочет сказать Майя?!

— Ты хочешь позора на мою голову? — оглядываясь, прошептал Санаш.

— Тут позора нет... А виноваты мы все.

— Как язык у тебя повернется? — Не на шутку испугался старик. Майя засмеялась.

Когда она пошла к трибуне, Санаш остался у буфета, чтобы не идти в президиум: ему было страшно слышать убийственные цифры на виду у всех. Никогда еще область не видела его в списке плохих чабанов.

— Вот тут, с этой трибуны, ежегодно называют лучших чабанов, — сказала Майя, отыскивая глазами отца, — Ялатова, Ачубаева, Байрамова, Туткушева... Это правильно: они хорошие чабаны. Но посмотрите, что за овечки в их отаре. Много ли дают они шерсти и мяса? Очень, очень мало. Вот, к примеру, отец... Самая лучшая овца в его отаре дает не более одного килограмма шерсти, а весит — один пуд с головой и рогами. Это убийственные цифры, товарищи!

Санаш не верил, что с овцы можно настричь больше шерсти, не верил в новую породу. Завозили на Алтай чистопородных овец. А что проку? Не выживали. Может, не умели ухаживать за ними? И все-таки не следует охаивать известную сотни лет, крепкую и выносливую простую сибирскую овечку.

В перерыв к Майе нельзя было протиснуться — ее окружила молодежь, засыпала вопросами, советами. Невысокая, стройная, с худенькими плечиками и коричневым отливом на щеках, с красиво вздыбленными черными бровями, стояла Майя в самой кипени и, смеясь,

что-то сразу всем отвечала. Увидев отца с Барлаем, она подошла к ним.

— Слыхал, как прокатила старых? — мигнул Санаш другу.

— Она права, — сказал Мурат, сын Барлая, — такая новая порода будет на Алтае. И мягкую дорожную шерсть давать будет, я знаю.

Мурат стоял перед стариками, как молодой горячий кобчик, — решительный, с гордо приподнятым крутым коротким носом и сверкающими карими глазами.

— Ой-ой! — отмахнулся Санаш. — Не горячись вперед старых. Посмотрим...

— Спасибо, Мурат, хоть ты меня поддержал, — сказала Майя, обмахиваясь платком.

— Теперь, поди, и премии не дадут? — то ли в шутку, то ли всерьез сказал Барлай, теребя черную бороду и хитро щурясь.

— Будут введены новые показатели, — ответила Майя.

— Какие же, дочь? — не скрыв тревоги, спросил Санаш.

— Не только воспроизводство стада, но и продуктивность.

«Да, могут и не дать», — подумал Санаш.

...Но премии дали, лучшие премии в этом году: путевку на курорт в Сочи и молодого жеребчика донской породы. Обе премии им, Санашу и Барлаю.

— Вот только кому какую — решайте сами, — сказал председатель. — Оба вы с одинаковыми показателями, будто сговорились.

— Сговаривались мы не раз, — сказал Санаш.

— Думаю, сговоритесь и теперь, — улыбаясь, сказал председатель.

— Не подеремся, — ответил Барлай.

Майя посоветовала отцу взять путевку:

— Сочи — лучший курорт в мире, лет пять старости сбросишь.

— Даже год вернуть и то косяка дончаков стоит, — мудро решил Санаш.

Он взял путевку, а Барлай — дончака. Оба остались довольны. Барлай за хорошего коня жизни не пожалеет. Знал это Санаш, поэтому и предложил так поделить премии.

Принимая путевку, Санаш спросил:

— Может, еще одну можно за наличные?

— Зачем тебе две? — удивился председатель.

— Дочку хочу сам премировать. Училась ладно, забот не давала.

— Купить, пожалуйста... Купить можно, — улыбнулся председатель, вполне понимая старика (у него самого пять сыновей учились).

— Вот, спасибо... Теперь можно ехать, дочь.

Майя, счастливая, вышла вместе с отцом.

Но что это Мурат повесил голову? Чем недоволен он? Когда выехали верхом на лошадях за город, он то отставал, то вырывался вперед птицей. Поравнявшись с Майей, спросил, хмурия тонкие брови:

— Что тебе Кавказ, Майя? Горы, как у нас. Даже, говорят, хуже...

Майя перебросила за спину косу, улыбнулась.

— Ну и что?

— Как что? — Натянул он повод так, что жеребец присел на задние ноги. — А... а занятия по зоотехнии? Что мне ребята скажут? — И поехал вперед, вконец расстроенный ее спокойствием.

Майя откинула голову назад и счастливо рассмеялась.

2

И вот она в Сочи. Смотрит на море, и видятся ей сердитые глаза Мурата, и голос его, ломающийся от обиды, долетает издали.

Жить на курорте, конечно, хорошо. Но ведь курорт — не дом, а здешние горы — не Алтайские! И Майя писала длинные письма подругам.

А Санаш познакомился со стариком садоводом Макаром Калининвичем. Интересно беседовать с садоводом. Упорный старик. Вывел новые сорта яблонь и других плодовых деревьев. И все допытывается про земляка Санаша — Михаила Афанасьевича Лисавенко. А Санаш, хотя и под боком у Лисавенко жил, но рассказать про него ничего не мог.

Удивился Калининвич.

— Неужели вы своими овцами только и живете? Да и овцы, поди, такие, что ни шерсти, ни шкуры доброй. Так ведь?

— А ты как знаешь? — обиделся Санаш.

— Не умеете вы еще заставить работать природу-то на себя, — сказал садовод. Он резко махнул сухим кулаком и вытащил из кармана никелированную баночку с нюхательным табаком. Был Калининкович маленького роста, худой, в чем душа держится, только глаза и выделяли его: сердитые, острые. Короткие лохматые брови висели над переносицей, как взъерошенные осенним ветром метелки пырея.

— Мы, Санаш, — говорил он надтреснутым от простуды голосом, грозясь длинным крючковатым пальцем, — мы должны открыть сами секрет природы. Это нелегкое дело. Сколько огорчений будет на пути! Сколько неудач! Другой раз, кажется, ну все: улыбнулось счастье. Только ты руку протянешь, чтобы взять его, а оно хлоп по руке: назад! Не горячись, не дури в такие минуты. Начни сначала. В каждом деле упрямство нужно. Я вот тебе такой случай расскажу. Садись.

Они садились под тень дерева и смотрели на море.

— Вот ведь смотри, какая благодать здесь! Тут что ни брось в землю — все будет расти, цвести, давать плод... А вот у нас там, под Тюменью... Да и у вас не больно-то щедрое лето. Знаю. Ну, слушай. Выводил я новый сорт яблонь из тех сортов, что жили только в средней полосе России. И, представь себе, после скрещивания из всех саженцев очень заметно пошел один. Остальные тоже росли хорошо, ну, а этот не по дням — по часам прет. Слежу за ним. Вымахал больше метра, и вдруг смотрю, что за диво? Завязь... Мать моя! Зацвела моя яблоня раньше времени! Чудо из чудес! Никогда такого не было! Смотрю, отцвела, плод завязался хорошо... Растет яблоко. С горошину. Больше, больше. Вот уже с кулак. Вот он, думаю, тот самый скороспелый сорт, который пойдет здесь. Зреет яблоко. Краснеет. Трясусь над ним, как клушка над цыплятами. Так ведь посуди: одно-разъединственное яблоко на несколько сот саженцев! В эти дни стали мы пахать под новую посадку. Отлучился я зачем-то в деревню, кажется, в контору колхоза. Прихожу. Парни отпахались, уехали. Прошел я по саду. Подхожу к заветной яблоньке, которую уж и окрестил по-своему — «Успехом» назвал. Подхожу и вдруг застываю, как истукан: нет яблочка! Исчезло. Я рыскаю кругом — нет! Пропало. Следы вывели к

пахоте: мужские кирзовые сапоги на резиновой подошве. Значит, съели парни. Веришь, плакал. А они признались, да еще обижаются: «Что это за садовник, готов из-за одного яблока удавиться! Мы еще не видели такого скопидома». Ну, что ты им скажешь?

— Так, значит, и пропало дело? — не выдержал Санааш, жадно слушавший старика. Тот сердито посмотрел на него.

— Дело пропадает у людей слабохарактерных. Садоводы не имеют права быть такими. Вот уже пятый год скороспелые яблоки растут у нас. Хочу взяться за виноград. — Он достал баночку, повертел ее в руках, открыл и взял щепотку табака.

Поразил Санааш старик. Может, он и в животноводстве толк знает? Не откроет ли он секрет, как сделать овечку богатой — и с шерстью хорошей и с мясом?

— Нет, — сказал Макар Калининкович. — Секретов не знаю. Но знаю одно: нет такого дела, которое нельзя усовершенствовать. Надо попробовать вам скрестить овечек с улучшенной породой, совсем из другой полосы России, например, с южной какой. Мы, мичуринцы, например, делаем так. Хорошо прививается.

Слушая садовода, Майя чувствовала стыд за свою работу. Ничего она еще не сделала. Ровным счетом ничего... Ей даже странным казалось свое безделье на курорте. Вот пойдет тот садовод и расскажет всем, что получили Ялатовы премию такую дорогую, а ведь они не изобретатели, не новаторы, обыкновенные рядовые скотоводы.

Последние дни Санааша все пуще тянуло домой. Даже слабость ощущать стал во всем теле. Когда взвесился и узнал о солидной прибавке — не поверил.

— Какой легкий курортный жир, — сказал он, недоверчиво косясь своими маленькими глазами на врача. — Жир есть, а голова кругом идет...

Только дома понял Санааш, что окреп и посвежел на курорте. Но будто подменили старика. Стал он молчаливым, задумчивым. Первым делом осторожно снял со стены все свои почетные грамоты, завернул в бумагу и спрятал в сундук. Приехавший как-то Барлай перепугался за друга.

— За что на колхоз осерчал, Санаш? — кивнул он лысой головой на стену.

— Не на колхоз, а на себя, — ответил Санаш угрюмо, покусывая кончики опущенных редких усов.

Станным, очень странным стал Санаш.

— Скажи, не болезнь сушит? — допытывался Барлай.

Улыбался Санаш, качал головой и то ли шутил, то ли говорил правду:

— Мечтать научил меня один знакомый садовод. Макар ом зовут...

— Эй, смотри, разве ты девка? — качал неодобрительно головой Барлай. — О чем же?

— Приезжай радио слушать, Майя привезла, — отвечал Санаш, и голос его теплел. — Про большие урожаи слышал? Триста пудов есть... Про пшеницу, у которой... по десять колосьев, знаешь? А виноград, который будет ползти по снегу? Будут все это делать такие же люди, как и мы с тобой. А что у нас нового? Те же овечки, что и сто лет назад, та же тебеневка.

— И правда, мечтать научился, — смеялся Барлай. Но слова друга тревожили его. За ними видел он нового Санаша. Это пугало Барлая. Не тем пугало, что не по душе ему мечта его была. Нет. А тем, что не верил уже в свои силы Барлай. Что еще надо Санашу? Их ценят, ими гордятся. Откуда же быть недовольству своей работой? Да и много ль уже надо теперь им, старикам! Много ль жить-то осталось?

А Санаш щурился и насмешливо говорил:

— Разве человек ро дится трусом?

3

Майя за эти дни побывала на зональной станции. Переговорила с учеными зоотехниками. Съездила в опытную отару (станция занималась выведением новой породы овец). На станции ждали прибытия партии баранов-южан. Домой Майя прибыла оживленная, обрадованная.

— Нам нужно во что бы то ни стало добиться, чтоб правление не возражало против покупки баранов. Хоть одного племенного барана из этой группы.

— Смотри, Майя, — говорил осторожный Санаш, — как бы на шею нам не повесили его.

— А повесят — рассчитаемся. Будем настаивать.

Майя тщательно просмотрела всю отборную отару. Смотрела очень придирчиво, особенно на качество шерсти.

— Замечай, отец, самых крепких маток, самых лучших по шерсти и мясу...

Старик отобрал из всей отары 80 маток.

После осенней стрижки Санаш наделал шуму на весь колхоз. Он согласился ухаживать только за этой горсткой овец. Верно, это были лучшие овцы в колхозе. Но что он с таким количеством их будет делать? Ведь он и трудодня в сутки не зарабатывает, не говоря уже о прибавке!

Главным виновником этой затеи была Майя, конечно. Она все возилась с отарой, ездила в область, на зональную станцию, советовалась о чем-то, потом отца подучила. Старики неодобрительно качали головами. «Крутит все девчонка! Где оставил мужское достоинство Санаш?»

— Не горюй, отец, — говорила Майя. — Поживем пока без больших прибавок, лишь бы толк был из нашей затеи, а там... Там вся область ахнет!

В правлении колхозном она категорически заявила:

— Можете не доверять мне, я молодая. Пусть так. Но нам будут помогать шефы...

— Кто? — насторожился Ешев, председатель колхоза, обрюзглый, осторожный, неторопливый человек, лет пятидесяти, с полными щеками и глазами навывкат. Был Ешев как руководитель не на последнем месте в районе, но и никогда не думал о первом. Всякие эксперименты его пугали, вносили анархию в спокойный бег его мыслей и в раз заведенный им порядок.

— Кто шефы-то? — переспросил он.

— Зоотехники опытной зональной станции, — сказала Майя.

Очень не хотелось Ешеву отпускать и Санаша. Но он понимал, что обязан поддержать новое начинание, хотя сомневался в его результатах.

— Слушайте, как это вы беретесь за такое дело безо всякого директивного указания свыше? — сказал председатель.

— А зачем нам директивы? Мы и без них... Сама жизнь есть директива, — отрезала Майя.

— Но как же это? Позвольте... Вышестоящий орган... Я не могу пойти на это. Нет, нет! Это не частное дело.

— В том и дело, товарищ Ешев... Не думала, что вы такой... такой... малодушный человек!

— Как хотите называйте. Согласую съезжу.

И он ездил согласовывал. Вопрос об улучшении продуктивности ему был давно знаком. Десяток раз писались резолюции об этом. Но одно дело резолюции, другое — работа. Конечно, будет очень лестно, если о колхозе заговорят. А если провал? Кто ответ будет держать?

Все же отару передали другому чабану. Санаш отобрал пастбищный участок, определил, когда какой загон будет стравливать.

— Смотри, Санаш, не растеряй овечек, — ухмылялся Барлай, намекая на малочисленность Санашевой отары.

4

Однажды Барлай, вернувшись с пастбища домой, услышал шумный разговор. Он сразу узнал Майю. Она говорила, как всегда, горячо:

— Нужно доказать, что вещь эта необходима, как воздух. Не можем мы топтаться на одном месте, как стреноженные кони. Вы только подумайте: если увеличить настриг шерсти на десять граммов от каждой овцы, колхоз получит пятьдесят тысяч рублей дополнительного дохода... А мясо?

— Конечно, мы поддержим тебя, Майя, но учти: вся ответственность на тебе. Вынесешь?

— Да, — решительно сказала девушка, — я ручаюсь.

— Я шучу, Майя, — улыбнулся Мурат. — Мы все будем в ответе. Вся наша комсомольская организация.

Стоит Барлай в сенях и боится войти в дом. Вспомнил он, как вчера застал своего друга за необычайным для него делом. Сидел тот на колодине, спиной к тропе. Отара разбрелась по долине. Путаясь в поводу, ходил конь. Никогда не был таким неряшливым Санаш, чтоб не закрепить за седло повод. Санаш сидит, склонясь над чем-то. Подъехал Барлай ближе, хрустнул веткой его Каурый. Тогда вскочил Санаш, что-то белое под колодину сунул.

— А-а, это ты? — узнал он Барлая, а сам ногой орудует под колодиной. Видит Барлай — книжка с другой стороны высунулась. «Зачем она Санашу? Уж не ученым ли собрался стать неграмотный всю жизнь Санаш?» Но удивление свое не показал Барлай.

— Что нового? Что говорят по радио? — спросил Барлай и, соскочив с коня, присел рядом с Санашем.

— Разное. Но больше про то, как найти короче путь к богатой жизни.

— Может, путь в этой книжке записан? — не выдержал Барлай и поднял книжку. Санаш спокойно взял ее из рук друга и, глядя ему в лицо, твердо ответил:

— Ты отгадал, Барлай. Здесь указан этот путь для нашего колхоза.

— Может, прочитаешь ты мне? Я плохо вижу такие мелкие буквы, — съехидничал Барлай.

— Хорошо, — невозмутимо сказал Санаш и раскрыл книжку. — Вот. — Он ткнул пальцем в лохматого барана (картинка занимала всю страницу). — Вот этот путь, Барлай!

— Этот? — покосился на короткие ноги барана Барлай. — Ты, наверное, заболел, Санаш? Какая муха тебя укусила, мой друг?

— Вот от каких мух ты станешь чесаться, Барлай, посмотрим, — без всякой обиды и злобы возразил Санаш. — Это мы посмотрим, Барлай.

— Ты хочешь заставить весь колхоз сено косить для твоих баранов? — вскипел Барлай, сердито шевеля лохматыми черными бровями. Когда Барлай сердился, он еще больше чернел, а Санаш, наоборот, краснел, только кончик острого носа и уши белели.

— Зачем весь колхоз? Для трех баранов я сам голый рукой надергаю травы.

— А их приплод? Приплод кто кормить будет?

— Он сам себя будет кормить, потому что ноги и выносливость он отберет в наследство у матери.

Плюнул Барлай, вскочил на Каурку и уехал...

А вот сейчас все припомнилось это, весь разговор с Санашем. И понял он, что в его доме сейчас идет продолжение разговора Санаша, его мыслей и дум. И стало ему почему-то не по душе все. Трудно Барлаю разобратся в чувствах, только одно, очень похожее на зависть, вдруг вспыхнуло в нем. Он понял, что виновни-

ком его тревог, нахлынувших внезапно под старость, были Санаш и вот эта девчонка — Майя...

Не помня себя, Барлай заскочил в дом и накричал, нашумел на Майю.

— Зачем людей смущаешь и жизнь перевертываешь? Ищи лучшего, а мы и так всем довольны! Ты и отца с ума свела, не пожалела его седины.

— У меня отец не стал бы от этого кричать до натуги в голосе, — ответила Майя и, накинув теплый полушалок, быстро вышла на улицу.

Впервые за свою жизнь Мурат бросил на отца презрительный взгляд.

— Как это вы на нее с кулаками еще не полезли, отец. Удивляюсь! — Схватив шапку, он выбежал вслед за Майей.

Барлай, дико вращая глазами, поддел ногой табурет и долго еще бушевал один. Наконец, успокоился, свернув ноги калачом, опустил около железной печурки, пригрелся и задремал с трубкой во рту.

В эту ночь он до смерти перепугал старую Мерей. Он кричал и метался на постели, звал кого-то, стонал, а проснуться не мог.

— Злой дух душит старика! — переполошилась старуха. Крикнула сына, но тут же вспомнила: уехал с вечера на свою ферму и не возвращался еще. Сама растолкала Барлая.

— Кончилось? А где Санаш? — спросил он, оглядываясь.

— У-у-у! Господи, и вправду злой дух, — пробормотала испуганно Мерей. — Кончилось... Кончилось... — сказала она. — Никого нет!

Барлай очнулся и вышел во двор. Стояла тихая ночь. К Барлаю подошел дончак Каурый. Жеребчик вырос в резвого и умного коня. Часто поверял Барлай ему свои думы. Тот слушал, поводил ушами и, казалось, понимал.

— Это не сон, Каурый, — сказал Барлай. — Сидит Санаш за столом президиума один, без Барлая... Так будет... Я чувствую.

5

Прибыла партия баранов на зональную станцию. Узнав об этом, Майя тотчас доложила Ешеву. Осторожный председатель собрал правление — побаивался все-таки

брать на себя полную ответственность. Вспомнили правленцы, как завозили породистых баранов колхозы области раньше, горячо заспорили.

— Чужие у нас сдыхают. Завозили ж другие!

— Приплод никудышный...

— Нельзя деньги на ветер кидать. Общественные деньги.

— Зачем вы берете первые годы коллективизации? — говорила Майя, сверкая глазами. — Тогда на всю область два зоотехника было. А посмотрите сейчас. Сейчас в каждом колхозе... Не справлюсь — помогут другие.

— Сельхозуправление, — вспомнил Ешев, — рекомендует... Но ведь они нам не хозяева. Вы хозяева.

— Товарищ Ешев! — воскликнула укоризненно Майя. Ешев пожал плечами.

— За долгие годы председательствования, — сказал он, — я научился быть дипломатом.

— Похоже, — усмехнулась Майя. — Вы должны видеть подальше.

— Я и вижу. Случись что — меня обвинят. Кто, скажут, вам предложил? — Нет, пусть на демократию...

И ешевская «демократия» победила: правленцы не решились взять породистых баранов.

Тогда вечером пригнали Ялатовы к конторе двух своих дойных коров и двадцать овец.

— Берите в залог, — сказала Майя. — Я приведу еще свой велосипед.

И привела.

Прискакал следом Мурат и положил на стол председателя решение комсомольской организации.

— Поеду в обком, — сказал он.

— Ну что за шум, товарищи? — воскликнул Ешев. — Разве я не понимаю? Разве нужно меня уговаривать?

— Приходится, — мрачно сказала Майя.

— Напрасно такого мнения, товарищи. Надо уметь работать с массой. Да. Сначала раскатать ее, потом заставить заболеть этой новой мыслью — тогда уж, как говорится, ставить вопрос на попа!

— Ставьте.

Ешев собрал снова правление, и решение состоялось.

Вскоре бараны были доставлены в небольшую кошару на зимовку Ялатовых. Были они красивы: по самые уши покрывала их серебристая шерсть, в тройные коль-

ца были закручены рога с окаменевшими рубцами. Один недостаток их бросался в глаза — были они коротконоги.

— Им не в горах жить, — сказал Барлай, — им по деревянному полу ходить. — Однако, прощупав животных опытным взглядом, тут же решил: «Если бы этим баранам ноги и выносливость сибирской овечки — принесли бы колхозу огромное богатство».

Вечером того же дня собрала Майя всех чабанов и прочитала лекцию о том, какая задача ставится сейчас перед колхозами по улучшению стада.

— Вот эти бараны произведут революцию в колхозе. Они улучшат нашу овечку.

Барлай переглянулся со стариками. Правду сказал Санаш: люди ищут коротких путей к счастью.

6

Барлай отлично понимал: не все ли равно, кто из членов коллектива прославится своей работой, если она, эта работа, умножает богатство твоего родного колхоза. Все это было ясно Барлаю, но получилось так, что он с первых дней не поддержал Санаша, боялся на старости лет остаться побежденным в соревновании. Конечно, это было ложное чувство, и сейчас Барлай не мог себе простить этого. Он стал раздражаться успехами Санаша и открыто защищать недоброжелателей его дела. Хотя так и хотелось другой раз откусить свой язык...

А Санаш, казалось, ничего не видел, не замечал. На его зимовье строили новую кошару. Торопились до снегов закончить. За все это время он никуда не выезжал. Иногда, выпустив баранов, изучал их повадки. О друге своем даже ни разу не вспомнил. Это еще больше обидело Барлая.

Однажды Санаш, объезжая зимние пастбища, вернулся к Барлаю. Тот не ждал, растерялся. Сначала вроде и обрадовался, но тут же съязвил:

— Планируешь? А не подсчитал, сколько на одном месте былинки растет?

— Мне жалко тебя, Барлай. Видно, за эти годы ты шибко потяжелел. Смотри, можно вылететь на раскате. Знаешь, небось, какие у нас зимой дороги в горах, — так загадочно проговорил Санаш, поклонился и вышел.

Вечером Барлай остановил сына.

— Куда? — хмурясь, сказал он.

Мурат удивился.

— Дело есть. Договорились своими силами строить родильное помещение.

— Где?

— У Ялатовых.

— Не пойдешь к ним. Забудь туда дорогу. Расседлай коня! — потребовал старик.

Мурат улыбнулся снисходительно и спокойно сказал:

— Вы, отец, неправы. Как можно плохо думать о них?

— Не учи! — задыхаясь, проговорил Барлай.

— Послушайте, что я скажу, отец. Думая плохо о них, вы плохо думаете о колхозе. Вот так получается, отец.

Барлай дрогнул и выпустил из рук недоуздок.

— Желторотый воробей! Ты старших вздумал учить? — закричал он в бешенстве.

Мурат поднял коня на дыбы, перемахнул ограду, крикнул:

— Не ждите меня, пока не одумаетесь! — Круто повернув вправо, он помчался к стоянке Ялатовых.

Старик долго смотрел ему вслед.

7

Комсомольцы сдержали свое слово: к вечеру на лошадях подтащили лес к зимовке Ялатовых. Приехала из конторы Майя. Надо было выбрать подходящее место для постройки.

— Рекомендовали у ручья, — сказала она. — Я думаю, неплохо будет. Давайте выберем поровнее место.

Остановились на ровной площадке недалеко от кошары, на солнечной стороне. В тот же день закипела работа. Майя сама взялась за топор, и скоро около нее был маленький штабель затесанных, как карандаш, осиновых кольев. Ребята с помощью клиньев распарывали листовые кряжи. Санаш с Муратом, освободив от коры ровные пятиметровые бревна и вырезав на одном конце их четырехугольные шипы, закапывали в землю. Это были первые столбы. Работали весело. Любуясь движениями Мурата, Санаш думал: «Откуда такая сила и сноровка?»

Словно угадывая его мысли, Мурат сказал:

— В прошлом году на лесозаготовках очень полюбилась мне работа. На резке и трелевке нужны ловкость и уменье.

— Что отец?

— Как туча.

— Не скажешь ли мне, почему? Никак не пойму.

— Я сам не понимаю его. Ведь не желает он плохого колхозу. Это я знаю. Что ж тогда с ним?

— Вот, когда хорошо направится дело, — сказал Санаш, — пойду к нему и скажу: «Принимай отару, Барлай! Улучшенных овец!» Он мастер, сумеет сохранить отару. А без дружбы нам нельзя...

...Через неделю у ручья, чуть пониже Санашевой усадьбы, белела новая постройка. Это было родильное помещение.

Зима прошла в заботах об отаре. Наступила весна. Близилось время окота. Маток отбили и подкармливали сеном и концентратами.

Окота ждал весь колхоз. С дальних стоянок приезжали к Санашу чабаны. Гости ходили по кошарам, удивлялись их чистоте, подолгу простаивали у баранов. Родоначальники будущей породы чувствовали себя хорошо. Они были веселы, своим видом внушали уверенность в благополучном исходе большого дела.

В первых числах апреля ручей пробился сквозь лед и подмочил на всем своем протяжении снег в низине. Снег осел. Местами образовались темные свинцовые пятна. Огромные сугробы сползали с солнцепеков. Изпод них выбивались змейками ручейки и, бойко прокладывая себе дорогу, устремлялись к большому ручью. Ручей полнел, напирал на снег, лежавший еще по всей долине, и вдруг в один из теплых солнечных дней, прорвав все преграды, бурно и смело помчался книзу.

Вечером объегнилась самая крупная матка. Ягненок походил на отца.

— Вылитый! — принял на руки мокрого еще ягненка Санаш: — А ноги... Ноги длинные!

Санаш задрожал от радости и бросился со своей ношей в изолятор. А матка через несколько минут породовала его еще одним ягненком.

Ягнята, родившиеся в первые дни окота, быстро окрепли и резво бегали по широкой ограде изолятора. В колхозе самые заядлые скептики благословляли тот день, когда Санаш и Майя настояли на покупке новых баранов.

И вдруг...

Произошло это в один из самых любимых Санашем часов, когда он, напоив в ручье маток и задав им душистого сена, смотрел, как играют ягнята. Он вспомнил про своего сочинского друга, грозившего ему издали длинным худым пальцем.

«Хм, — улыбнулся Санаш. — Вот теперь бы нам с тобой поговорить, Макар Калининвич». Санаш пожалел, что не имеет его адреса. Он встал и с восхищением смотрел на резвых ягнят. Ему показалось, будто один как-то невесело отдалился от матери и все норовит лечь. «Что с ним? Не обкормила ль?» — вспыхнула тревожная мысль.

Санаш быстро нагнулся, пролез между жердей и подошел к ягненку. Тот вскочил и бросился к матке, но через минуту уже снова подгибал ножки.

...К ночи пало два ягненка, а к утру следующего дня заболели почти все матки, находящиеся в изоляторе. Весь новорожденный молодняк погиб в три дня. Это был удар, которого не мог перенести старый чабан. Он слег.

Весть о гибели ягнят облетела все стоянки, все близлежащие колхозы.

Майя сбилась с ног. Мурат был потрясен случившимся, но бодрости духа не потерял.

— Надо выяснить причину падежа, — сказал он, с подозрением осматривая отару. — Немедленно еду в аймак.

Майя с благодарностью посмотрела на него.

— Я напишу записку, Мурат... Укажу хоть примерно, как протекает болезнь, чтобы ориентировать их лучше.

— Хорошо, пиши.

— А ты кормил коня, Мурат? — спросила Майя.

— Выдюжит сорок километров.

— Нет, ты можешь испортить его. Я сейчас принесу овса.

Она ласково взглянула на Мурата и побежала в дом.

Мурат обнял голову коня, трепля его гриву, горячо шептал:

— Ты слышал? Слышал, что она сказала? Разве другая сказала бы так? Ты ничего, ничего не знаешь.

8

Два дня работала врачебная комиссия, вскрывая трупы, исследуя место падежа.

Помог случай. Мурат поехал в райцентр. Он вез с собой пробу для анализа в лабораторию. На обратном пути, перебрывая ручей километром выше стоянки Ялатовых, конь Мурата неожиданно провалился и выскочил на берег, дергая как-то странно ногой. На копыте его оказался череп какого-то животного. Мурат помог коню освободиться от него. О случившемся рассказал врачу. Тот осмотрел ногу, перевязал ее и попросил подробнее рассказать, где произошел этот случай.

— Вот вам из лаборатории! — Мурат достал запечатанный конверт, а сам повел коня к коновязи.

Вскрыв конверт и пробежав глазами написанное, врач беспокойно посмотрел на своего помощника, студента-практиканта.

— Что-нибудь серьезное?

— Очень... Майя! Майя, подите сюда! — махнул врач рукой девушке, только что вышедшей из дому.

— Помогите быстрее изолировать остальную всю отару из загонки, где был падеж.

Быстро управившись с овцами, облив все вокруг хлорной известью, врач взял Майю под руку.

— Овцы были заражены очень страшной болезнью... Я удивляюсь, как еще не погибли все, — сказал он тихо. — Пойдемте с нами, Мурат! — крикнул он. — Покажите то место, где жеребец вытащил череп...

Верховье ручья тщательно обследовали. Срыли лопатами небольшой бугор, размываемый в эту весну ручьем. Нашли кости животных.

— Здесь когда-то было скотское кладбище. Его размыл ручей, — сказал врач. — А кто может поручиться, что тут не закопали животных, павших от эпидемических болезней?

— Надо немедленно отвести ручей в сторону! — сказал Мурат и тут же приступил к работе.

Воду от опасного холма отвели в тот же день.

Узнав о причине падежа, Санаш долго лежал молча, закрыв глаза и стиснув зубы.

— Не верьте стариковской мудрости, — сказал он, приподнявшись на локте и трясая бородой. Лицо его стало желтым, шея длинной, худой. — Ненадежная у них память. Могут себе вреда наделать...

— Успокойтесь, отец, — сказала Майя. — Меры приняты.

— Знал ведь я про кладбище-то... Верно, давно это было. Жили мы тогда в урочище Каяча. Год такой выпал — почти весь скот подох. Поветрие. Хоронил каждый по себе... Вот тут на речке было кладбище, да мне и в ум не пало, что от него вред может приключиться.

— Ручей навредил. Теперь надо быть бдительными, — сказал Мурат, глядя на Майю. Она кивнула ему.

...Вечером приехал секретарь райкома товарищ Багиров. Майя провела его к отцу. Санаш долго смотрел на секретаря, потом отвел глаза, и на щеку его, морщинистую, дряблую, скатилась слеза. Багиров нагнулся над ним и тепло, с чувством пожал ему руку.

— Не волнуйся, Санаш Ялатович. Дело поправимое. Старик покачал головой.

— Я виноват, товарищ Багиров... Но вы должны знать, товарищ Багиров... Майя! Достань... Вы должны знать. Вот моя дорога! — он прижал к груди бумаги, которые подала ему Майя. — На, товарищ Багиров, смотри... Мог ли я желать плохое своему колхозу?

Это были его почетные грамоты.

— Выздоровливай. Поднимайся, — успокоил его Багиров. — Мы не дадим потухнуть такому прекрасному начинанию.

За все дни своей болезни Санаш впервые посмотрел прямо в глаза собеседнику. Он почувствовал облегчение. Свалился камень с сердца.

— Спасибо, товарищ Багиров!

9

Никогда раньше не гонял Барлай в эту сторону овец. Склон был высок и крут, местами выходил наружу лед.

Опасность велика, зато на южной стороне много прошлогодней травы. И ветра здесь не было. Но не то

привлекло сюда Барлая. Со склона хорошо были видны соседние зимовки. Вон, кажется, в седле Толуш Соенов. Левее его в ущелье ходит отара Карыпова. А еще немного левее, за одиноко торчащим над Шаргайтой кедром, видны... Что это блестит на солнце? Крыша новая, что ли?

Нечего обманывать себя, Барлай! Здесь тебя никто не видит, кроме твоих овец. Ты отлично знаешь, что там поблескивает. Это — зимовка Санаша.

Вот уже неделю не выезжает Санаш из дому. Около его кошары с утра — верховые. Вот даже в кошеве на паре приехал кто-то. Наверное, из райцентра кто-нибудь, из аймачного начальства.

Вчера Мурат, сердито взглянув на отца, буркнул матери:

— Слег Санаш... пропадут ягнята...

Нет, говорить о личной беде Санаша не следовало бы таким тоном Мурату. Он ожидал увидеть злорадство в глазах отца? Как ты еще молод, Мурат! Откуда у тебя столько соли на языке?

Барлай весь день не выпускал из вида зимовку Санаша. Он провожал и встречал приезжающих. Вчера Барлай поскользнулся на льду и зашиб себе ногу. Если б не эта больная нога, можно было бы и съездить. Кто знает, не окажутся ли его слова приветия сильнее всяких лекарств.

Но Барлай откладывал поездку. А дни шли. Наступил май. Пышная, сочная зелень стала заполнять долину.

Однажды ясным погожим утром он увидел со своего склона Санаша. С небольшой отарой медленно приближался тот к одинокому кедру над Шаргайтой.

Барлай рванул своего Каурого, и тот вынес его на большой камень. Он готов был броситься прямо со склона навстречу старому другу, но тут же сдержал свое горячее желание, тихо сказал коню:

— С каким словом мы пойдем ему навстречу? Он и без нас поднялся на ноги.

Барлай перегнал отару на противоположный склон. А вечером, когда спустился в долину, Санаша уже не было.

В конце мая Мурат как-то приехал домой с ярким венком на голове. Он соскочил с коня и бросил на ходу матери:

— Еду в гости. У Ялатовых радость. Весь колхоз едет к ним!

— Расскажи — знать будем, — спокойно сказала Мерей. — Что это у них за радость?

— Начался окот остальных маток. Проходит хорошо.

— Это новость... Разве отец твой не заканчивал его каждую весну благополучно? — сказала Мерей.

— Молчи! — оборвал жену Барлай. Он все слышал. И радость Мурата передалась ему.

— Вам, отец, велели сказать, чтоб тоже ехали.

— Кто велел? — не скрывая волнения, спросил старик.

— Сам. Он сказал: «Передай отцу, хочу, чтоб эта радость была и его радостью. Знаю, никогда не был он мне врагом, чтобы дать плохому чувству совсем обратять себя».

— Он так сказал? — воскликнул Барлай, но тут же, сдержав порыв радости, заметил с укором: — Мог бы, кажется, не переказывать с другими...

— Он же слаб еще... Еле в седле держится.

Барлай посмотрел на сына, поверил.

Барлай, как и другие гости, был поражен красотой новой отары. Ягнята, сверкая на солнце чуть курчавившейся серебристой шерстью, легко и свободно прыгали с камня на камень, взбирались на склоны. Они были сильны и резвы.

Сам Барлай почувствовал, как сжалось его сердце от радости, и молча пожал он другу руку.

Именно о таких овцах думал он прошлый год, когда смотрел на привезенных баранов. Овца передала потомству сильные ноги, порода барана передалась в богатой шерсти.

Санаша поздравляли, хотя все знали, что многое было бы ему недоступно без Майи... Но разве удобно поздравлять девчонку прежде отца? Старики трясли руки

Санаша, хлопали по плечу. Вскружилась от похвал голова у старика.

— Как назвать таких овец? Слов не подберешь! — говорили гости, восхищаясь приплодом.

— По месту назовем, — сказала Майя, счастливо и весело улыбающаяся.

— Шаргайтинские?

— Да, шаргайтинские. Я уж и записала так, — кивнула Майя.

Гости согласились с ней. Потом Санаш и Майя попросили гостей в дом. Майя прошла в садик и, бросившись на скамью, расплакалась.

— Майя! — послышалось из кустов черемухи. Молодой парень с взволнованным смуглым лицом вышел к ней. Не отрывая рук от лица, Майя отстранилась.

— Это я так, Мурат... Не подумай! Я просто очень-очень счастлива, Мурат!

— Ты молодец, Майя... Разреши мне... Я хотел...

— Говори.

— Я давно хотел сказать тебе, Майя... — Он несмело положил свою руку на ее плечо.

— Говори, Мурат. Я сегодня не буду сердиться, даже... даже, если скажешь опять, что по моей вине занятия срываются... по зоотехнии... Там, на твоей ферме...

Она засмеялась, вскочила, сорвала большой цветок марьяна коренья и вдела в петлицу его пиджака.

— После, Мурат... Ладно? Не сердись. Там гости. Пошли.

12

За столом царило непринужденное веселье. Но вот захмелевший Санаш, пуская в новый круг пиалу с аракой, сказал, что его шаргайтинки покорят сердце всех чабанов Алтая. Это было не совсем скромно для старого чабана, но кто же против этого? Вместе с шаргайтинками пошла бы добрая слава и о колхозе, где они были получены. Это ничего. Это хорошо. Видел Санаш, что не все народившиеся ягнята одинаковы: есть и с длинными ногами, есть и с короткими. Говорила ему Майя, что надо будет отбирать лучших и снова скрещивать. Годы понадобятся, чтобы новую породу вывести. И все-таки не удержался Санаш, пошел дальше. Он гордо добавил:

— Если бы все так постарались... Ого!

Он стоял и помахивал пиалой. Мурат взглянул на Майю и улыбнулся, поведя взгляд в сторону старика.

— Отец, — шепнула Майя. — Ведь у нас гости, отец...

— Вот я и говорю гостям, дочка. Пусть каждый постарается! — он топнул ногой.

Захмелевшие гости кивали, не обращая особого внимания на выходку Санаша. Но Майя видела, как потупил голову, нахмурясь, Барлай, как дрогнул его черный ус.

Санаш увидел тоже это. «Эх, зря я так, — упрекнул он себя. — Обижу Барлая, сам не прощу себе после». Но он не мог уже сдержаться.

— Покажите мне такого человека, — продолжал он, — покажите, и я пойду и подам ему руку. И скажу: «Ты мне друг».

— Отец, одумайся, что ты говоришь, отец! — прошептала, оглядывая гостей, Майя.

Барлай встал и быстро стал собираться.

— Ты куда? — остановил его Санаш, виновато моргая отяжелевшими веками. — Куда, Барлай?

— Спасибо за... угощение! — сказал тот тихо и вышел вон. Санаш посмотрел на гостей и понял, какую оплошность допустил. Жгучий стыд за свое бахвальство охватил его. Он что-то пробормотал и бросился вслед за Барлаем.

— Ничего особенного, товарищи, — сказал, поднявшись, Мурат. — Санаш никогда не пьет... А отец у меня, сами знаете, какой самолюбивый. Помирятся!

Со двора долетел голос Санаша.

— Барлай! Эй, Барлай! Обидишь на всю жизнь!

Но ответом на его слова был drobный топот копыт. Барлай уже скакал по тропе. Он даже не оглянулся на зов. Сердце его горело от обиды. Разве он разучился работать после того, как начал Санаш свой опыт? Разве он бросил на произвол судьбы свою отару? Ведь совсем недавно говорили о нем в правлении. Говорили и Ешев и Майя... Почему сейчас все промолчали?

Он вспомнил лица гостей. Вот Кудурлай с белесыми, как у Санаша, бровями. Он зажмурил глаза и тянет из пиалы чай. Хитрый Кудурлай. Попробуй, разгадай его! Конечно, он делает вид, что не замечает хвастовства Санаша.

Недели две дымились горы, окутывая землю пухлым снегом. Потом ударил мороз. Снег осел и покрылся кристальной корочкой. Огромные сугробы свисали над тропами. Трещали по утрам мелкие деревца, придавленные его тяжестью. Морозными ночами оглушительно ломались вековые кедры и лиственницы — это замерзшая вода в щелях разрывала стволы, сваливая с веток белые папахи снега.

Как-то вечером на зимовку Барлая забрели охотники. Они шли издалека.

— Столько снегу в десять лет раз бывает, — сказали они, согреваясь душистым вкусным чаем.

— Из-за него волки в степь подались. Идут стаями по ущельям. На малые урочища и зимовки нападают.

— Почему на степь? — не понял Барлай, обеспокоенный разговором.

— Тяжело по глубокому снегу промышлять.

— Небось, не дойдут до нас. Минуют, — сказал Барлай, поглядывая на старый дробовик, висевший над большой деревянной кроватью. «Перезарядить бы не мешало, — подумал он. — Года два, небось, со старым зарядом висит».

— Дойдут, — уверенно сказал невысокий мужик, напившись чаю и выбивая трубку. — Сюда идут, поближе к тракту.

— Тогда гостите! — воскликнул старик. — Разве к чести охотника уходить от зверя?

Гости переглянулись, и каждый из них открыл свой патронташ.

— Видишь, пустой. Всего по одному патрону, а идти еще далеко.

Рано утром покинули зимовку.

Весь день находился Барлай в тревоге. Покрутился немного с отарой у горы Кырлык и вернулся задолго до захода солнца.

— Давай сена, — коротко бросил он жене и смутился, увидев сына. — Обледенела гора... Гложут лед с травой. Простынут.

Мурат понял и, не вытерпев, заметил:

— Да, чего доброго, кашлять станут.

— Несчастья не хочу на свою голову.

— Вот и я говорю, — спокойно сказал Мурат.

Барлай исподлобья взглянул на сына.

— А ты уж за своим... преподавателем собрался?

На дворе звучно заржал конь.

— Зовет, — улыбнулся Мурат и снял с гвоздя кирзовую сумку. — Вызывают в контору о ферме отчитываться. Если будет время, конечно, прихвачу и преподавателя. По пути. Вернусь, наверное, ночью.

— Смотри, — встревожился старик, — может, утром?

— Ничего... В дверь-то как сквозит. Не мешало бы волчью шкуру прибить еще...

— А может... Слышишь? Ведь были случаи... Одни сапоги с ногами находили.

— Вижу, отец: старость не только сединой пробивается в человеке, а и...

— Не храбрись, — рассердился Барлай.

Мурат уехал. Барлай вышел, обошел всю зимовку. Левее кошары увидел глубокий размашистый след. Он наискось пересекал косогор, чуть-чуть отворачивая в сторону от стойбища. На крутом повороте была неглубокая вмятина. Видно, здесь опахнуло его овечьим запахом и теплотой. Откачнулся волк от пьянящей вкусной теплоты, сделал прыжок в сторону, но тут же задохнулся и уселся на снегу, посидел, вминая сумет, и бросился в соседние кусты.

— Старый, — хрипло проговорил Барлай, тревожно осматривая клочья серой скатавшейся шерсти, оставленной на снегу. — Худой, поздно линяет.

Синие тени прятались в провалах следа.

«Разведчик!» — мелькнула догадка. Барлай остановился. Он почувствовал, как сразу взмокли спина и лоб. Он бросился во двор и стал торопливо запрягать Каурого в волокушу.

Через час вокруг зимовки высились кучи сушняка. Барлай натянул вокруг кошары веревку, закрепил на ней несколько разноцветных лоскутьев. Они тряслись, как осиновые листья.

Наступила ночь. На зимовке Барлая вспыхнуло разом четыре костра. Огромными языками пламя поднималось к небу.

Вокруг стояла тишина. Изредка трещали деревья. Висела над долиной круглая луна, окруженная розовой опояской.

В полночь со стороны Санашевой зимовки раздались крики, прозвучал одинокий выстрел, слышались удары железа о железо. «В заслонку бьют», — понял Барлай, — вслушиваясь. Потом подошел к самому большому костру, ткнул палкой в золотые соты углей, и рой красноватых пчел взвился в небо. В ту же минуту вспыхнул костер и у Санаша.

Барлай увидел около стойбища друга черные точки. Они то сходились, то расходились. Это были, конечно, волки.

Барлай насчитал тридцать точек и спутался. В моменты, когда тени покрывали Санашев костер, точки продвигались к кошарам. Тогда снова раздавался звон железа. Сверкая искрами, летели головни. Изредка раздавался глухой выстрел. Видно, берег заряды Санаш на крайний, на последний случай.

«А что, если зверь подберется к тем... к породистым?» — подумал Барлай. На один миг встало перед ним лицо Санаша. Оно было растерянным. Барлай почувствовал от этого какую-то липкую теплоту на сердце. Оно, это чувство, коснулось сердца Барлая, но не согрело его. Впервые за все время размолвки с Санашем понял Барлай: нет сейчас для колхоза ничего дороже этих овец. «Золотой фонд», — вспомнил он, как называли шаргайтинок в колхозе.

От волнения или от страха зашуровал Барлай длинным шестом в кострах, вызывая огромный рой искр. Потом отошел от них и посмотрел в сторону Шаргайты. Там над речкой стоял одинокий могучий кедр. Он распростер сучья над рекой, будто собирался перескочить через нее.

Барлаю пришла в голову смелая мысль. Она была настолько смелой, что даже дух от нее захватило. Подбежав к лестнице, что стояла прислоненная к стене дома, Барлай быстро взобрался на нее и еще раз посмотрел на одиноко стоящий внизу кедр.

— Так, — прошептал он. — Так...

Он подбежал к коню. Каурый, вытянув между жердей голову и раздувая трепетные ноздри, тревожно поводил ушами. Дончак чувствовал опасность. В его глазах сверкали, искрясь, костры.

Увидев своего любимца, Барлай ахнул и опустился на изгородь.

— Нет, не смогу, — прошептал он. — Как хочешь, Санаш...

Он поднялся и, тяжело ступая, пошел было к кострам. Но мысль эта сковала его. Какой маленькой казалась теперь ему собственная опасность.

«Поторопись, Барлай, — подгоняла мысль, — не мешкай... Смотри — у него уже и костер тухнет, а эти черные точки все ближе к его кошарам... Однако, не очень ты крепок оказался на поверку, Барлай...»

Старик снял шапку и рукавом шубы обтер лоб. Он огляделся. Что может оправдать его?

«Как же ты свою отару? Бросишь на старую Мерей, которая не слазит с кровати? Нет, ты не имеешь права оставлять на произвол судьбы четыреста овец», — прорезалась еще одна мысль. Но она была, словно ночная птица, которая неожиданно откуда-то мелькнет у глаз крылом и пропадет тут же, растаяв в темноте. Не мог удержать ее Барлай. Другая мысль отодвинула ее.

«Неправда, — думалось. — Разве не в безопасности твоя зимовка? У него, у Санаша, уже потух костер и нет времени, чтобы разжечь новый... А может, и поджигать-то нечего. С дочерью своей встал Санаш в эту минуту у кошары, у тех, у серебристых... Они защищают колхозное богатство. Богатство Санаша, Майи, Мурата, твое богатство, Барлай! И не уйдут они, пока руки будут в состоянии держать топор!»

— Теперь все, — прошептал Барлай.

И вдруг он вскрикнул от неожиданности: чуть левее санашевой кошары, на косогоре, где еще минуту назад стоял новенький пятистенный дом — радость и гордость Санаша — пылал огромный костер.

— Дом! — вскричал Барлай и не узнал своего голоса, таким он стал хриплым. И показалось Барлаю, что стоит он на виду у всех, и горы смотрят на него, и люди из ближних урочищ показывают на него пальцами. «Вот он... Барлай Ачубаев, с которым Санаш всю жизнь провел в одной долине... Этот Барлай мог бы... мог...»

А за домом-костром стоит Санаш с топором в руках и ждет, когда бросятся на него звери...

Выпрямился вдруг Барлай и крикнул что было мочи: — Эге-ге-ей! Сана-аш! Эге-ге-ей! Держись!

Увидели на Санашевой зимовке: мчится всадник прямо на волчью цепь.

— Это Мурат! — вскричала Майя. — Он решил прогнаться в село! Мурат! Мурат!

— Нет, это сам... Барлай! — тихо сказал Санаш. — Он сам.

— Смотри, смотри! Он свернул в долину! — закричала девушка. — Его разорвут на первом же километре!

Барлай тем временем подскочил к стае волков. Он хлопнул бичом, точно из ружья выстрелил. Ближние звери, щелкая зубами, неохотно отползли в сторону и забили хвостами по снегу, вытянувшись и пригнув головы к лапам.

Каурый взвился на дыбы, опустился и ударил одного волка копытом. Зверь замертво отлетел в сторону. На убитого тотчас налетела стая и, свирепо рыча, огрызаясь, в одно мгновение разорвала его.

Санаш выхватил огромную головню и с криком бросился на стаю.

— Назад! — закричал на него всадник, носившийся в отсветах костра. — Назад! Не бросайте ягнят!

— Барлай! — радостно воскликнул Санаш. — Барлай! Друг.

Но тот махнул рукой и круто повернул коня к Шаргайте.

Поднялась, запылила снежная пороша из-под ног Каурого. Распластался на ветру хвост его, дразня волков. Один за другим срывались с места звери, устремившись сначала настороженно, потом смелее и смелее вслед завидной добыче. Вот уж и вся стая мчалась за ним. Санашу прижгло руки. Он выронил головню и только тогда почувствовал слезы на своем лице.

— Отец, отец! — дергала за рукав Майя, держа в поводу своего коня. — Он может погибнуть, отец!.. Зачем он решился на такое?

— Барлай, — шептал Санаш. — Друг... Это может только друг, Майя... Настоящий... Я знаю, он сейчас отдаст своего любимого коня... Гляди! Гляди!

Барлай подскочил к одинокому кедру, у подножья которого бежала незамерзающая Шаргайта. Он поднял

свечкой коня, подскочил в седле и ухватился за ближний сук... На него упал огромный ком снега.

— Ой, — воскликнула Майя, застыв на месте.

Изогнувшись молнией, грянул с берега Каурый.

Санаш закрыл глаза ладонью.

— Отец! Я прорвусь в село!.. Отец! — дергала его за рукав Майя.

— Езжай, езжай, дочь, — сказал Санаш и снова закрыл глаза. А когда открыл их — никого не было видно. Точно крыло какой-то стремительной птицы, мелькнула на повороте длинная шаль Майи и тоже скрылась.

В долине, у догорающего дома остался один Санаш. Он тихо пошел к кошарам, откуда доносились крики ягнят. Перепуганные овцы сгрудились в кучу.

...Часа через два к старому кедру примчался отряд верховых. Около взмыленной лошади Майи рвал удила горячий конь Мурата.

— Он здесь, Мурат, — сказала Майя, подбегая к кедру. За ней бросились остальные.

Барлая сняли двое верховых. Он только немного ознобил руки.

За Шаргайтой нашли седло и наборную уздечку.

...Утром мы спустились с горы Кырлык. Перед нами открылась прекрасная Шаргайтинская долина. Удивила трава: местами она была так густа, что трудно было идти.

— Хорошая трава, — наклонился Никитин и сорвал в горсть пучок ее. — Да это же клевер! — воскликнул вдруг он пораженный.

— Да. Подсевают вот уже третий год, — сказал Маныкы. — Новая порода, новая забота.

Мы шли по долине. Спустились к кедру и остановились. Внизу бурлила Шаргайта. Вдали блеснул крышей большой дом.

— Неужели Санаш успел новый выстроить? — удивились мы.

— Он не один строился. Ведь теперь там две семьи живут: Ялатовы и Ачубаевы... Отстроились быстро. Колхоз помог.

СОДЕРЖАНИЕ

Очерки

Чуйский тракт	5
В краю легенд	12
Вот такой у нее характер	27
Голубая падь	34
Олений парк	52
Стоянка на Кара-Кёль	64
Мечта уходит в поиск	70
Тойлош Мендешева	81
Хозяйка Ак-Тала	93
Караван идет по степи	98

Рассказы

В бурю	103
Весна аксакала	111
Шаргайта	115

Александр Михайлович Демченко

В КРАЮ ЛЕГЕНД

Редактор А. Тресков
Художественный редактор В. Раменский
Технический редактор М. Сафонова
Корректор С. Карпова

Сдано в набор 19. III. 1968 г. Подписано к печати 24. IV. 1968 г.
Формат 84×108/32. Бумага тип. № 3. Усл. печ. л. 7,56. Уч.-изд. л. 7,14.
Тираж 30000 экз. АГ 03585.

Алтайское книжное издательство. Барнаул, Ленина, 76.
Заказ № 796. Типография № 1 Управления по печати. Барнаул,
Л. Толстого, 29. Цена 22 коп.

148-33

22 коп.